

Тема 5.

Социальная философия

Раздел 2. Человек

ЭПИКУР

Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией; ведь никто не бывает ни незрелым, ни перзрелым для здоровья души. Кто говорит, что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени... следует размышлять о том, что создаем счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы сто иметь (5.208-209).

Что я тебе постоянно советовал; это делай и об этом размышляй, имея в виду, что это основные принципы прекрасной жизни. Во-первых, верь, что бог — существо бессмертное и блаженное... Да, боги существуют: познание их — факт очевидный. Но они не таковы, какими их представляет себе толпа, потому что толпа не сохраняет о них постоянно своего представления. Нечестив не тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представления толпы; ибо высказывания толпы о богах являются не естественными понятиями, но лживыми домыслами, согласно которым дурным людям боги посылают величайший вред, а хорошим — пользу. Именно люди, все время близко соприкасаясь со своими собственными добродетелями, к подобным себе относятся хорошо, а на все, что не таково, смотрят, как на чуждое (5.209).

Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, — не потому, чтобы оно прибавляла к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия (5.209).

Люди толпы то избегают смерти, как величайшего из зол, то жаждут ее, как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом. Как пищу он выбирает вовсе не более обильную, но самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, но самым приятным (5.210).

Надо принять во внимание, что желания бывают одни - естественные, другие — пустые, и из числа естественных одни - необходимые, а другие только естественные; а из числа необходимых одни - необходимы для счастья, другие — для спокойствия тела, третьи для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни; ведь ради этого мы все делаем,— именно, чтобы не иметь ни страданий, ни тревог. А раз это с нами случилось, всякая буря души рассеивается, так как живому существу нет надобности идти к чему-то, как к не недостающему, и искать чего-то другого, от чего благо души и тела достигает полноты. да, мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни. Его мы познали как первое благо, прирожденное нам; с него начинаем мы всякий выбор и избегание; к нему возвращаемся мы, судя внутренним чувством, как мерилom, о всяком благе (5.210-211).

Так как удовольствие есть первое и прирожденное нам благо, то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда мы обходим многие удовольствия, когда за ними следует для нас большая неприятность; также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда приходит для нас большее удовольствие, после того как мы вытерпим страдания в течение долгого времени. Таким образом, всякое удовольствие, по естественному родству с нами, есть благо, но не всякое удовольствие следует выбирать, ровно как и страдание всякое есть зло, но не всяком страдания следует избегать. Но должно обо всем этом судить по соразмерению и по рассмотрению полезного и неполезного: ведь в некоторых случаях мы смотрим на блат, как на зло, и обратно: на зло как на благо (5.211).

Да и довольство своим [умеренность] мы считаем великим благом не затем, чтобы всегда пользоваться немногим, но затем, чтобы, если у нас не будет многого, довольствоваться немногим в полном убеждении, что с наибольшим удовольствием наслаждаются роскошью те, которые наименее в ней нуждаются, и что все естественное легко добывается, а пустое [излишнее] трудно добывается. Простые кушанья доставляют такое же удовольствие, как и дорогая пища, когда все страдание от недостатка устранено. Хлеб и вода доставляют величайшее удовольствие, когда человек подносит их к устам, чувствуя потребность. Таким образом, привычка к простой, недорогой пище способствует улучшению здоровья, делает человека деятельным по отношению к насущным потребностям жизни, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы - после долгого промежутка получаем доступ к предметам роскоши, и делает нас неустрашимыми пред случайностью (5.211).

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые..., но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими явствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение (5.211-212).

Начало всего этого и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели, оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно. Ведь все добродетели по природе соединены с жизнью приятной, и приятная жизнь от них неотделима (5.212).

СЕНЕКА

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

I. Все люди хотят жить счастливо..., но они смутно представляют себе, в чем заключается счастливая жизнь. А достигнуть последней в высшей степени трудно... Главнейшая наша задача должна заключаться в том, чтобы мы не следовали подобно скоту за вожаками стада... Величайшие беды причиняет нам то, что мы сообразуемся с молвой и, признавая самыми правильными те воззрения, которые встречают большое сочувствие и находят многих последователей, живем не так, как этого требует разум, а так, как живут другие. Вот откуда эта непрерывно нарастающая груда жертв заблуждений!.. (1.509),

II...Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы — доказательство полной несостоятельности.

Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины. К черни же я отношу не только простонародье, но и венценосцев. Я не смотрю на цвет одежд, в которые облакаются люди. При оценке человека я не верю глазам; у меня есть лучшее, более верное мерило для того, чтобы отличить истину от лжи. О духовном достоинстве должен судить дуг... (1.509-510).

III... Считаю нужным заметить, что я не примыкаю исключительно к одному из главнейших представителей стоической школы, сохраняя и за собою право иметь собственное суждение. Я буду следовать одному, у другого сделаю частичное заимствование. Может быть, представляя свое заключение после всех остальных авторов, я не буду отвергать ни одного положения своих предшественников, а скажу только: вот это дополнение принадлежит мне». Впрочем, я принимаю общее правило всех стоиков: «Живи сообразно с природой вещей». Не уклоняться от нее, руководствоваться ее законом, брать с нее пример, — в этом и заключается мудрость. Следовательно, жизнь счастлива, если она согласуется со своей природой. Такая жизнь возможна лишь в том случае, если, во-первых, человек постоянно обладает здравым умом; затем, если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам; если он, не впадая в тревожную мнительность, заботится об удовлетворении физическим потребностей; если

он вообще интересуется материальными сторонами жизни, не соблазняясь ни одной из вин; наконец, если он умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом. ...результатом такого расположения духа бывает постоянное спокойствие и свобода в виду устранения всяких поводов к раздражению и к страд. Вместо удовольствий, вместо ничтожных, мимолетных и не только мерзких, но и вредных наслаждений наступает сильная, неомрачимая и постоянная радость, мир и гармония духа, величие, соединенное с кротостью. Ведь всякая жестокость происходит от немощи (1.510-511).

V. ...В ...позорном и пагубном рабстве будет находиться тот, на кого попеременно будут оказывать свое влияние удовольствия и страдания, деспотические силы, действующие крайне произвольно и необузданно. Поэтому нужно себя поставить в независимое от вин положение, а его создает не что иное, как равнодушие к судьбе. Тогда осуществится вышеуказанное неопределимое благо: спокойствие и возвышенность духа, чувствующего свою безопасность; с исчезновением всяких страхов наступает вытекающая из познания истины великая и безмятежная радость, приветливость и просветление духа. Все это будет для него услугой не потому, что это благо, а потому, что это плоды находящегося в нем самом добра. ...человек, не имеющий понятия об истине, никоим образом не может быть назван счастливым. Следовательно, жизнь счастлива, если она неизменно основывается на правильном, разумном суждении. Тогда дух человека отличается ясностью; он свободен от всяких дурных влияний, избавившись не только от терзаний, но и от мелких уколов: он готов всегда удерживать занятое им положение и отстаивать его, несмотря на ожесточенные удары судьбы (1.511-512).

VI. Те, которые считают удовольствие высшим благом, видят, какое позорное место они отвели последнему. Поэтому они говорят, что удовольствие неотделимо от добродетели, и присовокупляют, что нравственная жизнь совпадает с приятной, а приятная - с нравственной. Не понимаю, как вообще можно соединять в одно целое столь противоположные элементы. Почему, скажите, пожалуйста, нельзя отделить удовольствия от добродетели? Очевидно, потому, что добродетель, основное начало всех благ, служит также источником того, что вы так любите и к чему так стремитесь. Но если бы удовольствие и добродетель были неразрывно связаны, то мы не видели бы, что одни деяния приятны, но безнравственны, а другие, наоборот, безупречны в нравственном отношении, но зато трудны и осуществимы лишь путем страданий (1.512-513).

VII. К этому следует присовокупить, что удовольствия встречаются даже в самой позорной жизни, между тем как добродетель вообще не допускает порочной жизни, и что некоторые несчастны не вследствие отсутствия удовольствия, а, напротив, из-за избытка их. Ничего

подобного не было бы, если бы удовольствие составляло неотъемлемую часть добродетели. В действительности же последняя часто не сопровождается удовольствием, да она никогда и не нуждается в нем. Что же, вы сопоставляете не только исходные, но даже противоположные элементы? Добродетель - это нечто величественное, возвышенное, царственное, непобедимое, неутомимое, удовольствие же - нечто низкое, рабское, немощное, преходящее, караулящее и гнездящееся в непотребных местах и трактирах. Добродетель встретишь в храме, на форуме, в курии; она на передовом посту защищает городские стены; она покрыта пылью; у нее загорелое лицо и мозолистые руки. Напротив, удовольствие чаще скрывается и ищет мрака..; оно изнежено и слабосильно; от него пахнет вином и благовонной мазью; оно бледно или нарумянено; на нем отвратительные следы косметических средств. Высшее благо вечно, неизменно, оно не вызывает ни пресыщения, ни раскаяния, так как правильный образ мыслей не допускает заблуждения; он не ставит человека в необходимость негодовать на принятые решения и отменять их, так как всегда руководствуется основательными соображениями; удовольствие же погасает в момент наибольшего восторга. Да и роль его ограничена: оно быстро исполняет ее; затем наступает отвращение, и после первого увлечения следует апатия. Вообще никогда не бывает устойчивым явление, отличающееся стихийностью движения. Таким образом, и не может быть ничего прочного в том, что происходит мигом и в самом, процессе своего осуществления обречено на гибель. Достигши кульминационного пункта, оно прекращается, неминуемо клонясь уже с самого начала к своему концу (1.513-514).

VIII. Мало тот. Удовольствие достается как хорошим людям, Так и дурным, и порочные находят такое же наслаждение в своем непристойном поведении, как добродетельные - в образцовом. Вот почему древние принимают за правило, что следует стремиться не к приятнейшей жизни, а к праведной, имея в виду, что удовольствие не руководящее начало разумной и доброй воли, а только случайно сопутствующее ей явление. Нужно сообразоваться с указаниями природы: разумный человек наблюдает ее и спрашивает у нее совета. Жить счастливо и жить согласно с природой - одно и то же. Что это значит, я сейчас поясню. Мы должны считаться с естественными потребностями организма и заботиться о необходимых для их удовлетворения средствах добросовестно, но без опасения за будущее, памятуя, что они даны нам на время и скоротечны; мы не должны быть их рабами и допускать, чтобы чуждое нашему существу властвовало над нами; телесные утехи и вообще факторы, имеющие в жизни несущественное значение, должны находиться у нас в таком положении, какое в лагере занимают вспомогательные и легковооруженные отряды. Они должны играть служебную, а не господствующую роль. Только при этом условии они могут быть полезны для нашего духа. Внешние преимущества не должны развращать и подчинять себе человека: последний должен преклоняться лишь перед своим духовным достоинством. Пусть он окажется искусным строителем собственной жизни, полагаясь на себя и будучи готов одинаково встретить как улыбку судьбы, так и ее удар. Пусть его уверенность опирается на знание, а знание пусть отличается постоянством: однажды принятые им решения должны оставаться в силе, не допуская никаких поправок. Мне незачем присовокуплять, так как это само собой разумеется, что такой человек будет спокоен и уравновешен и во всем его поведении будет сказываться ласковость и благородство. Его чувствам будет присущ истинный разум, который от вин и будет получать свои элементы, так как у него нет другого исходного пункта, другой точки опоры для полета к истине и для последующего самоуглубления (1.514-515).

IX. Удовольствие не награда за добродетель и не побудительная причина к ней. Добродетель привлекательна не потому, что доставляет наслаждение, а наоборот, она доставляет наслаждение благодаря своей привлекательности. Высшее благо заключается в самом сознании и в совершенстве духа. Когда последний закончит свое развитие и сосредоточится в своих пределах, ему ввиду полного осуществления высшем блага нечего больше желать. Ведь понятие о целом не допускает возможности какой-нибудь не входящей в его состав части, равно как нельзя допустить, чтобы что-либо находилось дальше конца (1.515).

XV....Только нравственное может быть частью нравственного, и высшее благо потеряет свою

чистоту, если в нем окажется примесь худшего качества... Кто объединяет удовольствие и добродетель в союз — и притом даже неравноправный, — тот вследствие непорочности одного блага парализует всю присущую другому благу силу и подавляет свободу, которая остается непреклонной лишь в том случае, если она составляет самое драгоценное сокровище. У него возникает потребность (а это и есть величайшее рабство) в милости судьбы. И вот начинается тревожная, подозрительная, суетливая, опасаящаяся всяких случайностей жизнь, беспомощно бьющаяся в потоке явлений. Разве человек может повиноваться богу, спокойно относиться ко всем событиям, не роптать на судьбу и благодушно истолковывать превратности своей жизни, если он чувствителен к малейшему влиянию удовольствия и страдания? Но он не может быть также дельным защитником и спасителем своей родины и заступником друзей, — если он парок на удовольствия. Так пусть же высшее благо поднимается на такую высоту, откуда никакая сила не могла бы его низвергнуть, куда не проникает скорбь, надежда, страх и вообще все, что умаляет права высшего блага.. Подняться туда может только добродетель; с ее помощью трудности подъема преодолимы. Обладающий добродетелью человек будет твердо стоять на своем высоком посту и переносить все, что бы ни случилось, не только терпеливо, но и охотно, зная, что все случайные невзгоды в порядке вещей (1.515-516).

XX. Если философы и не поступают всегда так, как говорят, то все-таки они приносят большую пользу тем, что они рассуждают, что они намечают нравственные идеалы. А если бы они и действовали согласно своим речам, то никто не был бы счастливее их. Но и так нельзя относиться с пренебрежением к благородным словам и к людям, воодушевленным благородными помыслами. Занятие полезными научными вопросами похвально, даже если оно не сопровождалось существенным результатом... Я буду помнить, что моя родина — весь мир, что во главе его стоят боги и что эти строгие судьи моих деяний и слов находятся надо мной и около меня. А когда природа потребует, чтобы я возвратил ей свою жизнь или я сделал это по требованию своего разума, я уйду; засвидетельствовав, что я дорожил чистой совестью и стремился к добру, что ничья свобода, и прежде всем моя собственная, по моей вине не была ограничена... (1.518).

Роттердамский

...Человек — это некое странное животное, состоящее из две или трех чрезвычайно разных частей: из души (anima) — как бы некоего божества (numen) и тела — вроде бессловесной скотины. В отношении тела мы настолько не превосходим животных другого рода, что по всем своим данным находимся гораздо ниже их. Что касается души, то мы настолько способны воспринять божественное, что сами могли бы пролететь мимо ангелов и соединиться с Богом. Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божеством, если бы не был в тебя вложен ум (mens), ты был бы скотом. Эти две столь отличающиеся друг от друга природы высший творец объединил в столь счастливом согласии, а змей, враг мира, снова разделил несчастным разногласием, что они и разлученные не могут жить без величайшего мучения и быть вместе не могут без постоянной войны; ясно, что и то и другое, как говорится, держит волка за уши; к тому и к другому подходит милейший стишок:

Так не в силах я жить ни с тобой, ни в разлуке с тобою.

В этом неясном раздоре враждует друг с другом, будто разное, то, что едино. Ведь тело, так как оно видимо, наслаждается вещами видимыми; так как оно смертно, то идет во след преходящему, так как оно тяжелое — падает вниз. Напротив, душа (anima), памятуя об эфирном своем происхождении, из всех сил стремится вверх и борется с земным своим бременем, презирает то, что видимо, так как она знает, что это тленно; она ищет того, что истинно и вечно. Бессмертная, она любит бессмертное, небесная — небесное, подобное пленяется подобным, если только не утонет в грязи тела и не утратит своего врожденного благородства из-за соприкосновения с ним. И это разногласие посеял не мифический Прометей, подмешав к нашему духу (mens) также частичку, взятую от животного; его не было в первоначальном виде, однако грех исказил созданное хорошо, сделав его плохим, внося в доброе согласие яд раздора. Ведь прежде И дух (mens) без труда повелевал телу, и тело охотно и радостно повиновалось душе (animus); ныне, напротив, извратив порядок вещей, телесные страсти стремятся повелевать разумом (ratio), и он вынужден подчиняться решению тела.

Поэтому не глупо было бы сопоставить грудь человека с неким мятежным государством, которое, так как оно состоит из разного рода людей, по причине разногласия в их устремлениях должно раздираться из-за частых переворотов и восстаний, если полнота власти не находится у одного человека и он правит не иначе как на благо государства. Поэтому необходимо, чтобы больше силы было у того, кто больше понимает, а кто меньше понимает, тот пусть повинуется. Ведь нет ничего неразумнее низкого простого люда; он обязан подчиняться должностным лицам, а сам не имеет никаких должностей. На советах следует слушать благородных или старших по возрасту, и так, чтобы решающим было суждение одного царя, которому иногда надо напоминать, принуждать же его и предписывать ему нельзя. С другой стороны, сам царь никому не подвластен, кроме закона; закон отвечает идее нравственности (honestas). Если же роли переменятся и непокорный народ, эти буйные отбросы общества, потребует повелевать старшими по возрасту или если первые люди в государстве станут пренебрегать властью царя, то в нашем обществе возникнет опаснейший бунт и без указаний Божьих все готово будет окончательно погибнуть.

В человеке обязанности царя осуществляет разум. Благородными можешь считать некоторые страсти, хотя они и плотские, однако не слишком грубые; это врожденное почитание родителей, любовь к братьям, расположение к друзьям, милосердие к падшим, боязнь дурной славы, желание уважения и тому подобное. С другой стороны, последними отбросами простого люда считай те движения души, которые весьма сильно

расходятся с установлениями разума и низводят до низости скотского состояния. Это — похоть, роскошь, зависть и подобные им хвори души, которых, вроде грязных рабов и бесчестных колодников, надо всех принуждать к одному: чтобы, если могут, выполняли дело и урок, заданный господином, или по крайней мере не причиняли явного вреда. Понимая все это божественным вдохновением, Платон в «Тимее» написал, что сыновья богов по своему подобию создали в людях двоякий род души: одну — божественную и бессмертную, другую — как бы смертную и подверженную разным страстям. Первая из них — удовольствие (*voluptas*) — приманка зла (как он говорит), затем страдание (*dolor*), отпугивание и помеха для добра, потому болезнь и дерзость неразумных советчиков. К ним он добавляет и неумолимый гнев, а кроме того, льстивую надежду, которая бросается на все с безрассудной любовью. Приблизительно таковы слова Платона. Он, конечно, знал, что счастье жизни состоит в господстве над такого рода страстями. В том же сочинении он пишет, что те, которые одолели их, будут жить праведно, а неправедно те, которые были ими побеждены. И божественной душе, Т. е. разуму (*ratio*), как царю, определил он место в голове, словно в крепости нашего государства: ясно, что это — самая верхняя часть тела, она ближе всего к небу, наименее грубая, потому что состоит только из тонкой кости и не отягощена ни жилами, ни плотью, а изнутри и снаружи очень хорошо укреплена чувствами, дабы из-за них — как вестников — не возник в государстве ни один бунт, о котором он сразу не узнал бы. И части смертной души — это значит страсти, которые для человека либо смертоносны, либо докучливы, — он от нее отделил. Ибо между затылком и диафрагмой он поместил часть души, имеющую отношение к отваге и гневу — страстям, конечно, мятежным, которые следует сдерживать, однако они не слишком грубы; поэтому он отделил их от высших и низших небольшим промежутком, для того чтобы из-за чрезмерно тесного соседства они не смущали досуг царя и, испорченные близостью с низкой чернью, не составили против него заговора. С другой стороны, силу вождения, которая устремляется к еде и питью, которая толкает нас к Венере, он отправил под предсердие, подальше от царских покоев — в печень и в кишечник, чтобы она обитала там в загоне, словно какое-нибудь дикое, неукротимое животное, потому что она обычно пробуждает особенно сильные волнения и весьма мало слушается приказов властителя. Самая низкая ее скотская и строптивая сторона или же тот участок тела, которого надлежит стыдиться, над, которым она прежде всего одерживает верх, может быть предостережением того, что она при тщетных призывах царя с помощью непристойных порывов подготавливает мятеж. Нет сомнения в том, что ты видишь, как человек — сверху создание божественное — здесь полностью становится скотиной. И тот божественный советник, сидя в высокой крепости, помнит о своем происхождении и не думает ни о чем грязном, ни о чем низменном. У него скипетр из слоновой кости — знак того, что он управляет исключительно только справедливо; Гомер писал, что на этой вершине сидит орел, который взлетая к небу, орлиным взглядом взирает на то, что находится на земле. Увенчан он золотой короной. Потому что в тайных книгах золото обыкновенно обозначает мудрость, а круг совершенен и ни от чего не зависим. Ведь это достоинства, присущие царям; во-первых, чтобы они были мудрыми и ни в чем не погрешали, затем чтобы они хотели лишь того, что справедливо, дабы они не сделали чего-нибудь плохо и по ошибке, вопреки решению души (*animus*). Того, кто лишен одного из этих свойств, считай не царем, а разбойником.

Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // философские произведения. М., 1987. С. 111-114.

Блез Паскаль

По самой своей натуре мы несчастны всегда и при всех обстоятельствах, ибо, когда желанья рисуют нам идеал счастья, они сочетают наши нынешние обстоятельства с удовольствиями, нам сейчас недоступными. Но вот мы обрели эти удовольствия, а счастья не прибавилось, потому что изменились обстоятельства, а сними - и наши желанья:..

Суть человеческого естества — в движении. Полный покой означает смерть...

Развлечение. Человек с самого детства только и слышит, что он должен печься о собственном благополучии, о добром имени, о своих друзьях, и вдобавок о благополучии и добром имени этих друзей. Его обременяют занятиями, изучением языков, телесными упражнениями, неустанно вкушая, что не быть ему счастливым, если он и его друзья не сумеют сохранить в должном порядке здоровье, доброе имя, имущество, и что малейшая нужда в чем-нибудь сделает его несчастным. И на него обрушивают столько дел и обязанностей, что от зари до зари он в суете и заботах. «Что за диковинный способ вести человека К счастью, — скажете вы. Вернейший, чтобы сделать его несчастным!» — Как, вернейший? Есть куда вернее: отнимите у него эти заботы, и он начнет думать, что он такое, откуда пришел, куда идет, — вот почему его необходимо с головой окунуть в дела, отвратив от мыслей. И потому же, придумав для него множество важных занятий, ему советуют каждый свободный час посвящать играм, забавам, не давать себе ни минуты передышки.

Как пусто человеческое сердце и сколько нечистот в этой пустоте!..

Человек, несомненно, сотворен ДЛЯ того, чтобы думать: в этом и главное его достоинство, и главное дело жизни, а главный долг в том, чтобы думать пристойно. И начать ему следует с размышлений о себе самом, о своем создателе и о своем конце.

Но о чем думают люди? Совсе не об этом, а о том, чтобы поплясать, побряцать на лютне, Спеть песню, сочинить стихи, поиграть в кольцо и Т. д., повоевать, добиться королевского престола, и ни на минуту не задумываться над тем, что это такое: быть королем, быть человеком...

Величие человека — в его способности мыслить.

Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает.

Итак, все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом — основа нравственности...

Славолюбие — самое неизменное свойство человека и вместе с тем самое неоспоримое доказательство его высокого достоинства, ибо, даже владея обширными землями, крепким здоровьем, всеми насущными благами, он не знает довольства, если не окружен уважением ближних. Превыше всего он ценит людской разум, и даже почтеннейшее положение не радует его, если этот разум отказывает ему в почете. Почет — заветная цель человека, он будет всегда неодолимо стремиться к ней, и никакая сила не искоренит из его сердца желания ее достичь.

И даже если человек презирает себе подобных и приравнивает их к животным, все равно, вопреки самому себе, он будет добиваться всеобщего признания и восхищения: он не в силах противиться собственной натуре, которая твердит ему о величии человека более убедительно, чем разум — о низменности...

Величие человека. Величие человека так несомненно, что подтверждается даже его ничтожеством. Ибо ничтожеством мы именуем в человеке то, что в животных считается естеством, тем самым подтверждая, что если теперь его натура мало чем отличается от животной, то некогда, пока он не пал, она была непорочна..._

Человеческую натуру можно рассматривать

двойко: исходя из конечной цели, и тогда человек возвышен и ни с чем не сравним, или исходя из обычных свойств, как рассматривают лошадь или собаку, исходя из их обычных свойств — способности к бегу, et апипцтп arcendi, — и тогда человек низок и отвратителен. Вот два пути, которые привели к стольким разногласиям и философским спорам.

Потому что одни оспаривают других, утверждая: «Человек не рожден для этой цели, ибо все его поступки ей противоречат», — а те, в свою очередь, твердят: «Эти измененные поступки лишь удаляют его от конечной цели».

Клод Адриан Гельвеций

Человек по своей природе и травоядное, и плотоядное существо. При этом он слаб, плохо вооружен и, следовательно, может стать жертвой прожорливости более сильных, чем он, животных. Поэтому, чтобы добыть себе пищу или спастись от ярости тигра и льва, человек должен был соединиться с другими людьми. Целью этого союза было нападение на животных и их умерщвление - либо для того, чтобы поедать их, либо для того, чтобы защищать от них плоды и овощи, служившие человеку пищей. Между тем люди размножились и, чтобы прожить, им нужно было возделывать землю. Чтобы побудить земледельцев сеять, нужно было, чтобы им принадлежала жатва. Для этого граждане заключили между собою соглашения и создали законы. Эти законы закрепили узы союза, в основе которого лежали их потребности и который был непосредственным результатом физической чувствительности. Но нельзя ли рассматривать их общительность как врожденное качество, как своего рода нравственную красоту? Опыт показывает нам по этому вопросу, что у человека, как и у животного, общительность есть результат потребности. Если потребность в самозащите собирает в стадо или общество травоядных животных, как быки, лошади и т.д., то потребность нападать, охотиться, воевать, драться со своей добычей соединяет также в общество таких плотоядных животных, как лисицы и волки.

Интерес и потребность -таков источник всякой общительности. Только одно это начало (отчетливые представления о котором встречаются лишь у немногих писателей) объединяет людей между собою. Поэтому сила их союза всегда соразмерна силе привычки и потребности. С того момента, когда молодой дикарь и молодой кабан в состоянии добывать себе пищу и защищаться, первый покидает хижину, второй -логово своих родителей.

Орел перестает узнавать своих орлят с того момента, когда, сделавшись достаточно быстрыми в своем полете, чтобы молнией ринуться на свою добычу, они могут обойтись без его помощи.

Узы, связывающие детей с отцом и отца с детьми, менее сильны, чем думают. Будь эти узы слишком сильными -это было бы даже пагубно для государства. Первой страстью для гражданина должна быть любовь к законам и общественному благу. Говорю это с сожалением, но сыновняя любовь подчинена у человека любви к отечеству. Если это последнее чувство не превосходит всех прочих, то где найти критерий порока и добродетели? В этом случае такого критерия нет, и всякая нравственность тем самым уничтожается.

Действительно, почему людям заповедали превыше всего любовь к богу и к справедливости? Потому что смутно поняли опасность, которой подвергла бы их чрезмерная любовь к родным. Если узаконить эту чрезмерную любовь, если признать ее первым из всех чувств, то сын получит право ограбить своего соседа или обокрасть общественную казну, для того чтобы удовлетворить потребности отца или увеличить его благополучие. Сколько существует семейств, столько было бы маленьких народов с противоположными интересами, которые всегда воевали бы друг с другом! Всякий писатель, который, желая внушить хорошее мнение о своем добросердечии, основывает общительность на ином принципе, а не на физических и привычных потребностях, обманывает недалекovidных людей и дает им ложное представление о нравственности.

Природа хотела, несомненно, чтобы признательность и привычка играли у человека роль своего рода тяготения, которое влекло бы его к любви к своим родителям; она хотела также, чтобы человек нашел в естественном стремлении к независимости силу отталкивания, которая уменьшала бы чрезмерную силу этого тяготения. Поэтому дочь радостно покидает дом матери, чтобы перейти в дом мужа. Поэтому сын с удовольствием покидает отцовский очаг, чтобы получить место в Индии, занять должность в провинции или просто путешествовать.

Несмотря на мнимую силу чувства, дружбы и привычки, в Париже то и дело меняют квартиры, знакомых и друзей. Желая обмануть людей, преувеличивают силу чувства и дружбы, общительность рассматривают как любовь или как враждебное начало. Неужели

можно искренне забыть, что существует только одно такое начало - физическая чувствительность.

Одному этому началу мы обязаны и любовью к самим себе, и столь сильной любовью к независимости. Если бы между людьми, как это утверждают, имело место сильное взаимное притяжение, то разве заповедал бы им небесный законодатель любить друг друга, разве он повелел бы им любить своих родителей и матерей? Не предоставил ли бы он заботу об этом самой природе, которая без помощи какого бы то ни было закона заставляет человека есть и пить, когда он испытывает голод и жажду, открывать глаза по направлению к свету и беречь палец от огня?

Если судить по рассказам путешественников, то любовь человека к ближним не так обычна, как это уверяют. Мореплаватель, спасшийся при кораблекрушении и выброшенный на неизвестный берег, не бросается с распростертыми объятиями на шею первому встречному. Наоборот, он старается притаиться в каком-нибудь кустарнике. Отсюда он изучает нравы туземцев, и отсюда он выходит дрожа навстречу им.

Но, скажут, когда какой-нибудь европейский корабль пристанет к неизвестному острову, то разве дикари не сбегаются толпой к нему? Несомненно, их поражает его зрелище. Дикарей удивляют новые для них одежда, наши украшения, наше оружие, наши орудия. Это зрелище вызывает их изумление. Но какое желание следует у них за этим первым чувством? Желание присвоить себе предметы их восхищения. Сделавшись менее веселыми и более задумчивыми, они измышляют способы отнять хитростью или силой эти предметы их желания. Для этого они подстерегают благоприятный момент, чтобы обокрасть, ограбить и перерезать европейцев, которые при завоевании ими Мексики и Перу уже ранее дали им образец подобных несправедливостей и жестокостей.

Из этой главы следует вывод, что принципы этики и политики должны, подобно принципам всех прочих наук, покоиться на многочисленных фактах и наблюдениях. Но что следует из производившихся до сих пор наблюдений над нравственностью? Что любовь людей к своим ближним есть результат необходимости помогать друг другу и бесконечного множества потребностей, зависящих от той же физической чувствительности, которую я считаю первоначальным источником наших поступков, наших пороков и наших добродетелей.

Гельвеций К.А. О человеке // Сочинения:

В 2 т. М., 1974. С. 93-97.

Ф. ШЛЕГЕЛЬ

В теории человека, основанной на теории природы, все другие органические создания рассматриваются лишь как приближение к человеку. Человек в земной истории представляет собой последнюю ступень длинного ряда созданий, целью которых является организация совершенного тела. Только на этой вершине органического развития пробивается душа земли, и в человеке возникает духовное сознание.

Прежде всего в теории человека нужно выяснить, какое место занимает человек в ряду созданий, в каком отношении он находится к целостности природы и мира. Хотя изначально земному элементу присущи лишь два основных влечения – влечение к *самосохранению* и влечение к *обособлению, индивидуальности и развитию* – позднее, когда земной элемент уже достаточно развился, может образоваться еще более высокое влечение к *возвращению в свободный мир, томление по утраченной свободе*. Это влечение может возникнуть лишь позднее, оно может быть лишь последним из земных элементов, так как находится в противоречии с изначальным влечением *самости* (Selbstheit). Только когда последнее разрушено, другое влечение может получить простор для своего развития...

Основной пункт относительно природы и существа человека, который теперь нужно уяснить, – это свобода. Ранее можно было утверждать вообще, что свобода составляет *сущность человека*,

что свобода то же самое, что я (Ichheit), и, следовательно, человек необходимо должен быть свободен. О подлинном отношении ограниченного человека к целому речь может идти только теперь...

Всеобщие законы развития мира – это законы свободы. *На чало – это сама свобода, и законы становления – основная ее форма ...* В духовной сфере закон возникает из двойного отношения к *бесконечной полноте и бесконечному единству*. Ставится (229) известная цель, которая должна быть достигнута, – бесконечная полнота, и известное условие, при котором она должна быть достигнута – сохранение бесконечного единства. Следовательно, возникает нечто *однообразное* и закономерное в целостности этой сферы. Более всего отвечает этому в области высшей земной организации идеал, известный общий тип всех образований и конфигураций в высшей земной организации, где в бесконечном многообразии природы одновременно усматривается и подлинное единство. Все те образования, где наряду с многообразием одновременно выступает и единство, участвуют в высшей, духовной закономерности, они являются как бы формами духовной сферы закона, множеством различных выражений идеала...

Мы переходим теперь к важному вопросу о свободе человека. Свобода человека – это его способность по отношению к миру, и основной вопрос в этом исследовании: есть ли у человека способность воздействовать на мир или нет?...

Здесь мы прежде всего должны принять во внимание идеалистическое воззрение на мир как на бесконечное я в *становлении*, чтобы, исходя из этой точки зрения, достичь удовлетворительного результата. Только, если мир мыслится становящимся, как приближающийся к своему завершению в восходящем развитии, *возможна свобода*. Если бы мир был завершен, то в нем ничего больше нельзя было бы изменить и создать, и свобода была бы невозможной...

Земной человек – это определенная, необходимая ступень в ряду организаций, имеющая определенную цель. Эта цель земного элемента на высшей ступени организации – раствориться, *перейти в высшую форму, возвратиться в свободу высшего элемента*. Следовательно, это стремление предполагает человека. Он не отделен от мира, но живо вторгается в него и своим действием может сильно способствовать осуществлению его целей. Между тем ясно, что способность реально воздействовать на мир, завершать его присуща не столько *отдельному* человеку, сколько человечеству в целом. Люди все вместе выступают как некое целое не только в силу сходства организации, но в еще большей мере благодаря одинаковости своего назначения. Все люди – это множество

проявлений способности Земли к одной и той же цели: восстановлению свободы, возвращению в высшую сферу. Только человечеству в целом, а не отдельному человеку может быть приписана и вполне позитивная свобода и способность воздействовать на мир, формировать и завершать его.

В отдельном человеке влечение к обособлению идет все дальше, и тем самым может быть достигнута цель земного элемента. Как природное существо человек тем совершеннее, чем более самостоятельным и индивидуальным он является. Однако влечение к самости и индивидуальности занимает все же подчиненное (230) сто в земном элементе; в восходящем развитии оно должно постепенно растворяться в любви, ограниченная индивидуальность должна отпасть, и все возвратиться в единство.

Поэтому позитивная свобода человека имеет место лишь в отношении к целому, лишь в любви и общности, будучи связана с ними. Негативная свобода гарантирована тем, что никакие границы не являются абсолютными; у человека всегда есть способность принять решение, он всегда остается господином, сколь бы мощное воздействие ни оказывалось на него со всех сторон.

Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах// Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. – М., 1983. – С. 186-188.

Ф. ШЕЛЛИНГ

Пока человек пребывает в области природы, он в собственном смысле слова – господин природы, так же, как он может быть **господином** самого себя. Он отводит объективному миру определенные границы, которые ему не дозволено преступать. **Представляя** себе объект, придавая ему форму и прочность, он властвует над ним. Ему нечего его бояться, ведь он сам заключил его в определенные границы. Однако, как только он эти границы устраняет, как только объект становится уже *недоступным представлению*, то есть только человек сам преступает границу представления, он ощущает себя погибшим. Страхи объективного мира преследуют его. Ведь он уничтожил границы объективного мира, как же ему преодолеть его? Он уже не может придать форму безграничному объекту “неопределенности”, он носится перед его взором; как остановить его, как схватить, как положить границы его могуществу?

Шеллинг Ф. Философские письма о догматизме и критицизме // Сочинения. Т. 1. – С. 85.

Дух природы лишь по видимости противоположен душе; сам по себе он – орудие ее откровения: он творит, правда, противоположность вещей, однако лишь для того, чтобы тем самым могла проявиться единая сущность в качестве высшей мягкости и примиренности всех сил. Все создания, кроме человека, движимы только духом природы и с его помощью утверждают свою индивидуальность; только в человеке, как в некоем средоточии возникает душа, без которой мир был бы подобен природе без солнца.

Следовательно, душа в человеке не есть начало индивидуальности, а то, благодаря чему он возвышается над всякой самостью, благодаря чему он становится способным к самопожертвованию, к бесконечной любви, что превыше всего, к видению и познанию сущности вещей, а тем самым и искусства. Душа уже не занята материей, не соприкасается с ней непосредственно; она (231) соприкасается и только с духом как с жизненным началом вещей, являя себя в теле, она тем не менее свободна от него и в прекраснейших творениях сознание о нем лишь встает над ней, подобно легкой грезе, не нарушающей ее покой.

Шеллинг Ф. Об отношении изобразительного искусства к природе // Сочинения, Т. 2.– С. 70.

Только человек есть в Боге и именно благодаря этому бытию-в-Боге он способен к свободе. Он один есть центральное существо и поэтому должен оставаться в центре. В

нем созданы все вещи, и только через посредство человека Бог принимает природу, соединяя ее с собой. Природа есть первый или Ветхий Завет, ибо вещи здесь еще находятся вне центра и поэтому подвластны закону. Человек – начало нового союза, посредством которого в качестве посредника, – так как он связан этим союзом с Богом – Бог (после последнего разделения) принимает природу и вовлекает ее в себя. Таким образом, человек – спаситель природы, на него как на свою цель направлены все ее прообразы. Слово, исполненное в человеке, существует в природе как темное, пророческое (еще не полностью изреченное) слово. Отсюда и предзнаменования, которые в самой природе не находят своего истолкования и могут быть объяснены только человеком.

Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Сочинения. Т. 2. – С. 154.

Л. ФЕЙЕРБАХ

Исходной позицией прежней философии являлось следующее положение: Я – абстрактное, только *мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности*; что касается новой философии, то она исходит из положения: *я – подлинное, чувственное существо: тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность*. Прежний философ, чтобы защититься от чувственных представлений, чтобы не осквернить отвлеченных понятий, мыслит *в непрестанном противоречии и раздоре с чувствами*, а новый философ, напротив, мыслит в мире и согласии с чувствами...

Человек отличается от животного вовсе не только одним мышлением. Скорее всего его существо отлично от животного. Разумеется, тот, кто не мыслит, не есть человек, однако не потому, что причина лежит в мышлении, но потому, что мышление есть неизбежный результат и свойство человеческого существа.

Поэтому и здесь нам нет нужды выходить за сферу чувственности, чтобы усмотреть в человеке существо, над животными возвышающееся. Человек, не есть идеальное существо, подобно животному, (232) но существо универсальное, оно не является ограниченным и несвободным, но неограниченно и свободно, потому что универсальность, неограниченность и свобода неразрывно между собою связаны. И эта свобода не сосредоточена в какой-нибудь особой способности – *воле*, так же как и эта универсальность не покрывается особой способностью *силы, мысли, разума* – эта свобода, эта универсальность захватывает все его существо. Чувства животных более тонки, чем человеческие чувства, но это верно только относительно определенных вещей, необходимо связанных с потребностями животных, и они тоньше именно вследствие этой определенности, вследствие узости того, в чем животное заинтересовано. У человека нет обоняния охотничьей собаки, нет обоняния ворона; но именно потому, что его обоняние распространяется на все виды запахов, оно свободнее, оно безразличнее к специальным запахам. Где чувство возвышается над пределами чего-либо специального и над своей связанностью с потребностью, там оно возвышается до *самостоятельного, теоретического смысла и достоинства: универсальное чувство есть рассу док, универсальная чувственность – одухотворенность*. Даже низшие чувства – обоняние и вкус – возвышаются в человеке до духовных, до научных актов. Обонятельные и вкусовые качества вещей являются предметом естествознания. Даже желудок у людей, как бы презрительно мы на него не смотрели, не есть животная, а *человеческая сущность*, поскольку он есть нечто универсальное, не ограниченное определенными видами средств питания. Поэтому человек свободен от неистовства прожорливости, с которой животное набрасывается на добычу. Если оставить человеку его голову, придав ему в то же время желудок льва или лошади, он, конечно, перестанет быть человеком. Ограниченный

желудок уживается только с ограниченным, то есть животным, чувством. Моральное и разумное отношение человека к желудку заключается только в том, чтобы обращаться с ним не как со скотским, а как с человеческим органом. Кто исключает желудок из обихода человечества, переносит его в класс животных, тот уполномочивает человека на скотство в еде...

Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку...

Искусство, религия, философия или наука составляют проявление или раскрытие подлинной человеческой сущности. Человек, совершенный, настоящий человек только тот, кто обладает эстетическим или художественным, религиозным или моральным, а также философским или научным смыслом. Вообще только тот человек, кто не лишен никаких существенных человеческих свойств. "Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо". Это высказывание, если его взять в его всеобщем и высшем смысле, является лозунгом современного философа...(233)

Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты.

Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. Т. I. М., 1955.– С. 186, 200-203.

Н. А. БЕРДЯЕВ

...Проблема человека есть основная проблема философии. Еще греки поняли, что человек может начать философствовать только с познания самого себя. Разгадка бытия для человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира. Тот факт, что человек, как предмет познания, есть вместе с тем и познающий, имеет не только гносеологическое, но и антропологическое значение... Человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать. Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоится на бытии сверхприродном. Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности... Человек не есть только порождение природного мира и природных процессов, и вместе с тем он живет в природном мире и участвует в природных процессах. Он зависит от природной Среды, и вместе с тем он гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало. Творческий акт человека в природе имеет космогоническое значение и означает новую стадию жизни космической. Человек есть принципиальная новизна в природе...

Научно наиболее сильно определение человека, как создателя орудий (*homo faber*). Орудие, продолжающее человеческую руку, выделило человека из природы. Идеализм определяет человека как носителя разума и ценностей логических, этических и эстетических. Но в такого рода учении о человеке остается непонятным, каким же образом соединяется природный человек с разумом и идеальными ценностями. Разум и идеальные ценности оказываются в человеке началами сверхчеловеческими. Но как нисходит сверхчеловеческое в человеке? Человек тут определяется по принципу, который не есть человеческий принцип. И остается непонятным, что есть специфически человеческое. Пусть человек есть разумное животное. Но ни разум в нем, ни животное не есть специфически человеческое. Проблема человека подменяется какой-то (234) другой

проблемой. Еще более настоятелен натурализм, для которого человек есть продукт эволюции животного мира. Если человек есть продукт космической эволюции, то человека, как существа отличного, ни из чего нечеловеческого не выводимого и ни на что нечеловеческое не сводимого, не существует. Человек есть преходящее явление природы, усовершенствовавшееся животное. Эволюционное учение о человеке разделяет все противоречия, все слабости и всю поверхность эволюционного учения вообще. Верным остается то, что человеческая природа совсем не есть эволюция. Этот динамизм связан со свободой, а не с необходимостью. Не более состоятельно социологическое учение о человеке, хотя человек бесспорно есть специальное животное. Социология утверждает, что человек есть животное, подвергшееся муштровке, дисциплине и выработке со стороны общества. Все ценное в человеке и не присуще ему, а получено им от общества, которое он принужден почитать, как божество. Наконец, современная психопатология выступает с новым антропологическим учением, согласно которому человек есть прежде всего больное существо, в нем ослаблены инстинкты его природы, инстинкт половой и инстинкт власти подавлены и вытеснены цивилизацией, создавшей болезненный конфликт сознания с бессознательным. В антропологии идеализма, натуралистического эволюционизма, социологизма и психопатологии схвачены отдельные существенные черты – человек есть существо, носящее в себе разум и ценности, есть существо развивающееся, есть существо социальное и существо больное от конфликта сознания и бессознательного. Но ни одно из этих направлений не схватывает существо человеческой природы, ее целостность. Только библейско-христианская антропология есть учение о целостном человеке, о его происхождении и его назначении. Но библейская антропология сама по себе недостаточна и не полна, она ветхозаветна и строится христологии. И из нее одинаково может быть выведено и возвышение и унижение человека...

Бердяев Н. О назначении человека. – Париж, 1931. – С. 50 – 60.

М. ШЕЛЕР

Если спросить образованного европейца, о чем он думает при слове “человек”, то почти всегда в его сознании начнут сталкиваться три несовместимых между собой круга идей. Во-первых, это круг представлений иудейско-христианской традиции об Адаме и Еве, о творении, рае и грехопадении. Во-вторых, это греко-античный круг представлений, в котором самопознание человека впервые в мире возвысилось до понятия о его особом положении, о чем говорит тезис, что человек является человеком благодаря тому, что у него есть разум, логос, фронесис [*разумность (греч.)*], *mens, ratio* [*мышление, разум (лат.)*] и т. д. (логос означает здесь и речь, и способность к постижению “чтойности” всех вещей). С этим воззрением тесно связано учение о том, что в основе всего универсума находится надчеловеческий разум, которому причастен и человек, (236) и только он один из всех существ. Третий круг представлений – это тоже давно ставший традиционным круг представлений современного естествознания и генетической психологии, согласно которому человек есть достаточно поздний итог развития Земли, существо, которое отличается от форм, предшествующих ему в животном мире, только степенью сложности соединения энергий и способностей, которые сами по себе уже встречаются в низшей по сравнению с человеческой природе. Между этими тремя кругами идей нет никакого единства. Таким образом, существуют естественнонаучная, философская и теологическая антропологии, которые не интересуются друг другом, единой же идеи человека у нас нет. Специальные науки, занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее. И если принять во внимание, что названные три традиционных круга идей ныне повсюду подорваны, в особенности совершенно подорвано дарвинистское решение проблемы происхождения человека, то можно сказать, что еще никогда в истории человек не становился настолько

проблематичным для себя, как в настоящее время.

Поэтому я взялся за то, чтобы на самой широкой основе дать новый опыт философской антропологии. Ниже излагаются лишь некоторые моменты, касающиеся сущности человека в сравнении с животным и растением и особого метафизического положения человека, и сообщается небольшая часть результатов, к которым я пришел.

Уже слово и понятие “человек” содержит коварную двусмысленность, без понимания которой даже нельзя подойти к вопросу об особом положении человека. Слово это должно, во-первых, указывать на особые морфологические признаки, которыми человек обладает как подгруппа рода позвоночных и млекопитающих. Само собой разумеется, что, как бы не выглядел результат такого образования понятия, живое существо, названное человеком не только останется подчиненным понятию животного, но и составляет сравнительную малую область животного царства. Такое положение вещей сохраняется и тогда, когда вместе с Линнеем, человека называют “вершиной ряда позвоночных и млекопитающих” – что, впрочем, весьма спорно с точки зрения реальности, и с точки зрения понятия, – ибо и эта вершина, как всякая вершина какой-то вещи, относится еще к самой вещи, вершиной которой она является. Но совершенно независимо от такого понятия, фиксирующего в качестве единства человека прямохождение, преобразование позвоночника, уравнивание черепа, мощное развитие человеческого мозга и преобразование органов как следствие прямохождения (например, кисть с противопоставленным большим пальцем, уменьшение челюсти и зубов и т. д.), то же самое слово “человек” обозначает в обыденном языке всех культурных (237) народов нечто столь совершенно иное, что едва ли найдется другое слово человеческого языка, обладающее аналогичной двусмысленностью. А именно слово “человек” должно означать совокупность вещей, предельно противоположную понятию “животного вообще”, в том числе всем млекопитающим и позвоночным, и противоположную им в том же самом смысле, что, например, и инфузории *stentor*, хотя едва ли можно спорить, что живое существо, называемое человеком, морфологически, физиологически и психологически несравненно больше похоже на шимпанзе, чем человек и шимпанзе похожи на инфузорию.

Ясно, что это вопрос понятия человека должно иметь совершенно иной смысл, совершенно иное происхождение, чем первое понятие, означающее лишь малую область рода позвоночных животных. Я хочу назвать это второе понятие сущностным понятием человека, в противоположность первому понятию, относящемуся к естественной систематике.

...Возникает вопрос, имеющий решающее значение для всей нашей проблемы: если животному присущ интеллект, то отличается ли вообще человек от животного более, чем только по степени? Есть ли еще тогда сущностное различие? Или же помимо до сих пор рассматривавшихся сущностных степеней в человеке есть еще что-то совершенно иное, специфически ему присущее, что вообще не затрагивается и не исчерпывается выбором и интеллектом?

Я утверждаю: сущность человека и то, что можно назвать его особым положением, возвышается над тем, что называют интеллектом и способностью к выбору, и не может быть достигнуто, даже если предположить, что интеллект и избирательная способность произвольно возросли до бесконечности. Но неправильно было бы и мыслить себе то новое, что делает человека человеком, только как новую сущностную ступень психических функций и способностей, добавляющуюся к прежним психическим ступеням, – чувственному порыву, инстинкту, ассоциативной памяти, интеллекту и выбору, так что познание этих психических функций и способностей, принадлежащих к витальной сфере, находилось бы еще в компетенции психологии. Новый принцип, делающий человека человеком, лежит вне всего того, что в самом широком смысле, с внутренне-психической или внешне-витальной стороны мы можем назвать жизнью. То, что делает человека человеком, *есть принцип, противоположный всей жизни вообще, он,*

как таковой, вообще несводим к “естественной эволюции жизни”, и если его к чему-то и можно возвести, то только к высшей основе самих вещей – к той основе, частной манифестацией которой является и “жизнь”. Уже греки отстаивали такой принцип и называли его “разумом”. Мы хотели бы употребить для обозначения этого X более широкое по смыслу слово, слово, которое включает в себе и понятие разума, но наряду с мышлением в идеях охватывает и определенный род (238) созерцания, созерцание первофеноменов или сущностных содержаний, далее определенный класс эмоциональных и волевых актов, которые еще предстоит охарактеризовать, например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т. д. – слово *дух*. Деятельный же центр, в котором дух является внутри конечных сфер бытия, мы будем называть *личностью* в отличие от всех функциональных “жизненных” центров, которые при рассмотрении их с внутренней стороны, называются также “*душевыми*” центрами.

Но что же такое этот “дух”, этот новый и столь решающий принцип? Редко с каким словом обходились так безобразно, и лишь немногие понимают под этим словом что-то определенное. Если главным в понятии духа сделать особую познавательную функцию, род знания, которое может дать только он, то тогда основным определением “духовного” существа станет его – или его бытийственного центра – *экзистенциальная независимость от органического, свобода, отрешенность от принуждения и давления*, от “жизни” и всего, что относится к “жизни”, то есть в том числе его собственного, связанного с влечениями интеллекта. Такое “духовное” существо больше не привязано к влечениям и окружающему миру, но “свободно от окружающего мира” и, как мы это будем называть, “открыто миру”. У такого существа есть “мир”. Изначально данные и ему центры “сопротивления” и реакции окружающего мира, в котором экстатически растворяется животное, оно способно возвыситься до “предметов”, способно в принципе постигать само так-бытие этих “предметов”, без тех ограничений, которые испытывает этот предметный мир или его данность из-за витальной системы влечений и ее чувственных функций и органов чувств.

Поэтому дух есть *предметность, определенность так-бытием самих вещей*. И носителем духа является такое существо, у которого принципиальное обращение с действительностью вне него прямо-таки перевернуто по сравнению с животным.

...У животного, в отличие от растения, имеется, пожалуй, сознание, но у него, как заметил уже Лейбниц, нет *самосознания*. Оно не владеет собой, а потому и не сознает себя. Сосредоточение, самосознание и способность и возможность опредмечивания изначального сопротивления влечению образуют, таким образом, *одну-единственную неразрывную структуру*, которая как таковая, свойственна лишь человеку. Вместе с этим самосознанием, этим новым отклонением и центрированием человеческого существования, возможными благодаря духу, дан тот час же и второй сущностный признак человека: человек способен не только распространить окружающий мир в измерение “*мирового*” бытия и сделать сопротивления предметными, но также, и это самое примечательное, вновь *опредметить собственное физиологическое и психическое состояние и даже каждое отдельное психическое переживание*. Лишь поэтому он может также свободно отвергнуть жизнь. (239)

Животное и слышит и видит – не зная, что оно слышит и видит, чтобы отчасти погрузиться в нормальное состояние животного, надо вспомнить о весьма редких экстатических состояниях человека – мы встречаемся с ними при спадающем гипнозе, при приеме определенных наркотиков, далее при наличии известной техники активизации духа, например, во всякого рода оргиастических культах. Импульсы своих влечений животное переживает не как свои влечения, но как динамическую тягу и отталкивание, исходящие от самих вещей окружающего мира. Даже примитивный человек, который в ряде черт еще близок животному, не говорит: “я” испытываю отвращение к этой вещи, – но говорит: эта вещь – “табу”. У животного нет воли, которая существовала бы независимо от импульсов меняющихся влечений, сохраняя непрерывность при изменении

психофизических состояний. Животное, так сказать, всегда попадает в какое-то другое место, чем оно первоначально “хотело”. Глубоко и правильно говорит Ницше: “Человек – это животное, способное обещать”...

Только человек, поскольку он личность – может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого.

Но этот центр человеческих актов опредмечивания мира, своего стала и своей Psyche [душа, жизнь (греч.)] не может быть сам “частью” именно этого мира, то есть не может иметь никакого определенного “где” или “когда”, – он может находиться только в высшем основании самого бытия. Таким образом, человек – это существо, превосходящее само себя и мир. В качестве такового оно способно на иронию и юмор, которые всегда включают в себя возвышение над собственным существованием. Уже И. Кант в существенных чертах прояснил в своем глубоком учении о трансцендентальной апперцепции это новое единство cogitare [мышления (лат...)] – “условие всего возможного опыта и потому также всех предметов опыта” – не только внешнего, но и того внутреннего опыта, благодаря которому нам становится доступна наша собственная внутренняя жизнь...

...Способность к разделению существования и сущности сопоставляет, основной признак человеческого духа, который только и фундирует все остальные признаки. Для человека существенно не то, что он обладает знанием, как говорил уже Лейбниц, но то, что он обладает сущностью *argioi* или способен овладеть ею. При этом не существует “постоянной” организации разума, как ее предполагал Кант; напротив она принципиально подвержена историческому изменению. Постоянен только сам разум как способность образовывать и формировать – посредством функционализации таких сущностных усмотрений – все новые формы мышления и созерцания, любви и оценки. (240)

Если мы захотим глубже проникнуть отсюда в сущность человека, то нужно представить себе строение актов, ведущих к акту идеализации. Сознательно и бессознательно человек пользуется техникой, которую можно назвать пробным устранением характера действительности. Животное целиком живет в конкретном и в действительности. Со всякой действительностью каждый раз связано место в пространстве и положение во времени, “теперь” и “здесь”, а во-вторых, случайное так-быть (So-sein), даваемое в каком-нибудь аспекте чувственным восприятием. Быть человеком значит бросить мощное “нет” этому виду действительности. Это знал Будда, говоря: прекрасно созерцать всякую вещь, но страшно быть ею. Это знал Платон, связывающий познание идей с “феноменологической редукцией”, т. е. “зачеркиванием” или “заключением в скобки” (случайного) коэффициента существования вещей в мире, чтобы достигнуть их “essentia”. Правда, в частности я не могу согласиться с теорией этой редукции у Гуссерля, но должен признать, что в ней имеется в виду тот самый акт, который, собственно, и определяет человеческий дух...

Таким образом, человек есть то живое существо, которое может (подавляя и вытесняя импульсы собственных влечений, отказывая им в питании образами восприятия и представлениями) относиться принципиально аскетически к своей жизни, вселяющей в него ужас. По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек – это “тот, кто может сказать нет”, “аскет жизни”, вечный протестант против всякой только действительности. Одновременно, по сравнению с животным, существование которого есть воплощенное филистерство, человек – это вечный “Фауст”, *bestia cupidissima rerum novarum* [зверь, алчущий нового (лат.)], никогда не успокаивающийся на окружающей действительности, всегда стремящийся прорвать пределы своего здесь-и-теперь-так-бытия и “окружающего мира, в том числе и наличную действительность собственного Я. В этом смысле и З. Фрейд в книге “По ту сторону принципа удовольствия” усматривает в человеке “вытеснителя влечений”. И лишь потому, что он таков, человек может надстроить над миром своего

восприятия идеальное царство мыслей, а с другой стороны, именно благодаря этому во все большей мере доставлять живущему в нем духу дремлющую в вытесненных влечениях энергию, т. е. может *сублимировать* энергию своих влечений в духовную деятельность.

Задачи философской антропологии – точно показать, как из основной структуры человеческого бытия, кратко обрисованной в нашем предшествующем изложении, вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, (241) инструменты, оружие, идеи праведного и неправедного, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религия, наука, историчность и общественность.

Шеллер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 31-33, 51-56, 60, 63-65, 90.

Э. ФРОММ

По своей телесной организации и физиологическим функциям человек принадлежит к животному миру. Жизнь животных определяется инстинктами, некоторыми моделями поведения, детерминированными в свою очередь наследственными неврологическими структурами. Чем выше организовано животное, тем более гибки его поведенческие модели и тем более не завершена к моменту рождения структура его приспособленности к окружающей среде. У высших приматов можно наблюдать даже определенный уровень интеллекта – использование мышления для достижения желаемых целей. Таким образом, животное способно выйти за пределы своих инстинктов, предписанных поведенческими моделями. Но каким бы впечатляющим ни было развитие животного мира, основные элементы его существования остаются все те же.

Животное “проживает” свою жизнь благодаря биологическим законам природы. Оно – часть природы и никогда не трансцендирует ее. У животного нет совсем морального порядка, нет осознания самого себя и своего существования. У него нет разума, если понимать под разумом способность проникать сквозь данную нам в ощущениях поверхность явлений и постигать за ней суть. Поэтому животное не обладает и понятием истины, хотя оно может иметь представление о том, что ему полезно.

Существование животного характеризуется гармонией между ним и природой. Это, естественно, не исключает того, что природные условия могут угрожать животному и принуждать его ожесточенно бороться за свое выживание. Здесь имеется в виду другое: животное от природы наделено способностями, помогающими ему выжить в условиях, которым оно противопоставлено, точно так же как семя растения “оснащено” природой для того, чтобы выжить, приспособившись к условиям почвы, климата и т. д. в ходе эволюции.

В определенной точке эволюции живых существ произошел единственный в своем роде поворот, который сравним только с появлением материи, зарождением жизни или появлением животных. Новый результат возник тогда, когда в ходе эволюционного процесса поступки в значительной степени перестали определяться инстинктами. Приспособление к природе утратило характер (242) принуждения, действие больше не фиксировалось наследственными механизмами. В момент, когда животное трансцендировало природу, когда оно вышло за пределы предначертанной ему чисто пассивной роли тварного существа, оно стало (с биологической точки зрения) самым беспомощным из всех животных – *родился че ловек*. В данной точке эволюции животное, благодаря своему вертикальному положению эмансипировалось от природы, его мозг значительно увеличился в объеме по сравнению с другими самыми высокоорганизованными видами. Рождение человека могло длиться сотни тысяч лет, однако в конечном результате оно привело к возникновению нового вида, который

трансцендировал природу. Тем самым *жизнь стала осознавать саму себя*.

Осознание самого себя, разум и сила воображения разрушили “гармонию”, характеризующую существование животного. С их появлением человек становится аномалией, причудой универсума. Он – часть природы, он подчинен ее физическим законам, которые не может изменить, и тем не менее он трансцендирует остальную природу. Он стоит вне природы и тем не менее является ее частью. Он безроден и тем не менее крепко связан с родом, общим для него и всех других тварей. Он заброшен в мир в случайной точке и в случайное время и также случайно должен его снова покинуть. Но поскольку человек осознает себя, он понимает свое бессилие и границы своего существования, он предвидит собственный конец – смерть. Человек никогда не свободен от дихотомии своего существования: он уже не может освободиться от своего духа, даже если бы он этого хотел, и не может освободиться от своего тела, пока он живет, а его тело будит в нем желание жить.

Разум, благословение человека, одновременно является и его проклятием. Разум принуждает его постоянно заниматься поисками разрешений неразрешимой дихотомии. Жизнь человека отличается в этом плане от жизни всех остальных организмов: он находится в состоянии постоянной и неизбежной неуравновешенности. Жизнь не может быть “прожита” путем простого повторения модели своего вида. Человек должен жить сам. Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой. Он должен развивать свой разум, пока не станет господином над природой и самим собой.

Но с онтогенетической и филогенетической точек зрения рождение человека – в значительной мере явление негативное. У человека нет инстинктивной приспособленности к природе, у него нет физической силы: в момент своего рождения человек – самый беспомощный из всех живых созданий и нуждается в защите гораздо дольше, чем любое из них. Единство с природой было им утрачено, и в то же время он не был обеспечен средствами, которые (243) позволили бы ему вести новую жизнь вне природы. Его разум в высшей степени рудиментарен. Человек не знает природных процессов и не обладает инструментами, которые смогли бы ему заменить утерянные инстинкты. Он живет в рамках небольших групп и не знает ни самого себя, ни других. Его ситуацию наглядно представляет библейский миф о рае. В саду Эдема человек живет в полной гармонии с природой, но не осознает самого себя. Свою историю он начинает с первого акта свободы – непослушания заповеди. Однако с этого момента человек начинает осознавать себя, свою обособленность, свое бессилие; он изгоняется из рая, и два ангела с огненными мечами препятствуют его возвращению.

Эволюция человека основывается на том, что он утратил свою первоначальную родину – природу. Он никогда уже не сможет туда вернуться, никогда не сможет стать животным. У него теперь только один путь: покинуть свою естественную родину и искать новую, которую он сам себе создаст, в которой он превратит окружающий мир в мир людей и сам станет действительно человеком.

Родившись и положив тем самым начало человеческой расе, человек должен был выйти из надежного и ограниченного состояния, определяемого инстинктами. Он попадает в положение неопределенности, неизвестности и открытости. Известность существует только в отношении прошлого, а в отношении будущего она существует лишь постольку, поскольку данное знание относится к смерти, которая в действительности является возвращением в прошлое, в неорганическое состояние материи. В соответствии с этим проблема человеческого существования – единственная своего рода проблема в природе. Человек “выпал” из природы и все еще находится в ней. Он отчасти как бы бог, отчасти – животное, отчасти бесконечен и отчасти конечен. *Необходимость искать новые решения противоречий его существования, все более высокие формы соединения с природой, окружающими людьми и самим собой выступает источником всех психических*

сил, которые побуждают человека к деятельности, а также источником всех его страстей, аффектов и страхов.

Животное довольно, когда удовлетворены его естественные потребности – голод, жажда, сексуальная потребность. В той степени, в какой человек является животным, эти потребности властны и над ним и должны быть удовлетворены. Но *поскольку он существо человеческое, удовлетворения этих инстинктивных потребностей недостаточно, чтобы сделать его счастливым. Их недостаточно даже для того, чтобы сделать его здоро вье. “Архимедов” пункт специфически человеческой динамики находится в этой неповторимости человеческой ситуации. Понимание человеческой психики должно основываться на анализе тех потребностей человека, которые вытекают из условий его существования.* (244)

Человека можно определить как живое существо, которое сможет сказать “Я”, которое может осознать самого себя как самостоятельную величину. Животное живет в природе и не трансцендирует ее, оно не осознает себя, и у него нет потребности в самоидентификации. Человек вырван из природы, наделен разумом и представлениями, он должен сформировать представление о самом себе, должен иметь возможность говорить и чувствовать: “Я есть Я”. Поскольку он не *проживает*, а живет, поскольку он утратил первоначальное единство с природой, должен принимать решения, осознавать себя и окружающих его людей в качестве разных лиц, у него должна быть развита способность ощущать себя субъектом своих действий. Наряду с потребностью в соотнесенности, скоренности и трансценденции его потребность в самоидентификации является настолько жизненно важной и властной, что человек не может чувствовать себя здоровым, если он не найдет возможности ее удовлетворить. Самоидентификация человека развивается в процессе освобождения от “первичных связей”, привязывающих его к матери и природе, ребенок, который чувствует свое единство с матерью, не может еще сказать “Я”, и у него нет в этом потребности. Только когда он постигнет внешний мир как нечто отдельное и обособленное от себя, ему удастся осознать самого себя как отдельное существо, “Я” – это одно из последних слов, которые он употребляет, говоря о самом себе.

В развитии *человеческой расы* степень осознания человеком самого себя как отдельного существа зависит от того, насколько он освободился от ощущения тождества клана и насколько далеко продвинулся процесс его индивидуации. Член примитивного клана выразит ощущение самоидентификации в формуле: “Я есть Мы”. Такой человек не может еще понять себя в качестве “индивида”, существующего вне группы. В средневековье человек идентифицирован со своей общественной ролью в феодальной иерархии. Крестьянин не был человеком, который случайно стал крестьянином, а феодал не был человеком, который случайно стал феодалом. Он был крестьянином или феодалом, и чувство неизменности его сословной принадлежности являлось существенной составной частью его самоидентификации. Когда впоследствии произошел распад феодальной системы, ощущение самоидентификации было основательно поколеблено и перед человеком остро встал вопрос: “Кто я?”, или, точнее сказать: “Откуда я знаю, что я – это я?” Это именно тот вопрос, который в философской форме сформулировал Декарт. На вопрос о самоидентификации он ответил: “Я сомневаюсь, следовательно, с мыслю, я мыслю, следовательно, я существую” В этом ответе сделан акцент только на опыт “Я” в качестве субъекта любой *мыслительной деятельности* и упущено из вида то обстоятельство, что “Я” переживается также в процессе чувствования и творческой деятельности. (245)

Западная культура развивалась таким образом, что создала основу для осуществления полного опыта индивидуальности. Посредством предоставления индивиду политической и экономической свободы, посредством его воспитания в духе самостоятельного мышления и освобождения от любой формы авторитарного давления предполагалось дать возможность каждому отдельному человеку чувствовать себя в качестве “Я” в том

смысле, чтобы он был центром и активным субъектом своих сил и чувствовал себя таковым. Но лишь меньшинство достигло такого опыта “Я”. Для большинства индивидуализм был не более чем фасадом, за которым скрывался тот факт, что человеку не удалось достичь индивидуального самоотождествления.

Предпринимались попытки найти и были найдены некоторые суррогаты подлинно индивидуального самоотождествления. Поставщиками этого рода самоотождествленности служат нация, религия, класс и профессия. “Я – американец”, “я – протестант”, “я – предприниматель” – таковы формулы, которые помогают человеку отождествить себя после того, как им было утрачено первоначальное ощущение тождества-клана, и до того, как было найдено настоящее самоотождествление. В нашем современном обществе различные виды идентификаций обычно применяются вместе. Речь в данном случае идет о статусных идентификациях в широком смысле, а такие идентификации являются более действенными, если они, как это имеет место в европейских странах, тесно связаны с феодальными пережитками. В Соединенных Штатах Америки, где феодальные пережитки дают о себе знать не так сильно и где общество более динамично, подобные статусные идентификации, конечно, не имеют такого значения, и самоотождествление все больше и больше смещается в направлении переживания конформизма.

До тех пор, пока я не отклоняюсь от нормы, пока я являюсь таким же, как и другие, я признан ими в качестве “одного из нас”, я могу чувствовать себя как “Я”. Я – это “Кто, никто, сто тысяч”, как озаглавил одну из своих пьес Пиранделло. Вместо доиндивидуалистического тождества клана развивается новое тождество-стадо, в котором самоотождествление покоится на чувстве несомненной принадлежности к стаду. То, что этот униформизм и конформизм часто не бывают распознаны и скрываются за иллюзией индивидуальности, ничего не меняет, по сути дела.

Проблема самоотождествленности не является чисто философской проблемой или проблемой, которая затрагивает наш дух и мышление, как это обычно принято думать. Потребность в эмоциональном самоотождествлении исходит из самих условий человеческого существования и служит источником наших интенсивных устремлений. Поскольку я не могу оставаться душевно здоровым без “чувства Я”. Я пытаюсь сделать все, чтобы добиться данного (246) ощущения. За страстным стремлением к статусу и конформизму скрывается та же потребность, и иногда она даже сильнее, чем потребность в физическом выживании. Явное тому доказательство – готовность людей рисковать своей жизнью, жертвовать своей любовью, отказаться от своей свободы и собственного мышления только ради того, чтобы быть членом стада, идти с ним в ногу и достичь таким образом самоотождествления, даже если оно иллюзорно...

Фромм Э. Пути из большого общества // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 443-446, 477-480.

М. ХАЙДЕГГЕР

Сверх того и прежде всего надо еще наконец спросить, располагает ли человеческое существо – а этим изначально и заранее все решается – в измерение “живого”, *animalitos*. Стоим ли мы вообще на верном пути к существу человека, когда и до тех пор, пока мы отграничиваем человека как живое существо среди других таких существ от растения, животного, Бога? Можно, пожалуй, делать и так, можно таким путем помещать человека внутри сущего как явление среди других явлений. Мы всегда сумеем при этом высказать о человеке что-то верное, но надо уяснить себе еще и то, что человек тем самым окончательно вытесняется в область *animalitos*, даже если его не приравнивают к животному, а наделяют каким-нибудь специфическим отличием. Люди, в принципе, представляют человека всегда как живое существо, *homo animalis*, даже если его *anima* полагается как дух, *animus*, или ум, *mens*, а последний позднее – как субъект, как

личность, как дух. Такое полагание есть прием метафизики. Но тем самым существо человека обделяется вниманием и не продумывается в своем истоке, каковой по своему существу всегда остается для исторического человечества одновременно и целью. Метафизика мыслит человека как *animalitas* и не домысливает до его *humanitas*.

Метафизика отгораживается от того простого и существенного обстоятельства, что человек принадлежит своему существу лишь постольку, поскольку слышит требования Бытия. Только от этого требования у него “есть”, им найдено то, в чем обитает его существо. Только благодаря этому обитанию у него “есть” его “язык” как кров, хранящий присущую ему статичность. Стояние в просвете бытия я называю экзистенцией человека. Только человеку присущ этот род бытия. Так, понятие экзистенция – не просто основание возможности разума, *ratio*; экзистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения.

Экзистенция может быть присуща только человеческому существу, т. е. только человеческому способу “бытия”; ибо одному только человеку, насколько мы знаем, доступна судьба (247) экзистенции. Поэтому в экзистенции никогда и нельзя мыслить некий специфический род среди других родов живых существ, если, конечно, человеку надо все-таки задумываться о сути своего бытия, а не просто громоздить естественнонаучную и историографическую информацию о своих свойствах и своих интригах. Так что даже *animalitas*, которую мы приписываем человеку на почве сравнения его с “животным”, сама коренится в существе экзистенции. Тело человека есть нечто принципиально другое, чем животный организм. Заблуждение биологизма вовсе еще не преодолевается тем, что люди надстраивают над телесностью человека душу, над душой дух, а над духом экзистенциальность и громче прежнего проповедуют великую ценность духа, чтобы потом, однако, все снова утопить в жизненном переживании, с предостерегающим утверждением, что мысль-де разрушает своими одушевленными понятиями жизненный поток, а осмысление бытия искажает экзистенцию. Если физиология и физическая химия способны исследовать человека в естественнонаучном плане как организм, то это еще не доказательство того, что в такой “органике”, т. е. в научно объясненном поле, покоится существо человека. Это ничуть не удачное мнение, будто в атомной энергии заключена суть природных явлений. Может, наоборот, оказаться, что природа как раз утаивает свое существо в той своей стороне, которой она повертывается к технически овладевающему его человеку. Насколько существо человека не сводится к животной органике, настолько же невозможно устранить или как-то компенсировать недостаточность этого определения человеческого существа, наделяя человека бессмертной душой, или разумностью, или личностными чертами. Каждый раз это существо оказывается обойденным, и именно по причине того же самого метафизического проекта.

То, что есть человек – т. е., на традиционном языке метафизики, “сущность” человека, – покоится в его экзистенции.

Хайдеггер М. Бытие и время. – С. 198, 199.

Существо человека состоит, однако, в том, что он больше чем просто человек, если представлять последнего, как разумное живое существо. “Больше” здесь нельзя понимать суммарно, как если бы традиционная дефиниция человека должна была вообще-то оставаться его базовым определением, только нужно было потому расширить ее добавкой “экзистенциальности”. Это “больше” значит тут: изначальное и потому принципиально сущностнее. Но тут обнаруживается загадочное: человек экзистирует в брошенности. Это значит: в качестве экзистирующего броска в ответ на вызов бытия человек настолько же больше, чем *animal rational*, насколько он, наоборот меньше по отношению к человеку, понимающему себя из субъективности. Человек не господин сущего. Человек (248) пастух бытия. В этом “меньше” человек ни с чем не расстанется, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую сущность пастуха, чье достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины.

Этот призыв приходит как тот бросок, из которого происходит брошенность бытия-вот. Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи экзистенцией, заключается в обитании бытия. Человек – сосед бытия.

Хайдеггер М. Бытие и время. – С. 208.

К. МАРКС

Он [Гегель] забывает, что сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее **социальное качество**, и что государственные функции и т. д. – не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству.

Маркс К. Критика гегелевской философии права // Собрание сочинений. Т.1. – С. 242.

Фейербах сводит религиозную сущность к **человеческой** сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех обусловленных отношений. Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство абсолютно и предположить абстрактного **изолированного** – человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как “род”; как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов **природными** узами.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Собрание сочинений. Т.3. – С.2.

Шт[ирнер] прав, когда он отвергает “человека” Ф[ейербаха], по крайней мере человека из “Сущности христианства”. Фейербаховский “человек” есть производное от бога, Ф[ейербах] пришел от бога к “человеку” и потому его “человек” еще увенчан (249) теологическим нимбом абстракции. Настоящий же путь, ведущий к “человеку” – это путь совершенно обратный. Мы должны исходить из “а”, из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как Штирн[ер], а чтобы от него подняться к “человеку”. “Человек” всегда остается призрачной фигурой, если его основой не является эмпирический человек. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтоб наши идеи, и в особенности, наш “человек” были чем-то реальным, мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого, себя или из ничего, как Гегель.

Энгельс Ф. Марксу, 19 ноября 1844 г. // Собрание сочинений. Т. 27. – С. 12.

Первая предпосылка всякой человеческой истории – это конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное его отношение их к остальной природе. Мы здесь не можем, разумеется, углубляться ни в изучение физических свойств самих людей, ни в изучение природных условий – геологических, орографических, климатических и иных отношений, которые они застают. Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех же видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории.

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, – шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь.

Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны,

что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это – определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный **образ жизни**. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства. (250)

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т.3. – С. 19.*

Сознание (das Bewußtsein) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (das bewußte Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. – С. 25.*

...Мы находим, что человек обладает также и “сознанием”. Но и им человек обладает в виде “чистого” сознания не с самого начала. На “духе” с самого начала лежит проклятие – быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка. Язык также древен, как и сознание; язык **есть** практическое, существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала, есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой Среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно – осознание природы, которая первоначально противостоит людям как

совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти, которой они подчиняются, как скот; следовательно, это чисто животное осознание природы (обожествление природы).

Здесь сразу видно, что для меня обожествление природы или это определенное отношение к природе обуславливается формой общества, и, наоборот! Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение друг к другу и их ограниченное отношение к природе, и именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории; но с другой стороны, сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на той ступени; это чисто стадное сознание заменяет ему инстинкт, или же, что его инстинкт осознан. Это баранье или племенное сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. (251)

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т.3. – С.30*

Человек является непосредственно **природным существом**. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен **природными силами, жизненными силами**, являясь деятельным природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений; а с другой стороны, в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа, он, подобно животным и растениям, является **страдающим**, обусловленным и ограниченным существом, т. е. предметы его влечений существуют вне его, как не зависящие от него предметы; но эти предметы суть предметы его потребностей; это – необходимые, существенные для проявления и утверждения его сущностных сил предметы. То что человек есть телесное, обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо, означает, что предметом своей

сущности, своего проявления жизни он имеет действительные, чувственные предметы, или что он может проявить свою жизнь только на действительных, чувственных предметах. **Быть** предметным, природным, чувственным – это все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для какого-нибудь третьего существа. **Голод** – есть естественная потребность; поэтому для своего удовлетворения и утоления он нуждается в **природе** вне **его**, в **предмете** вне его. Голод – это признанная потребность моего тела в некотором предмете, существующем вне моего тела и необходимом для его восполнения и для проявления его сущности. Солнце есть **предмет** растения, необходимый для него, утверждающий его жизни предмет, подобно тому как растение есть предмет солнца в качестве **обнаружения** животворной сила солнца, его предметной сущностной силы.

Существо, не имеющее вне себя своей природы, не есть **природное** существо, оно не принимает участия в жизни природы.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. – С. 163.*

Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде “субстанции” и в виде сущности человека, что они обожествляли и с чем боролись.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. – С. 37.*

Условия, при которых происходит общение индивидов – представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности и не являются чем-то внешним для них; это условия, при которых эти (252) определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодетельности этих индивидов, а создаются они этой самонадеянностью.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. – С. 72.*

В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия – изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык.

Маркс К. *Экономические рукописи 1857-1858 годов // Собрание сочинений. Т. 46. Ч. 1. – С. 483, 484.*

Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо.

Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Собрание сочинений. Т. 42. – С. 94.*

Веществу природы он сам [человек] противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в форме пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки, ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы.

Маркс К. *Капитал. Т. 1 // Собрание сочинений. Т. 23. – С. 188.*

Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной **человеческой** чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие **чувства**, которые утверждают себя как **человеческие** сущностные силы – **образование** пяти внешних чувств – это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории.

Маркс К., Энгельс Ф. *Из ранних произведений. – С. 593, 594.*

Нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспособляются; условия же существования человека, лишь только он обособился от животного, в узком смысле слова еще никогда не

имелись налицо в готовом виде: они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек – единственное животное, которое способно выбраться благодаря (253) труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и **должно быть создано им самим.**

Энгельс Ф. Диалектика природы // Собрание сочинений. Т. 20. – С. 510.

Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой “природы”, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было **заранее установленному** масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления.

Маркс К. Экономические рукописи 1857-1858 годов // Собрание сочинений. Т. 46. Ч.1. – С. 476.

В индивидах, уже не подчиненных более разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя “Человек” и весь изображенный нами процесс развития они представляли в виде процесса развития “Человека” и изображали его движущей силой истории. Таким образом, весь исторический процесс рассматривался как процесс самоотчуждения “Человека”; объясняется то, что по существу, тем, что на место человека позднейшей ступени он всегда представлял прежних индивидов позднейшим сознанием. В результате такого переворачивания, заведомого абстрагирования от действительных условий и стало возможным превратить всю историю в процесс развития сознания.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. Т. 3. – С. 69 .

Если это развитие индивидов, происходящих в рамках общих условий существования исторически следующих друг за другом сословий и классов, а также, в рамках навязанных им вследствие этого всеобщих представлений – если это развитие рассматривается философски, то легко, разумеется, вообразить себе, что в этих индивидах развивался Род, или Человек, либо что они развивали Человека, т. е. можно вообразить себе нечто такое, что является издевательством над исторической наукой. После этого можно рассматривать различные сословия и классы как спецификации всеобщего движения, как подвиды Рода, как фазы развития Человека. (254)

Это подведение индивидов под определенные классы не может быть уничтожено до сих пор, пока не образовался такой класс, которому не приходится отстаивать против господствующего класса какой-либо особый классовый интерес.

Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, – а не в качестве “чистого” индивида в понимании идеологов. Но в ходе исторического развития, – как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, – появляется различие между жизнью каждого индивида, они подчинены той или другой отрасли труда и связаны с ней условием. (Этого не следует понимать в том случае, будто, например, рантье, капиталист и т. д. перестают быть личностями, а в том смысле, что их личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями. И данное различие выступает лишь в их противоположности, а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились). В сословии (а еще более в племени) это еще прикрыто: так, например, дворянин всегда остается дворянином, разночинец – всегда разночинцем, вне зависимости от прочих условий их жизни; это – не отделимое от их индивидуальности качество. Отличие индивида как личности от классового индивида, случайный характер, который имеют для индивида его жизненные условия, появляется лишь вместе с появлением того

класса, который сам есть продукт буржуазии. Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает и развивает этот случайный характер как таковой. Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них, в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе. Отличие от сословия особенно ярко обнаруживается в противоположности буржуазии пролетариату.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология //Собрание сочинений. Т. 3. – С. 76, 77 .

Н . А. БЕРДЯЕВ

Проблема личности есть основная проблема экзистенциальной философии. Я говорю “я” раньше, чем осознал себя личностью. “Я” первично и недифференцированно, оно не предполагает учения о личности. “Я” есть изначальная данность, личность же есть заданность. Я должен реализовать в себе личность, и эта реализация есть неустанная борьба. Сознание личности и реализация личности болезненны. Личность есть боль, и многие соглашаются на потерю в себе личности, так как не выносят этой боли. Личность не (255) тождественна индивидууму. Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая. Не только животное или растение есть индивидуум, но и алмаз, стакан, карандаш. Личность есть категория духовная, а не натуралистическая, она принадлежит плану духа, а не плану природы, она образуется прорывом духа в природу. Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека. Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности. Есть очень одаренные люди, очень своеобразные, которые вместе с тем безличны, неспособны к тому сопротивлению, к тому усилию, которое требует реализации личности. Мы говорим: у этого человека нет личности, но не можем сказать: у этого человека нет индивидуальности. Личность есть прежде всего смысловая категория, она есть обнаружение смысла существования. Между тем индивидуум не предполагает непременно такого обнаружения смысла, такого раскрытия ценности. Личность совсем не есть субстанция. Понимание личности как субстанции есть натуралистическое понимание личности и оно чуждо экзистенциальной философии. М. Шеллер более правильно определяет личность, как единство актов и возможность актов. Личность может быть определена как единство в многообразии, единство сложное, духовно-душевно-телесное. Отвлеченное духовное единство без сложного многообразия не есть личность. Личность целостна, в нее входит и дух, и душа, и тело. Тело также органически принадлежит образу личности, оно участвует и в познании, тело не есть материя. Личность должна быть открыта ко всем веяниям космической и социальной жизни, ко всякому опыту и вместе с тем она не должна, не может растворяться в космосе и обществе. Персонализм противоположен космическому и социальному пантеизму. Но вместе с тем человеческая личность имеет космическую основу и содержание. Личность не может быть частью в отношении к какому-либо целому, космическому и социальному пантеизму. Но вместе с тем человеческая личность имеет космическую основу и содержание. Личность не может быть частью в отношении к какому-либо целому, космическому или социальному, она обладает самоценностью, она не может быть обращена в средство. Это – этическая аксиома. Кант выразил тут вечную истину, но выразил ее чисто формально. С натуралистической точки зрения личность представляется очень малой, бесконечно малой частью природы, с социологической точки зрения она представляется очень малой частью общества. С точки зрения философии существования и философии духа личность нельзя понимать как частное и индивидуальное в противоположность общему и универсальному. Это противоположное, характерное для природной и социальной жизни, в личности снимается. Сверхличное конструирует личность, “общее” обосновывает в ней “частное”, и никогда сверхличное и “общее” не делает личность и “частное” своим средством. В этом тайна (256)

существования личности, сопряжения в ней противоположностей. Неверен тот органический универсализм, для которого личность есть часть мира. При таком взгляде на самую личность устанавливается совсем не органический взгляд. Все органические теории общества – антиперсоналистичны и превращают личность в орган целого. Отношение между частью и целым нужно понимать не натуралистически, а аксиологически. Личность всегда есть целое, а не часть, и это целое дано внутри существования, а не во внешнем природном мире. Личность не есть объект и не принадлежит объективированному миру, в котором ее нельзя найти. Можно сказать, что личность вне-мирна. Встреча с личностью для меня есть встреча с “ты”, а не с объектом. Личность не есть объект, не есть вещь...

Есть еще один признак личности, отличающий ее от вещи, может быть, самый существенный – личность, способная испытывать страдание и радость, она имеет для этого чувствилище, которые лишены сверхличных реальности. Очень существенно для личности переживание единой целостной судьбы. Это есть совершенно иррациональная сторона в существовании личности, между тем как самостоятельная постановка целей есть сторона рациональная. Главное в существовании личности совсем не то, что оно целесообразно, главное, что оно есть причиняющая боль судьба, антиномическое сопряжение свободы и предназначения неотвратимости.

Очень странно, что по-латински *persona* значит маска и связана с театральным представлением. Личность есть прежде всего личина. В личине-маске человек не только себя приоткрывает, но он себя защищает от растерзания миром. Поэтому игра, театральность есть не только желание играть роль в жизни, но также желание охранить себя от окружающего мира, остаться самим собой в глубине. Инстинкт театральности имеет двойной смысл. Он связан с тем, что человек всегда поставлен перед социальным множеством. В этом социальном множестве личность хочет занять положение, играть роль. Инстинкт театральности социален. Но в нем есть и другая сторона. “Я” превращается в другое “я”, перевоплощается, личность надевает маску. И это всегда значит, что личность не выходит из одиночества в обществе, в природном сообществе людей. Играющий роль, надевающий маску остается одиноким. Преодоление одиночества в дионисических оргийных культах означало уничтожение личности. Одиночество преодолевается не в обществе, не в социальном множестве, как мире объективированном, а в общении, в духовном мире. В подлинном общении личность играет только свою собственную роль, играет себя, а не другого, не перевоплощается в другое “я”, а оставаясь с собой, соединяется с “ты”. В социальном множестве, как объекте, личность сплошь и рядом хочет играть чужую роль, перевоплощается в другого, теряет лицо и принимает личину. Социальное положение людей обыкновенно означает, (257) что личность играет роль, надевает маску, перевоплощается в навязанный ей извне тип. В плане существования, когда нет объективации и социализации, личность хочет быть сама собой, лицо человека хочет быть отраженным хотя бы в одном другом человеческом лице, в “ты”. Потребность в истинном отражении присуща личности, лицу. Лицо ищет зеркала, которое не было бы кривым. Нарциссизм в известном смысле присущ лицу. Таким зеркалом, которое истинно отражает лицо, бывает, как уже сказано, лицо любящего.

“Я” может реализовать личность, стать личностью. Реализация личности всегда предполагает самоограничение, свободное подчинение сверхличному, творчество сверхличных ценностей, выход из себя в другого. “Я” может стать эгоцентрическим, самоутверждающимся, раздувающимся, неспособным выйти в другого. Эгоцентризм разрушает личность, он есть величайшее препятствие на путях реализации личности. Не быть поглощенным собой, быть обращенным к “ты” и к “мы” есть основное условие существования личности. Предельно эгоцентрический человек есть существо, лишенное личности, потерявшее чувство реальностей, живущее фантазиями, иллюзиями, призраками. Личность предполагает чувство реальностей в способность выходить к ним. Крайний индивидуализм есть отрицание личности. Личности присущ метафизический

социальный элемент, она нуждается в общении с другими.

Христианство видит в сердце онтологическое ядро человеческой личности, видит не какую-то дифференцированную часть человеческой природы, а ее целость. Но это есть и глубочайшая истина философского познания человека. Интеллект не может быть признан таким ядром человеческой личности. Да и современная психология и антропология не признает такой раздельности, интеллектуальных, волевых, эмоциональных элементов человеческой природы. Сердце совсем не есть один из раздельных элементов, в сердце есть мудрость, сердце есть орган совести, которая есть верховный орган оценок. Для учения о личности очень важно еще различие двух разных смыслов, которые вкладываются в понятие личности. Личность есть разностное существо, существо своеобразное, не похожее ни на какое другое существо. Идея личности аристократична в том смысле, что она предполагает качественный отбор, не допускает смешения, есть качественное возвышение и восхождение. Тогда возникает вопрос не о личности вообще, а о личности, имеющей особенное призвание и предназначение в мире, о личности, обладающей творческим даром, замечательной, великой, гениальной. Демократизация общества может быть очень неблагоприятна для личности, нивелировать личность, сводить всех к среднему уровню, может вырабатывать безличные личности. Есть соображение прийти к тому (258) выводу, что смысл истории и культуры заключается в выработке немногих выдвигающихся из массы, качественно своеобразных, выдающихся, творчески одаренных личностей. Огромную же массу человечества можно при этом считать обреченной на безличность. При натуралистическом взгляде на мир и человека именно это решение проблемы личности наиболее правдоподобно. Но это не христианский взгляд. Всякий человек призван стать личностью. Всякая человеческая личность обладает ценностью в себе и не может рассматриваться, как средство... Этим немало не отрицается глубокое неравенство людей в дарах и качествах, в призваниях и в высоте. Но равенство личностей есть равенство иерархическое, есть равенство разностных, не равных по своим качествам существ. Онтологическое неравенство людей определяется не их социальным положением, что есть извращение истинной иерархии, а их реальными человеческими качествами, достоинствами и дарами. Таким образом в учении о личности сочетается элемент аристократический и элемент демократический.

Бердяев Н. И мир объектов (опыт философии одиночества и общения). – Париж. – С. 145– 157.

М. МОНТЕНЬ

Смерть не только избавление от болезней, она – избавление от всякого рода страданий.

Презрение к жизни – нелепое чувство, ибо в конечном счете она – все, что у нас есть, она – все наше бытие... Тот, кто хочет из человека превратиться в ангела, ничего этим для себя не достигнет, ничего не выиграет, ибо раз он перестает существовать, то кто же за него порадуется и ощутит это улучшение?

...Каких только наших способностей нельзя найти в действиях животных! Существует ли более благоустроенное общество, с более разнообразным распределением труда и обязанностей, с более твердым распорядком, чем у пчел? Можно ли представить себе, чтобы это столь налаженное распределение труда и обязанностей совершилось без участия разума, без понимания?

Все сказанное мною должно подтвердить сходство между положением человека и положением животных, связав человека со всей остальной массой живых существ. Человек не выше и не ниже других...

Когда Платон распространяется... о телесных наградах и наказаниях, которые ожидают нас после распада наших тел... или когда Магомет обещает своим единоверцам рай, устланый (259) коврами, украшенный золотом и драгоценными камнями, рай, в котором нас ждут девы необычайной красоты и изысканные вина и яства, то для меня

ясно, что это говорят насмешники, приспособляющиеся к нашей глупости. Ведь впадают же некоторые наши единоверцы в подобное заблуждение...

Вместе с Эпикуром и Демокритом, взгляды которых по вопросу о душе были наиболее приняты, философы считали, что жизнь души разделяет общую судьбу вещей, в том числе и жизни человека; они считали, что душа рождается так же как и тело; что ее силы прибывают одновременно с телесными: что в детстве она слаба, а затем наступает период ее зрелости и силы, сменяющийся периодом упадка и старостью...

...Поразительно, что даже люди, наиболее убежденные в бессмертии души, которое кажется им столь справедливым и ясным, оказывались все же не в силах доказать его своими человеческими доводами...

Признаем чистосердечно, что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом,

Монтень М. Опыты. Кн. II . – М. – Л., 1958. – С. 27, 30, 146, 151, 219, 220, 256, 260, 261.

Артур Шопенгауэр

(1788–1860)

(О СВОБОДЕ ВОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ)

Понятие «свобода» при ближайшем рассмотрении отрицательно. Мы мыслим под ним лишь отсутствие всяких преград и помех; эти последние, напротив, выражая силу, должны представлять собою нечто положительное. Соответственно возможным свойствам помех понятие это имеет три весьма различных подвида - свобода физическая, интеллектуальная и моральная.

Физическая свобода есть отсутствие всяких *материальных* препятствий... в этом *физическом* значении понятии свободны животные и люди тогда называются *свободными*, когда их действия не сдерживаются ни узами, ни тюрьмою, ни параличом, то есть вообще никакими *физическими, материальными* препятствиями, но совершаются в соответствии с их *волею*... в своем первоначальном, непосредственном и потому общепринятом значении слова понятие касается лишь внешней возможности, то есть именно отсутствия *физических* помех для поступков данного существа... и народ называют свободным, понимая под этим, что он управляется только по законам, которые он сам же себе дал, ибо в этом случае он всюду соблюдает лишь свою собственную волю. Таким образом политическую свободу надо отнести к физической.

Но лишь только мы, оставив эту физическую свободу, обращаемся к рассмотрению двух других ее видов, нам приходится иметь дело уже не с общепринятым, а с *философским* значением этого понятия, и тут, как известно, открываются многие трудности. Здесь перед нами два совершенно различных вида свободы — свобода интеллектуальная и свобода моральная...

Самосознание каждого человека очень ясно свидетельствует, что он может делать то, что он хочет. А так как в качестве объектов его *хотения* могут быть мыслимы и совершенно противоположные поступки, то отсюда следует, без сомнения, что он может делать и противоположное, *если хочет*. Но неразвитый рассудок смешивает это с тем, что человек в данном отдельном случае может будто бы также *и хотеть* противоположного, — и это называют *свободою воли*. Между тем, чтобы он в данном случае мог *хотеть* противоположного, это вовсе не содержится в вышеприведенном свидетельстве самосознания, оно говорит лишь, что, если он *хочет* одного из противоположных поступков, он может его совершить а если *хочет* другого, тоже может его совершить. Но *может* ли он в данном случае хотеть одного из них в той же мере, как другого, это остается здесь невыясненным... свидетельство самосознания касается воли а *part post* вопрос же о свободе — а *part ante*...

Если человека со здравым рассудком, но без философского образование спросить, в чем же состоит свобода воли, столь доверчиво защищаемая им на оснований свидетельства его самосознания, то он ответит: «В том, что я могу делать то, что я хочу, коль скоро мне не мешают физические препятствия». Иными словами, он опять-таки говорит об отношении его *действий* к его хотению. А это... есть еще просто физическая свобода. Если спросить его, далее, может ли он, если так, в каком-либо данном случае *хотеть* одного так же, как и противоположного, то в первом порыве он, правда, ответит на это утвердительно; но коль скоро он начнет постигать смысл вопроса, начнутся И колебания — он обнаружит наконец неуверенность и замешательство, и тогда он всего охотнее вновь постарается укрыться за свое прежнее «я могу делать то, что я хочу» и тем оградить себя от всех доводов и всякого рассуждения. Законным возражением на это будет, однако... такое замечание: «Ты можешь делать то, что ты хочешь; но в каждое данное мгновение твоей жизни ты можешь хотеть чего-то определенного и, безусловно ничего

иного кроме этого одного»...

Закон причинности дан а priori, как всеобщее правило, которому подчинены все реальные объекты внешнего мира без исключения, — этим отсутствием исключений он обязан именно своей *априорности*. По самой своей сущности он прилагается к одним только изменениям и гласит, что где и когда в объективном, реальном, материальном мире что-нибудь сильно или слабо, много или мало *изменяется*, то непременно как раз *перед этим* должно *измениться* и что-нибудь другое, и чтобы изменилось *это последнее*, *перед ним* опять должно что-нибудь измениться, и так далее по бесконечности, так что никогда нельзя усмотреть какого-либо начального пункта в этом регрессивном ряду изменений... первая причина совершенно также немыслима, как начало времени или граница пространства. Равным образом, по закону причинности, раз предшествующее изменение, *причина*, наступило, то проводимое им позднейшее изменение, *действие*, должно наступить с полной неизбежностью, то есть следует за ним *необходимо*...

Таким образом все *изменения*, происходящие с объективными, В реальном внешнем мире лежащими предметами, подчинена закону *причинности*, и потому, когда и где бы они ни совершались, они всегда совершаются *необходимо и неизбежно*...

...соответственно трехчленной разнице неорганических тел, растений и животных, всеми их изменениями управляющая причинность обнаруживается тоже в трех формах, именно как *причина* в теснейшем смысле слова, как *раздражение* и как *мотивация*...

Причиною в теснейшем смысле слова будет то, силу чего наступают все механические, физические и химические изменения предметов опыта. Она всегда характеризуется двумя признаками. Во-первых, при ней находит свое применение третий ньютоновский основной закон «действие и противодействие равны между собой»... Во-вторых, согласно второму ньютоновскому закону, степень действия всегда точно соответствует степени причины...

Второй вид причины есть *раздражение*, то есть такая причина, которая, во-первых, сама не испытывает никакого противодействия, соотносительно с ее воздействием, а во-вторых, между интенсивностью которой и интенсивностью действия совсем нет никакой соразмерности. Здесь, следовательно, степень действия не может быть измерена и заранее определена по степени причины: незначительная прибавка в раздражении может повлечь за собой очень значительное усиление действия или же, наоборот, совершенно прекратить прежнее действие, даже вызвать действие противоположное... с помощью вина или опиума мы можем напрячь и значительно повысить свои умственные силы, но если при этом переступить надлежащую меру раздражения, то эффект получится прямо противоположный. Этого рода причинами, то есть *раздражениями*, определяются все изменения организмов *как таковых*...

В то время как в жизни животных имеется еще сверх того совсем иная сфера... вся жизнь *растений*, напротив, определяется исключительно *раздражениями*.

Третий вид движущих причин есть тот, который служит отличительным признаком *животных*: это *мотивация*, то есть причинность, проходящая через *познание*...

Но я не могу оставить без разъяснения ту разницу, которая обнаруживается в мотивации из-за особенности человеческого сознания сравнительно с сознанием всякого животного. Особенность эта, обозначаемая, собственно, словом *разум*, состоит в том, что человек в противоположность животному не только способен к интуитивному пониманию внешнего

мира, но может еще из этого понимания абстрагировать общие понятия, а чтобы фиксировать их и удерживать в своем чувственном сознании, он отмечает эти понятия словами: это дает ему возможность строить из них бесчисленные комбинации, которые, относясь везде, как И составляющие их понятия, к наглядно познаваемому миру, в то же время образуют собственно то, что мы называем смыслом» и благодаря чему становятся возможны лишь огромные преимущества человеческого рода перед всеми остальными, - именно язык, рассудительность, взгляд на прошлое, забота о будущем, цель умысел, планомерная, совокупная деятельность многих индивидуумов, государство, науки, искусства и т.д. Все это основывается на одной только способности -способности иметь неинтуитивные, абстрактные, общие представления, называемые *понятиями* (*т.е.* совокупностями вещей), из-за того, что каждое из них объемлет собою много отдельных объектов.

...Но разница этим не ограничивается. *Мотив* становится мыслью, как созерцание становится *мотивом*, если только оно в состоянии действовать на данную волю. Но все мотивы -причинны, а всякая причинность сопряжена с необходимостью. Человек, благодаря своей мыслительной способности, подмечая всякие мотивы, действующие на его волю, может представлять себе эти мотивы в любом порядке, попеременно и повторно: он преподносит их своей воле, что и называется «*обдумывать*»; он способен к взвешиванию, и в силу этой способности для него открыт гораздо больший *выбор*, нежели какой возможен для животного. Это делает его, конечно, *относительно свободным*, именно свободным от непосредственного принуждения *наглядных, наличных*, мотивирующих его волю объектов, принуждения, какому безусловно подчинено животное; он, напротив, ставит свои решения независимо от наличных объектов, сообразно мыслям, которые и служат *его* мотивами. Эта *относительная* свобода, конечно, вещь в сущности то, что образованные, но не глубоко думающие люди понимают под свободой воли, которая, якобы, составляет явное превосходство человека над животным. Однако свобода эта -чисто *относительная*, именно по отношению к наглядной наличности, и чисто *сравнительная*, именно в сравнении с *животным*. От нее изменяется исключительно только *способ* мотивации, *необходимый* же характер действия мотивов ничуть не исчезает, даже не умалется...

...знание одного только мотива недостаточно, чтобы предсказать поступок, а для этого надо еще точно знать также и характер человека.

Характер человека:

- 1) *индивидуален*, он у каждого свой:..
- 2) характер человека -*эмпирический*. Мы знакомимся с ним не только в других, но и в самих себе, исключительно путем опыта... Лишь точное знание своего собственного эмпирического характера дает человеку то, что называют *приобретенным характером*: им обладает тот, кто точно знает свои собственные качества, как хорошие, так и дурные, и оттого отдает себе полный отчет, в чем он может себе доверять и чего может от себя требовать, а чего нет.
- 3) Характер человека *постоянен*: он остается одинаковым в течение всей жизни... *человек никогда не меняется*: как он поступил в одном случае, так при совершенно одинаковых обстоятельствах (к которым, однако, принадлежит и правильное знание этих обстоятельств) будет он всегда поступать...
- 4) Индивидуальный характер *врожден*; он не создается искусством либо подверженными случайности обстоятельствами, а есть произведение самой природы... вот

почему при совершенно одинаковом воспитании и обстановке у двух детей мы очевиднейшим образом наблюдаем самые различные характеры, с этими самыми характерами им придется жить до старости...

Из изложенной сущности индивидуального характера с несомненностью следует, что добродетели и пороки врожденны...

1) Возможны для данного человека при данных обстоятельствах два поступка или лишь *один*?— *Ответ* всех глубоких мыслителей: только один.

2) Мог ли жизненный путь, пройденный данным человеком, —принимая, что, с одной стороны, его характер сохраняется неизменным, а с другой —что обстоятельства, воздействию которых ему пришлось подвергнуться, всецело и до малейших подробностей неуклонно были определены внешними причинами, которые постоянно появляются со строгой необходимостью и цепь которых, состоящая исключительно из одних столь же необходимых звеньев, простирается в бесконечность,— мог ли этот путь в чем-либо, хотя бы лишь в самом ничтожном, в каком-либо происшествии, какой-либо сцене, быть иным, нежели он был?

— Нет! так должен гласить последовательный и правильный ответ. Вывод из обоих этих положений таков: *Все, что случается*, от самого великого до самого малого, случается необходимо...

Таким образом, хотя воля и свободна, но она свободна лишь сама в себе и за пределами явления; в явлении же она дана уже с определенным характером, которому должны соответствовать все ее деяния, так что получая ближайшее определение от приводящих мотивов, они с необходимостью будут *такими*, а не иными...

Одним словом, человек всегда делает лишь то, что хочет, и ,делает это все-таки по необходимости... а это зависит от того, что он уже *есть* таков, как он хочет, ибо из того, что он *есть*, с необходимостью вытекает все, что он каждый раз делает. Если брать его поведение объективно, то есть извне, то, бесспорно, придется признать, что оно, как и действия всего существующего в природе, должно быть подчинено закону причинности во всей его строгости; субъективно же каждый чувствует, что он всегда делает лишь то, что он *хочет*. Но это значит только, что его образ действий есть просто обнаружение его подлинной сущности. То же самое чувство испытывалось бы поэтому всеми, даже самыми низшими существами в природе, если бы они могли чувствовать...

Если мы теперь в результате нашего предыдущего изложения признали, что человеческое поведение совершенно лишено всякой свободы и что оно сплошь подчинено строжайшей необходимости, то этим самым мы приведены к точке зрения, с которой получаем возможность постичь *истинную моральную свободу*, свободу высшего порядка...

Интеллект, или познавательная способность, служит *посредником мотивов*: именно через него они действуют на волю, которая—подданное ядро человека. Лишь поскольку этот посредник мотивов находится в нормальном состоянии, правильно отправляет свои функции и потому представляет воле на выбор мотивы в их настоящем виде, как они имеются в реальном мире, лишь постольку воли может решать собственно своей природе, то есть индивидуальному характеру человека, иными словами — обнаруживать себя без *помехи*, в согласии со своей подлинной сущностью. Тогда человек *интеллектуально свободен*, то есть его поступки —простой результат реакции его воли на мотивы , которые во внешнем мире одинаково существуют для него, как и для всех других. И потому его поступки ему тогда нравственно, а также юридически вменяются.

Эта интеллектуальная свобода *прекращается* или оттого, что навсегда либо только временно расстраивается посредник мотивов, познавательная способность, или оттого, что в данном отдельном случае внешние обстоятельства ведут к неправильному пониманию мотивов. Первое бывает при безумии, бреде, припадках и опьянении; последнее при полном или невольном

заблуждении, когда, например, наливают яд вместо лекарства или принимают ночью входящего слугу за грабителя и убивают его и т.п. ибо в обоих этих случаях мотивы фальсифицированы, из-за чего воля не может поставить такого решения, какое она произнесла бы при наличных обстоятельствах, если бы они были правильно ей переданы интеллектом. Поэтому совершенные при подобных условиях преступления ненаказуемы и по закону. Ведь законы исходят из правильного предположения, что у воли нет моральной свободы (тогда ею нельзя было бы руководить), но, что она подчинена принуждающему действию мотивов: по этой причине они должны всем возможным мотивам к преступлению противопоставить более сильные противоположные мотивы, в виде угрожающих наказания, и уголовный кодекс есть не что иное, как список противоположных мотивов по отношению к преступным деяниям. Если же окажется, что интеллект, через который должны были действовать эти противоположные мотивы, был не в состоянии воспринять их и предъявить их воле, то их действие было невозможно -они для воли не существовали... в таком случае вина, следовательно, переходит от воли к интеллекту; последний же не подлежит наказанию,- законы, как и мораль, имеют дело исключительно с волей. Только она есть подлинный человек; интеллект служит просто ее органом, направленными во вне ее щупальцами, то есть посредником действия на нее со стороны мотивов...

Таким образом, в моем рассуждении *свобода* не изгоняется, а только перемещается именно из области отдельных поступков, где можно доказать ее отсутствие, в сферу высшую, но не так ясно доступную нашему познанию, то есть она трансцендентальна.

...есть еще один факт в сознании, который я до сих пор совершенно оставлял в стороне, чтобы не отвлекаться в своем исследовании. Он заключается во вполне ясном и твердом чувстве *ответственности* за то, что мы делаем, *вменяемости* наших поступков, основанной на непоколебимой уверенности в том, что мы сами являемся *авторами наших действий*. В силу этого сознания никому, даже и тому, кто вполне убежден в доказываемой выше необходимости, с какой наступают наши поступки, никогда не прилет в голову оправдывать этой необходимостью какой-либо свой проступок и сваливать вину с себя на мотивы, поскольку при их появлении данное деяние было неизбежно. Ибо человек отлично понимает, что необходимость эта имеет *субъективное* условие и что объективно, то есть при данных обстоятельствах, при воздействии определивших его мотивов, все-таки вполне возможно было совершенно иное поведение, даже прямо противоположное его собственному, и оно осуществлялось бы, *если бы только он был другим*: в этом-то лишь и было все дело. Для *него*, ибо он такой, а не иной, ибо он имеет такой-то и такой характер, невозможно было, конечно, никакое иное поведение; но само по себе, то есть объективно, оно было возможно. Таким образом; *ответственность*, которую он сознает за собой, только на поверхности и с виду касается его поступка, в сущности же она касается его *характера*: Он чувствует себя ответственным за этот последний. Именно за *характер* делают его ответственным другие люди, тот час же оставляя в своем суждении самое деяние, чтобы определить свойства деятеля: «это дурной человек, злодей», или «это плут», или «это мелкая, фальшивая, низменная душа» -таков их приговор, и их упреки направлены на его характер... Итак, ненависть, отвращение и презрение постигают не преходящее деяние, а пребывающие свойства деятеля, то есть характера, которым оно обусловлено. Вот почему на всех языках эпитеты моральной порочности,

обозначающие ее бранные слова, скорее служат предикатами *человека*, нежели поступков. Они относятся к *характеру*, ибо он должен нести вину, в которой он по поводу деяний только был избалован...

Те же, кто воображает, что уже и силу несуществования *моральной, свободы и* благодаря вытекающей отсюда неизбежности всех поступков данного человека ни один преступник не должен быть наказуем, исходят из ложного взгляда на наказание, будто оно кара за преступление ради них самих, воздаяние злом за зло по моральным основаниям... Нет, закон, то есть угроза наказанием, имеет своей целью служить 'противоположным мотивом по отношению к еще не совершенным преступлением. Если даже в том или другом случае он не окажет этого своего действия, то он должен быть исполнен, потому что иначе он окажется несостоятельным и для всех будущих случаев. Преступник со своей стороны терпит в таком разе кару, собственно, вследствие своей моральной природы, которая с неизбежностью привела к преступному деянию в связи с обстоятельствами, игравшими роль мотивов, и его интеллектом, рисовавшим перед ним надежду Избежать наказания.. Это было бы для него несправедливо в том лишь случае, если бы его моральный характер был не его, собственным созданием, его умопостигаемым деянием, а созданием кого-либо другого...

Шопенгауэр А. О свободе воли // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность: М., 1992. С. 46-47, 61-62, 64-67, 68-70, 80-84, 90, 119-122, 116-117, 123-124.

(О СТРАДАНИИ И ОТРИЦАНИИ ВОЛИ К ЖИЗНИ)

В сознании, поднявшемся на самую высокую ступень, в сознании человеческом, *эгоизм*, как и познание, страдание, удовольствие, должен был тоже достигнуть высшей степени, и обусловленное им соперничество индивидуумом проявляется самым ужасным образом. Мы видим его повсюду, как в мелочах, так и в крупном; мы видим его и в страшных событиях — в жизни великих тиранов и злодеев и в опустошительных войнах; мы видим его и в смешной форме — там, где оно служит сюжетом комедии и очень своеобразно отражается в самолюбии и суетности..., мы видим его в истории мира и в собственной жизни. Но явственнее всего оно тогда, когда любое собрание людей освобождается от всякого закона и порядка; сейчас же наглядно выступает *bellum omnium contra omnes*...

Всякое счастье имеет лишь отрицательный, а не положительный характер... поэтому оно не может быть прочным удовлетворением И удовольствием, а всегда освобождает только от какого-нибудь страдания и лишения, за которым должно последовать или новое страдание и беспредметная тоска скука, — это находит себе подтверждение и в верном зеркале сущности мира и жизни — в искусстве, особенно в поэзии...

Если... каждому из нас воочию показать те ужасные страдания и муки, которым во всякое время подвержена вся наша жизнь, то нас объял бы трепет; и если провести самого закоренелого оптимиста по больницам, лазаретам и камерам хирургических истязаний, по тюрьмам, застенкам, логовищам невольников, через поля битвы и места казни; если открыть перед ним все темные обитатели нищеты, в которых она прячется от взоров холодного любопытства, и если напоследок дать ему взглянуть на башню голода

Уголино, то в конце концов и он, наверное, понял бы, что это за *meilleur des mondes possibles*.

Оптимизм, если только он не бессмысленное словоизвержение таких людей, за плоскими лбами которых не обитает ничего, кроме слов, представляется мне не только нелепым, но и поистине *бессовестным* воззрением, горькой насмешкой над невыразимы ми страданиями человечества...

...из того же источника, откуда вытекают всякая доброта, добродетель и великодушие, исходит наконец и то, что я называю отрицанием воли к жизни...

Если... (человек) не делает уже эгоистической разницы между своей личностью и чужой, а страдание других индивидуумов принимает так же близко к сердцу, как и свое собственное, и потому не только с величайшей радостью предлагает свою помощь, но даже готов жертвовать собственным индивидуумом, лишь бы спасти этим несколько чужих, то уже естественно, что такой человек, во всех существах узнающий себя, свое сокровенное и истинное Я, должен и бесконечные страдания всего живущего рассматривать как свои собственные и приобщить себя несчастью Вселенной... Он познаёт целое, постигает его сущность и находит его погруженным в вечное исчезновение, ничтожное стремление, внутреннее междуособие и постоянное страдание, и всюду, куда бы ни кинул он взоры, видит он страждущих животных и преходящий мир... познание целого, сущности вещей в себе, становится *квиетизмом* всякого хотения. Воля отворачивается от жизни; она содрогается теперь перед ее радостями, в которых видит ее утверждение. Человек доходит до состояния добровольного отречения, резигнации, истинной безмятежности и совершенного отсутствия желаний...

Легко понять, как блаженна должна быть жизнь того, чья воля укрощена не на миг, как при эстетическом наслаждении, а навсегда и даже совсем погасла вплоть до той последней тлеющей искры, которая поддерживает тело и потухнет вместе с ним. Такой человек, одержавший наконец решительную победу после долгой и горькой борьбы с собственной природой, остается еще на земле как существо чистого познания, как неомраченное зеркало мира. Его ничто уже больше не может удручать, ничто не волнует, ибо все тысячи нитей хотения, которые связывают нас с миром и в виде алчности, страха, зависти, гнева влекут нас в беспрепятственном страдании туда и сюда, эти нити он обрезал...

Если мы... познали внутреннюю сущность мира как воли во всех его проявлениях увидели только ее объектность, которую проследили от бессознательного порыва темных сил природы до сознательной деятельности человека, то мы никак не можем избежать вывода, что вместе со свободным отрицанием, отменой воли, упраздняются и все те явления, то беспрестанное стремление и искание без цели и без отдыха, на всех ступенях объектности, в которых и через которые существует мир, упраздняется разнообразие преемственных форм, упраздняются с волей все ее проявления и, наконец, общие формы последнего, время и пространство, как и последняя основная форма его — субъект и объект. *Нет воли — нет представления, нет мира.*

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. М., 1900. С. 344, 331, 336-227, 392-394, 405-426.

Фридрих Ницше (1844–1900)

(ВОЛЯ К ВЛАСТИ)

Философы имеют обыкновение говорить о воле как об известнейшей В мире вещи; Шопенгауэр же объявил, что одна-де воля доподлинно известна нам, известна вполне, без всякого умаления И примеси. Но мне постоянно кажется, что и Шопенгауэр сделал в этом случае лишь то, что обыкновенно делают философы: принял *народный предрассудок* и еще усилил его. Мне кажется, что хотение есть прежде всего нечто *сложное*, нечто имеющее единство только в качестве слова — и как раз в выражении его *одним* словом сказывается народный предрассудок, господствующий над всегда лишь незначительной осмотрительностью философов. Итак, будем же осмотрительнее, перестанем быть «философами» — скажем так: в каждом хотении есть, во-первых, множество чувств, именно: чувство состояния, от которого мы стремимся *избавиться*, чувство состояния, которого мы стремимся *достигнуть*, чувство самих этих стремлений, затем еще сопутствующее мускульное чувство, возникающее, раз мы «хотим», благодаря некоторого рода привычке и без приведения в движение наших «рук и ног». Во-вторых, подобно тому как ощущения — и именно разнородные ощущения — нужно признать за ингредиент воли, так же обстоит дело и с мышлением: в каждом волевом акте есть командующая мысль; однако нечего и думать, что можно отделить эту мысль от «хотения» и что будто тогда останется еще воля! В-третьих, воля есть не только комплекс ощущения и мышления, но прежде всего еще *и аффект* — и к тому же аффект команды. То, что называется «свободной воли», есть в сущности превосходящий аффект по отношению к тому, который должен подчиниться: «я свободен», «он должен повиноваться», — это сознание кроется в каждой воле так же, как и то напряжение внимания, тот прямой взгляд, фиксирующий исключительно *одно*, та безусловная оценка положения «теперь нужно это и ничто другое», та внутренняя уверенность, что повиновение будет достигнуто, и все, что, еще относится к состоянию повелевающего. Человек, который *хочет*, — приказывает чему-то в себе, что повинуется или о чем он думает, что оно повинуется. Но обратим теперь внимание на самую удивительную сторону воли, этой столь многообразной вещи, для которой у народа есть *одно* слово: поскольку в данном случае мы являемся одновременно показывающими и повинующимися и, как повинующимся нам знакомы чувства принуждения, напора, давления, сопротивления, побуждения, возникающие обыкновенно вслед за актом воли; поскольку, с другой стороны, мы привыкли не обращать внимания на эту двойственность, обманчиво отвлекаться от нее при помощи синтетического понятия Я, — к хотению само собой пристраивается еще целая цепь ошибочных заключений и, следовательно, ложных оценок самой воли, — таким образом, что хотящий совершенно искренне верит, будто *хотения* достаточно для действия. Так как в огромном большинстве случаев хотение проявляется там, где можно *ожидать* и воздействия поведения, стало быть, повиновения, стало быть, действия, то *видимая* сторона дела, будто тут существует *необходимость действия*, превратилась в чувство; словом, хотящий полагает с достаточной степенью уверенности, что воля и действие каким-то образом составляют одно — он приписывает самой воле еще и успех, исполнение хотения и наслаждается при этом приростом того чувства мощи, которое несет с собою всяческий успех. «Свобода воли» — вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем, — который в качестве такового наслаждается совместно с ним торжеством над препятствиями, но втайне думает, будто в сущности это сама его воля побеждает препятствия. Таким образом, хотящий присоединяет к чувству удовольствия повелевающего еще чувства удовольствия исполняющих, успешно

действующих орудий, служебных «под-воль» или под-душ, — ведь наше тело есть только общественный строй многих душ. L'effet c'est moi: тут случается то же, что в каждой благоустроенной и счастливой общине, где правящий класс отождествляет себя с общественными успехами. При всяком хотении дело идет непременно о повелевании и повиновении, как сказано, на почве общественного строя многих «душ», отчего философ должен бы считать себя вправе рассматривать хотение само по себе уже под углом зрения морали, причем под моралью подразумевается именно учение об отношениях власти, при которых возникает феномен «жизнь»...

Causa sui — это самое вопиющее из всех доселе выдуманных самопротиворечий, своего рода логическое насилие и противоестественность, но непомерная гордость человека довела его до того, что он страшнейшим образом запутался как раз в этой нелепости. Желание «свободы воли» и том метафизическом, суперлативном смысле, который, К сожалению, все еще царит в головах недоучек, желания самому нести всю без изъятия ответственность за свои поступки, сняв ее с Бога, с мира, с предков, со случая, с общества, — есть не что иное, как желание быть той самой causa sui и с более чем мюнхаузеновской смелостью вытащить самого себя за волосы в бытие из болота Ничто. Но допустим, что кто-нибудь раскусит-таки мужицкую простоватость этого знаменитого понятия «свободная воля» и выкинет его из своей головы, — в таком случае я уж попрошу его подвинуть еще на шаг дело своего «просвещения» и выкинуть из головы также и инверсию этого лже-понятия «свободная воля»: я разумею «несвободную волю», являющуюся следствием злоупотребления причиной и действием. «Причину» и «действие» не следует *овеществлять*, как делают натуралисты согласно с господствующей механистической бестолковостью, заставляющей причину давить и толкать, пока она не «задействует». «Причиной» и «действием» нужно пользоваться как чистыми *понятиями*, т.е. как общепринятыми фикциями, в целях обозначения, соглашения, *а не* объяснения. В «сущности вещей» нет никакой «причинной связи», «необходимости», «психологической несвободы»: там «действие» *не* следует «за причиной», там не царит никакой «закон». Это *мы*, только мы выдумали причины, последовательность, взаимную связь, относительность, принуждение, число, закон, свободу, основание цель; и если мы примысливаем, примешиваем к вещам этот мир знаков как нечто «само по себе», то мы поступаем снова так, как поступали всегда, именно, *мифологически*. «Несвободная воля» - это мифологии: в действительной жизни дело идет только о *сильной и слабой* воле. —Если мыслитель во всякой «причинной связи» и с «психологической необходимостью» уже чувствует некоторую долю приневоливания, нужды, необходимости, следствия, давления, несвободы, то это почти всегда симптом того, чего не хватает ему самому: чувствовать так — предательство: личность выдает себя. И вообще, если верны мои наблюдения, «несвободная воля» понимается как проблема с двух совершенно противоположных сторон, но всегда с глубоко *личной* точки зрения: один ни за что не хотят отказаться от собственности «ответственности», от веры *в себя*, от личного права на *свои* заслуги (к этой категории принадлежат тщеславные расы); другие, наоборот, Не хотят ни за что отвечать, ни в чем быть виновными и желали бы, из чувства внутреннего самопрезрения, иметь возможность *-сбыть* куда-нибудь самих себя. Последние, если они пишут книги, имеют нынче обыкновение защищать преступников; род социалистического сострадания — их любимая маска. И в самом деле, фатализм слабовольных удивительно украшается, если он умеет отрекомендовать себя как «религию человеческого страдания»: это *его* «хороший вкус».

Пусть простят мне, как старому филологу, который не может отделаться от злой привычки клеймить скверные уловки толкования — но эта закономерность природы, о которой вы, физики, говорите с такой гордостью... не есть сущность цела, не есть «текст», а скорее только наивно-гуманитарная подправка и извращение смысла, которыми вы вдосталь угождаете демократическим инстинктам современной души! «Везде существует равенство перед законом; в природе дело обстоит в этом

отношении не иначе и не лучше, чем у нас»; благонаправная задняя мысль, которой еще раз маскируется враждебность черни ко всему привилегированному и самодержавному, маскируется второй, более. Тонкий атеизм:.. Но, как сказано, это — толкование, а не текст, и может явиться кто-нибудь такой, кто с противоположным намерением искусством толкования сумеет вычитать из той же самой природы и по отношению к тем же самым явлениям как раз тиранически беспощадную и неумолимую настойчивость требований власти; может явиться толкователь, который представит вам в таком виде Неуклонность и безусловность всякой «воли к власти», что почти каждое слово, и даже слово «пирапия», в конце концов покажется непригодным, покажется уже ослабляющей и смягчающей метафорой, покажется слишком человеческим; и при всем том он, может быть, кончит тем, что будет утверждать об этом мире то же, что и вы, именно, что он имеет «необходимое» и «поддающееся вычислению» течение, но *не потому*, что в нем царят законы, а потому, что абсолютно *нет* законов и каждая власть в каждое мгновение выводит свое последнее заключение. Положим, что это тоже лишь толкование — и у вас хватит усердия возражать на это? — ну что ж, тем лучше.

Вся психология не могла до сих пор отделаться от моральных предрассудков и опасений: она не отважилась проникнуть в глубину. Понимать ее как морфологию *и учение о развитии воли к власти*, как ее пониманию я, — этого еще ни у кого даже и в мысли не было... Сила моральных предрассудков глубоко внедрилась в умственный мир человека, где, казалось бы, должны царить холод и свобода от гипотез, — и, само собою разумеется, она действует вредоносно, тормозит, ослепляет, искажает... крепче стиснем зубы! будем смотреть в оба! рукою твердого возьмем кормило! - мы переплывем прямо через мораль, мы попираем, мы раздробляем при этом, может быть остаток нашей собственной моральности...

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 576-582.

Да, есть во мне нечто неранимое, незахоронимое, взрывающее скалы: *моей волею* называется оно. Молчаливо и не изменяясь проходит оно через годы.

Своей поступью хочет идти моими стопами моя закадычная воля, ее чувство безжалостно и неуязвимо...

Да, ты еще для меня разрушительница всех могил; здравствуя же, моя воля! И только там, где есть могилы, есть и воскресение...

«Волею к истине» называете вы, мудрейшие, то, что движет вами и возбуждает вас?

Волею к мыслимости всего сущего - так называю я вашу волю! Все сущее вы *сделать* сперва мыслимым: ибо сомневаетесь с добрым недоверием, мыслимо ли она

Но оно должно подчиняться и покоряться вам! Так вопит ваша воля. Гладким должно стать оно и подвластным духу, как его зеркало и отражение в нем.

В этом вся ваша воля, вы, мудрейшие, как воля к власти, и даже когда вы говорите о добре и зле и об оценках ценностей.

Создать хотите вы еще мир, перед которым вы могли бы преклонить колена, -такова ваша последняя надежда и опьянение.

Но немудрые, народ, - они подобны реке, по которой плывет человек, - и в челноке сидят торжественные и переряженные оценки ценностей.

Вашу волю и ваши ценности спустили вы на реку становления; старая воля к власти брезжит мне в том, во что верит народ как в добро и зло.

То были вы, мудрейшие, кто посадил гостей в этот челнок и дал им блеск и гордые имена, - вы и ваша господствующая воля!

Дальше несет теперь река наш челнок: она *должна* его нести. Что за беда, если пенится разбитая волна и гневно противится киллю!

Не река является вашей опасностью и концом вашего добра и зла, вы, мудрейшие, - но сама эта воля, воля к власти - неистошима, творящая воля к жизни.

Но чтобы поняли вы мое слово о добре и зле, я скажу вам еще свое слово о жизни и свойствах всего живого.

Все живое проследил я, я прошел великими и малыми путями, чтобы познать его свойство.

Стогранным зеркалом ловил я взор жизни, когда уста ее молчали, - дабы ее взор говорил мне. И ее взор говорил мне.

Но где бы не находил я живое, везде слышал я и речь о послушании. Все живое есть нечто повинующееся.

И вот второе: тому повелевают, кто не может повиноваться самому себе. Таково свойство всего живого.

Но вот третье, что я слышал: повелевать труднее, чем повиноваться. И не потому только, что повелевающий несет бремя всех повинующихся и что легко может это бремя раздавить его.

Попыткой и дерзновением казалось мне всякое повелевание, и, повелевая, живущий всегда рискует самим собою.

И даже когда он повелевает самому себе - он должен еще искупить свое повеление. Своего собственного закона должен он стать судьей, и мстителем и жертвой.

Но как же происходит это? - так спрашивал я себя. Что побуждает все живое повиноваться и повелевать и, повелевая, быть еще повинующимся?

Слушайте же мое слово, вы, мудрейшие. Удостоверьтесь серьезно, проник ли я в сердце жизни и до самих корней ее сердца!

Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти; и даже в воле служащего находил я волю господином.

Чтобы сильнейшему служил более слабый - к этому побуждает его воля его, которая хочет быть господином над еще более слабым: лишь без этой радости не может оно обойтись.

И как меньший отдает себя большему, чтобы тот радовался и власть имел над меньшим, - так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску - жизнь свою.

В том и жертва великого, чтобы было в нем дерзновение, и опасность, и игра в кости насмерть.

А где есть жертва, и служение, и взоры любви, там есть и воля быть господином! Крадучись, вкрадывается слабейший в крепость и в самое сердце сильнейшего - и крадет власть у него.

И вот такую тайну поведала мне сама жизнь. «Смотри, - говорила она, - я всегда должна преодолевать самое себя.

Конечно, это вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному - но все же это образует единую тайну:

Лучше погибну я, чем отрекусь от этого; и поистине, где есть закат и опадение листьев, там жизнь жертвует собою — из-за власти!

Мне надо быть борьбою, и становлением, и целью, и противоречием целей: ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими *кривыми* путями она должна идти!

Что бы не создавала я и как бы ни любила я созданное скоро должна я стать противницей ему и моей любви: так хочет моя воля.

И даже ты, познающий, ты только тропа и след моей воли: поистине моя золи к власти ходит по следам твоей воли к истине!

Конечно, не попал в истину тот, кто запустил в нее словом о стволе к существованию»: такой ноли — не существует!

Ибо то, чего нет, не может хотеть; а что существует, как могло бы оно еще хотеть существования!

Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не ноля к жизни, но — так учу я тебя — воля к власти!

Многое ценится живущим выше, чем сама жизнь; но и в самой оценке говорит — воля к власти!»

Так учила меня некогда жизнь, и отсюда разрешаю и, вы, мудрейшие, также и загадку вашего сердца.

Поистине, я говорю вам: добра и зла, которые были бы непреходящими, — не существует! Из себя должны они все снова и снова преодолевать самих себя.

При помощи ваших ценностей и слов о добре и зле совершаете вы насилие, вы, ценители ценностей; и в этом ваша скрытая любовь, и блеск, и трепет, и порыв вашей души.

Но еще большее насилие и преодоление растет из ваших ценностей: об них разбивается яйцо и скорлупа его.

И кто должен быть творцом в добре и зле, поистине должен быть сперва разрушителем, разбивающим ценности.

Так принадлежит высшее зло к высшему благу; а это благо есть творческое.

Будем же говорить только о нем, вы, мудрейшие, хотя и это дурно. Но молчание еще хуже; все замолченные истины становятся ядовитыми...

Спаси тех, кто миновали, и преобразовать всякое «было» в «так хотел я» — лишь это я назвал бы избавлением!

Воля — так называется освободитель и вестник радости; так учил я вас, друзья мои! А теперь научитесь еще: — сама воля еще пленница.

«Хотеть» освобождает — но как называется то, что и освободителя заковывает еще в цепи?

«Было» — так называется скрежет зубовой и сокровенное горе воли. Бессильная против того, что уже сделано, она — злобная зрительница всего прошлого.

Обратно не может воля хотеть; что не может она победить время и остановить движение времени, — в этом сокровенное горе воли.

«Хотеть» освобождает; чего только не придумывает сама воля, чтобы освободиться от своего горя и посмеяться над своим тюремщиком?

Ах, безумец становится каждый пленник! Безумством освобождает себя и плененная воля.

Что время не бежит назад, — в этом гнев ее; «было» — так называется камень, которого не может катить она.

И вот катит она камни от гнева и посадки и мстит тому, кто не чувствует, подобно ей, гнева и досады.

Так стана воля, освободительница, причинять страдание: и на всем; что может страдать, вымещает она, что не может вернуться вспять.

Это, и только это, есть само *мщение*: отвращение воли ко времени и к его «было».

Поистине, великая глупость живет в нашей воле, и проклятием стала всему человеческому, что эта глупость научилась духу.

Дух *мщения*, друзья мои, он был до сих пор лучшей мыслью людей; и где было страдание, там всегда должна было быть наказание.

«Наказание» — именно так называет само себя мщение: с помощью лживого слова оно притворяется чистой совестью.

И так как в самом хотящем есть страдание, что не может он обратно хотеть, — то и сама воля, и вся жизнь должны бы быть наказанием!

И вот туча за тучей собрались над духом — пока наконец безумие не стало проповедовать: «Все преходит, и потому все достойно того, чтобы прейти!»

И самой справедливостью является тот закон времени, чтобы оно пожирало своих детей, — так проповедовало безумие.

Нравственно все распределено по праву и наказанию. А еще же избавление от потока

вещей и наказания «существованием»? Так проповедовало безумие.

Может ли существовать избавление, если существует вечное право? Ах, недвижим камень «было»: вечными должны также быть все наказания. Так проповедовала безумие.

Никакое деяние не может быть уничтожено: как могло бы оно быть несделанным через наказание! В том именно вечное в наказании «существованием, что существование вечно должно быть опять деянием и виной!

Пока наконец воля не избавится от себя самой и не станет отрицанием воли, - но ведь вы знаете, братья мои, эту -басню безумия!

Прочь вел я вас от этих басен, когда учил вас: «Воля есть созидательница».

Всякое «было» есть обломок, загадка, ужасная случайность, пока созидаящая воля не добавит: «Но так хотела я!»).

- Пока созидаящая воля не добавит: «Но так хочу я! Так захочу я!»...

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 381-384, 404--405.

(БОЛЕЗНЬ ВОЛИ)

Заратустра не ходил еще и часу в горах и лесах своих, как вдруг увидел он странное шествие. Как раз по дороге... шли два короля... они гнали перед собой нагруженного осла. «Чего хотят эти короли в царстве моем?» - с удивлением говорил Заратустра сердце своим и спрятался за куст. Но когда короли подошли к нему близко, он сказал вполголоса, как некто говорящий сам с собою: «Странно! Странно! Как увязать это? Я вижу двух королей и только одного осла!»

Тогда оба короля остановились, улыбнулись, посмотрели в ту сторону, откуда исходил голос, и затем взглянули друг другу в лицо. «Так думают многие и у нас, - сказал король справа, - но не высказывают этого».

Король слева пожал плечами и ответил: «Это, должно быть, козопас. Или отшельник, слишком долго живший среди скал и деревьев, ибо отсутствие всякого общества тоже портит добрые нравы»,

«Добрые нравы? - с негодованием и горечью возразил другой король. - кого же сторонимся мы? Не «добрых ли нравов?» Не нашего ли «хорошего общества?»

Поистине, уж лучше жить среди отшельников и козопасов, чем среди нашей раззолоченной, лживой, нарумяненной черни, - хотя бы она и называла себя «хорошим обществом».

- хотя бы она и называла себя «аристократией». Но в ней все лживо и гнило, начиная с крови, благодаря застарелым дурным болезням и еще более дурным исцелителям.

Я предпочитаю ей во всех смыслах здорового крестьянина - грубого, хитрого, упрямого и выносливого: сегодня это самый благородный тип.

Крестьянин сегодня лучше всех других; и крестьянский тип должен бы быть господином! И однако теперь царство толпы; - я не позволяю себе более обольщаться. Но толпа значит: всякая всячина.

Толпа - это всякая всячина: в ней все перемешано, и святой, и негодяй, и барин, и еврей, и всякий скот из Ноева ковчега.

Добрые нравы! Все у нас лживо и гнило. Никто уже не умеет благоговеть: *этого* именно мы все избегаем. Это заискивающие, назойливые собаки, они золотят пальмовые листья.

Отвращение душит меня, что мы, короли, сами стали поддельны ми, что мы обвешаны и переодеты в старый, пожелтевший прадедовский блеск, что мы лишь показные медали для глупцов и пройдох и для всех тем, кто ведет сегодня торговлю с властью!

Мы не первые - надо, чтобы мы *казались* первыми: мы устали и пресытились

наконец этим обманом.

От отребья отстранились мы, от всех этих горлодеров и пишущих навозных мух, от смрада торгашей, от судороги честолубий и от зловонного дыхания: тьфу, жить среди отребья.

- тьфу, среди отребья казаться первыми! АХ, отвращение! отвращение! отвращение! Какое значение имеем еще мы, короли!» «Твоя старая болезнь возвращается к тебе, - сказал тут король слева, - отвращение возвращается к тебе, мой бедный брат. Но ты ведь знаешь, кто-то подслушивает нас».

И тотчас же Заратустра вышел из убежища своего... подошел к королям и начал так: «Кто Вас слушает, и слушает охотно, Вы, короли, тот называется Заратустра.

Я - Заратустра, который однажды сказал: «Что толку еще в королях!» Простите, я обрадовался, когда Вы сказали друг другу: «Что нам до королев!»

Но здесь *мое* царство и мое господство - чего могли бы Вы искать в моем царстве? Но, быть может, дорогою *нашли* Вы то, чего я ищу: высшего человека».

Когда короли услышали это, они ударили себя в грудь и сказали в один голос: «Мы узнаны!»

Мечом этого слова рассекаешь ты густейший мрак нашего сердца. Ты открыл нашу скорбь, ибо - видишь ли! - мы пустились в путь, чтобы найти высшего человека - человека, который выше нас, хотя мы и короли. Ему ведем мы этого осла. ибо высший человек должен быть на земле И высшим повелителем.

Нет более тяжелого несчастья во всех человеческих судьбах, как если сильные мира не суть также и первые люди. Тогда все становится лживым, кривым и чудовищным.

И когда они бывают даже последними и более скотами, чем людьми, - тогда поднимается и поднимается толпа в цене, и наконец говорит даже и добродетель толпы: «смотри, лишь я добродетель!» -

«Что слышал Я ТОЛЬКО ЧТО? - отвечал Заратустра. - Какая мудрость у королев! Я восхищен...

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше. Лс3 ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Иресс; Харьков: фолио, 1999. С. 487-489.

Скепсис и есть наидуховнейшее Выражение известного многообразного физиологического свойства, которое называется на обыкновенном языке слабостью нервов и болезненностью; оно возникает всякий раз, когда расы и сословия, долгое время разлученные, начинают решительно и внезапно скрещиваться. Новое поколение, как бы унаследовавшее в своей крови различные меры и ценности, олицетворяет собой беспокойство, тревогу, сомнение, попытку; лучшие силы действуют в нем, как тормоза, даже добродетели не дают взаимно друг другу вырасти и окрепнуть, в душе и теле не хватает равновесия, тяжеловесности, перпендикулярной устойчивости. Но что в этих полукровках сильнее всего более и вырождается, так это воля, они уже совершенно не знают независимости в решении, радостного чувства мужества в хотении, они сомневаются в «свободе воли» даже в своих грезах. Наша современная Европа, представляющая собою древу бессмысленно внезапных опытов радикального смешения сословий *И, следовательно*, рас, скептически поэтому на всех высотах и глубинах, то тем непоследовательным скепсисом, который нетерпеливо и похотливо перескакивает с ветки на ветку, то мрачным, как туча, обремененная вопросительными знаками, - и часто ей до смерти надоедает собственная волн! Паралич воли: где только ни встретишь теперь этого калеку!.. Болезнь воли распространена в Европе неравномерно: сильнее И разнообразнее всего она проявляется там, где уже давно привилась культура, и исчезает в той мере, В какой «варвар» под болтающейся на нем одеждой западного

образования еще или вновь - предъявляет свои права. Поэтому в нынешней Франции... воля немощна более всего; и Франция, всегда обладавшая мастерским умением превращать даже самые роковые свои умственные течения в нечто привлекательное и соблазнительное, выставляет нынче, как настоящая школа и выставка всех чар скепсиса, свое культурное превосходство над Европой. Способность хотения, и именно хотения всю волю, уже несколько сильнее в Германии...; значительно сильнее она в Англии, Испании и на Корсике, там в связи с флегматичностью, здесь с твердостью черепов, - Не говоря уже об Италии, которая слишком молода, чтобы знать чего ей хочется, и которая сперва еще должна доказать, может ли она хотеть; но величайшей и удивительнейшей силы достигает она в том огромном срединном государстве, где как бы начинается отлив Европы в Азию, - в России. Там сила воли откладывается и накапливается с давних пор, там воля - и неизвестно, воля отрицания или утверждения,

грозно ждет того, чтобы, по излюбленному выражению нынешних физиков, освободиться. И не только индийские войны и осложнения в Азии нужны для того, чтобы Европа освободилась от своей величайшей опасности, нет, для этого необходимы внутренние перевороты, раздробление государства на мелкие части прежде всего введение парламентского тупоумия с присовокуплением сюда обязательства для каждого читать за завтраком свою газету. Я говорю так не потому, что желаю этого: Мне было бы больше по сердцу противоположное, - подразумеваю под этим такое усиление грозности России, которое бы заставило Европу Решиться стать с равной степени грозной, т.е. посредством новой господствующей над ней касты *приобрести единую волю*, долгую, страшную собственную волю, которая могла бы назначить себе цели на тысячелетия вперед, - чтобы наконец окончилась затяжная комедия ее маленьких государств, а также ее династическое и демократическое многоволие. Время мелкой политики прошло; уже грядущее столетие несет с собою борьбу за господство над всем земным шаром, *понуждение* к великой политике....

...скепсис отважной мужественности... презирает и тем не менее прибирает к своим рукам; он подрывает и овладевает, он не верит, но при этом не теряется; он дает уму опасную свободу, но держит в строгости сердце; это *немецкая* форма скепсиса, который в виде продолженного и проникшего в высшие сферы духа фридрицианизма на долгое время подчинил Европу влиянию германского духа и его недоверию в области критики и истории. Благодаря непреодолимому сильному и стойкому мужественному характеру великих немецких филологов и исторических критиков (которые, при правильном взгляде на них, были все без изъятия также артистами в деле разрушения и разложения), наперекор всей романтике в музыке и философии, мало-помалу прочно установилось *новое* понятие о германском духе; в котором резко выступало влечение к мужественному скепсису: например, в виде неустранимости взгляда, в виде смелости и твердости разлагающей руки, в виде упорной воли к рискованной погоне за открытиями, к отважным экспедициям к Северному полюсу...

Ницше Ф. По ту сторону добра И зла // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 662-665.

(СУЩНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ)

Философ, как *мы* понимаем его, мы, свободные умы: как человек, несущий огромную ответственность, обладающий совестью, в которой уместается общее развитие человека, - такой философ будет пользоваться религиями для целей дисциплинирования воспитания так же, как иными политическими и экономическими состояниями. Избирательное, дисциплинирующее, т.е. всегда настолько же разрушающее, насколько творческое и формирующее, воздействие, которое может быть, оказано с помощью религий, многообразно и различно, смотря по роду людей, поставленных

под их опеку и охрану. Для людей сильных, независимых, подготовленных и предназначенных к повелеванию; воплощающих в себе разум и искусство господствующей расы, религия является лишним средством для того, чтобы преодолевать сопротивление, чтобы мочь господствовать: она служит узами, связующими властелина с подданными, она предает в его руки их совесть, выдает ему то скрытое, таящееся в глубине их души, что охотно отклонилось бы от повиновения; если же отдельные натуры такого знатного происхождения, вследствие высокого развития своих духовных сил, обладают склонностью к более уединенной и созерцательной жизни и оставляют за собой только утонченный вид властвования (над избранными учениками или членами ордена), то религия даже может послужить средством для ограждения своего покоя от тревог и тягот *более грубого* правления И своей чистоты от необходимой грязи всякого политиканства. Так смотрели на дело, например, брамины: с помощью религиозной организации они присвоили себе власть назначать народу его царей, между тем как сами держались в стороне от правления, вне его, как люди высших, сверхцарственных задач. Между тем религия дает некоторой части людей подвластных руководство и повод для подготовки к будущему господству и повелеванию, - тем медленно возвышающимся, более сильным классами сословиям, В которых вследствие благоприятствующего строя семейной жизни постоянно возрастает сила и возбуждение воли, воли к самообузданию: религия в достаточной степени побуждает и искушает их идти стезями, ведущими к высшему развитию духовных сил, испытать чувства великого самопреодоления, молчания и одиночества; аскетизм и пуританизм почти необходимые средства воспитания и облагорожения, если раса хочет возвыситься над своим происхождением из черни и проработать себя для будущего господства. Наконец, людям обыкновенным, большинству, существующему для служения и для общей пользы и лишь постольку *имеющему право* на существование, религия дает неоценимое чувство довольства своим положением и родом, многообразное душевное спокойствие, облагороженное чувство послушания, сочувствие счастью и страданию себе подобных, она несколько просветляет, скрашивает, до некоторой степени оправдывает все будничное, все низменное, все полуживотное убожество их души. Религия и религиозное значение жизни озаряет светом солнца таких всегда угнетенных людей и делает их сносными для самих себя, она действует, как эпикурейская философия на страждущих высшего ранга, укрепляя, предавая утонченность, как бы *используя* страдание, наконец, даже освящая и оправдывая его...

Однако в конце концов, чтобы отдать должное и отрицательному, балансу просчетов таких религий и осветить их зловещую опасность, нужно сказать следующее: если религии *не* являются средствами воспитания и дисциплинирования в руках философов, а начинают действовать самостоятельно *и самодержавно*, если они стремятся представлять собою последние цели, а не средства наряду с другими средствами, то это всегда обходится слишком дорого и имеет пагубные последствия. Человечество, как и всякий другой животный вид, изобилует неудачными экземплярами, больными, вырождающимися, хилыми, страждущими по необходимости; удачные случаи также и у человека являются всегда исключением, и, принимая во внимание, что человек есть еще не *устоявшийся животный* тип, даже редким исключением. Но дело обстоит еще хуже: чем выше тип, представляемый данным человеком, тем менее является вероятным, что он *удастся*, случайность, закон бессмыслицы, господствующий в общем бюджете человечества высказывает себя самым ужасающим образом в своем разрушительном действии на высших людей, для существования которых необходимы тонкие, многообразные и трудно поддающиеся определению условия. Как же относятся... величайшие религии к этому *излишку* неудачных случаев? Они стараются поддержать, упрочить жизнь всего, что только может держаться, они даже принципиально принимают сторону всего Неудачного, как религии для *страждущих*, они признают правыми всех тех, которые страдают от жизни, - как от болезни, и хотели бы достигнуть того, чтобы всякое иное понимание жизни считалось фальшивым и было невозможным. Как бы высоко

не оценивали эту щадящую и оберегающую заботу, которая до сих пор почти всегда окружала все типы людей, включая и высший, наиболее страждущий тип, все равно в общем балансе прежние и как раз *суверенные* религии являются главными причинами, удержавшими тип «человек» на более низшей ступени; они сохранили слишком многое из того, *это должно было погибнуть*... Если они приносили страждущим утешение, внушали угнетенным и отчаявшимся мужество, давали несамостоятельному опору и поддержку и заманивали в монастыри и душевные тюрьмы, прочь от общества, людей с расстроенным внутренним миром и обезумевших; что еще, кроме этого, надлежало им свершить, чтобы со спокойной совестью так основательно потрудиться над сохранением больных и страждущих, т.е. по существу над *ухудшением европейской расы*? Поставить все расценки ценностей *на голову* - вот что надлежало им свершить! И сломить сильных, оскорбить великие надежды, заподозрить счастье, обнаруживаемое в красоте; все, что есть самовластного, мужественного, завоевательного, властолюбивого, все инстинкты, свойственные наивысшему и наиболее удачному типу «человек», согнуть в неуверенность, совестливость, саморазрушение, всю любовь к земному и к господству над землей обратить против земли и в ненависть ко всему земному - *вот* задача, которую поставила и должна была поставить себе церковь, пока в ее оценке «отречение от мира», «отречение от чувств» и «высший человек» не сложились *в одно* чувство. Допустив, что кто-нибудь был бы в состоянии насмешливым и беспристрастным оком эпикурейского бога окинуть причудливо-горестную и столь же грубую, сколь и утонченную комедию европейского христианства, - ему, сдастся мне, было бы чему вдоволь надивиться и посмеяться; не покажется ли ему, что в Европе в течение восемнадцати веков господствовало единственное желание - сделать из человека *возвышенного выродка*?.. христианство до сих пор было наиболее роковым видом зазнайства человека. Люди недостаточно возвышенного и твердого характера для того, чтобы работать *над человеком* в качестве художников; люди недостаточно сильные и дальновидные для того, чтобы решиться на благородное самообзудание и *дать свободу* действия тому первичному закону природы, по которому рождаются и гибнут тысячи неудачных существ; люди недостаточно знатные для того, чтобы видеть разницу в рангах людей и пропасть, отделяющую одного человека от другого, - *такие* люди с их «равенством перед Богом» управляли до сих пор судьбами Европы, пока наконец не появилась взлелеянная их стараниями, измельчавшая, почти смешная порода, какое-то стадное животное, нечто добродушное, хилое и посредственное, - нынешний европеец...

Ницше Ф. по ту сторону добра и зла // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: 0011140, 1999: С. 613-617.

(СТАРЫЙ БОГ НЕ ЖИВ БОЛЕЕ:
ОН ОСНОВАТЕЛЬНО УМЕР)

Немного спустя после того, как Заратустра освободился от чародея, увидел он опять, что кто-то сидит на дороге, по которой он шел; это был черный высокий человек с исхудавшим, бледным лицом, сильно раздосадовавший его. «Горе, - сказал он в сердце своем, - вот сидит закутанная печаль, мне кажется, она из рода священников, чего хотят *они*, в моем царстве?»...

...В этот самый момент его уже увидел сидевший; и подобно тому, кто наталкивается на неожиданное счастье, вскочил пошел навстречу Заратустре.

«Кто бег ты ни был, ты, странник, - сказал он, - помоги заблудившемуся, ищущему, старому человеку, с которым здесь легко может случиться несчастье!

Этот мир здесь мне чужд, и далек, даже слышал я рычание диких зверей; а того, кто мог бы служить мне защитой, уже нет.

Я искал последнего благочестивого человека, святого и отшельника, который один в лесу

своем еще ничего не слышал о том, о чем весь мир знает сегодня».

«О чем сегодня знает весь мир? - спросил Заратустра. – Не том ли, что старый Бог не жив более, в которого весь мир некогда верил?»

«Ты говоришь, - отвечал опечаленный старик. - А я служил этому старому Богу до последнего часа его...»

«Ты служил ему до конца, - спросил Заратустра задумчиво после глубокого молчания, - ты знаешь как он умер? Правда ли, как говорят, что его задушила жалость.

- что он видел, как человек висел на кресте, и не вынес этого, так что любовь к человеку сделалась его адом и наконец его смертью?» -

Но старый папа ничего не ответил, а посмотрел робко в сторону страдальческим, мрачным взглядом.

«Оставь его, - сказал Заратустра, после долгого размышления, продолжая смотреть старику прямо в глаза.

Оставь его, он умер. И хотя тебе делает честь, что ты о мертвом говоришь только хорошее, но ты так же хорошо знаешь, как и я, кто он был; и что он ходил странными путями».

«Говоря с глазу на полуглаз, - сказал, повеселев, старый папа (ибо он был слеп на один глаз), - в вопросах Бога и просвещеннее самого Заратустры - и имею право на это.

Моя любовь, служила ему долгие годы, моя воля следовала во всем его воле. Но хороший слуга знает все и даже многое, что' его господин скрывает от себя самого.

Это был скрытный Бог, полный таинственности. Поистине, даже к сыну своему шел он не иначе, как потаенным путем. У дверей его веры стоит прелюбодеяние.

Кто его прославляет как Бога любви, тот недостаточно высокого мнения о самой любви. Разве этот Бог не хотел быть также судьей? Но любящий любит по ту сторону награды и возмездия.

Когда он был молод, этот Бог с востока, тогда был он жесток и мстителен и выстроил себе ад, чтобы забавлять любимцев.

Но наконец он состарился, стал мягким и сострадательным, более похожим на деда, чем на отца, и всего больше похожим на трясущуюся старую бабушку.

Так сидел он, поблекший, в своем углу на печке, и сокрушался о своих слабых ногах, усталый от мира, усталый от воли, пока наконец не задохнулся от своего слишком большого сострадания». –

«Ты, старый папа, - прервал тут Заратустра, - видел ли ты *это* своими глазами? Могло быть и так, могло быть и иначе. Когда боги умирают, умирают они всегда разными смертями.

Ну что ж! Так или иначе - он умер! Он был не по вкусу моим ушам и глазам, худшего не хотел бы я о нем говорить.

Я люблю все, что ясно смотрит и правдиво говорит. Но он - ты ведь знаешь это, ты, старый папа, он был немного из твоего рода, из рода священнического -его можно было разное понимать.

Его часто и совсем нельзя было понять. Как же сердился он на нас, этот дышащий гневом, что мы его плохо понимали. Но почему же не говорил он жнее!

И если вина была в наших ушах, почему дал он нам уши, которые его плохо слышали. Если была грязь в наших ушах, кто же вложил ее туда?

Слишком многое не удавалось ему, этому горшечнику, не доучившемуся до конца! Но если он еще мстил своим горшкам и творениям за то, что они ему плохо удавались, -это было уже грехом, против *хорошего вкуса*.

Существует и в благочестии хороший вкус; он говорит наконец: «Прочь. с

таким Богом! Лучше совсем без Бога, лучше наше самому быть Богом!»...

«...старый Бог не жив более: он основательно умер».

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 498-502.

ДВА РОДА МОРАЛИ

Как это ни странно, но всей «науке морали» до сих пор *недоставало* проблемы самой морали: *недоставало* подозрения, что здесь есть нечто проблематичное. То, что философы называли «обоснованием морали» и чего они от себя требовали, было, если посмотреть на дело в надлежащем освещении, только ученой формой. твердой веры в господствующую мораль, новым средством ее *выражения*, стало быть, фактом, который сам коренится в области определенной нравственности; В сущности, даже чем-то вроде отрицания того, что эту мораль можно понимать как проблему, – и во всяком случае чем-то противоположным исследованию, разложению, сомнению, вивисекции и именно этой.

Есть морали, назначение которых – оправдывать их создателей перед другими; назначение одних моралей успокаивать его и возбуждать в нем чувство внутреннего довольства собою; другими он хочет пригвоздить самого себя к кресту и смирить себя, третьими мстить, при помощи четвертых – скрыться, при помощи еще других – преобразиться и вознести на недосыгаемую высоту. Одна мораль служит ее создателю для того, чтобы забывать, другая – чтобы заставить забыть о себе или о какой-нибудь стороне своей натуры; один моралист хотел бы испытать на человечестве мощь и творческие причуды, какой-нибудь другой, быть может, именно Кант, дает понять своей моралью следующее: «Во мне достойно уважения то, что я могу повиноваться, – и у вас *должно* быть не иначе, чем у меня!» – словом, морали, являются также лишь *жестикულიцей аффектов*.

Всякая мораль... есть своего рода тирания по отношению к «природе», а также и к «разуму» – но это еще не возражение против нее, ибо декретировать, что всякая тирания и всякое неразумие непозволительны, пришлось бы ведь опять-таки, исходя из какой-нибудь морали... долгая несвобода ума, гнет недоверия в области сообщения мыслей, дисциплина, которую налагал на себя мыслитель, заставляя себя мыслить в пределах установленных духовной и светской властью правил или исходя из аристотелевских гипотез, долгое стремление ума истолковывать все случающееся по христианской схеме и в каждой случайности заново открывать и оправдывать христианского Бога все это насильственное, произвольное, суровое, ужасающее, идущее вразрез разумом оказалось средством, при помощи которого европейскому духу была привита его сила, его необузданное любопытство и тонкая подвижность, прибавим сюда, что при этом также должно было безвозвратно пропасть, задохнуться и погибнуть много силы и ума (ибо здесь, как и везде, «природа» выказывает себя такую, какова она есть, во всем своем расточительном *и равнодушном* великолепии, которое возмущает, но тем не менее благородно). В течение тысячелетий европейские мыслители только о том и думали, как бы доказать что-нибудь – нынче, напротив, для нас подозрителен всякий мыслитель, который «хочет нечто доказать», – для них всегда предопределенным оказывалось то, что *должно* было явиться результатом их строжайших размышлений, как это, – например, было встарь в азиатской астрологии или как это бывает еще и теперь при безобидно христианско-моральном истолковании ближайших лично пережитых событий: «во славу Божию» и «во спасение души» эта тирания, этот произвол, эта строгая и грандиозная глупость *воспитала* дух, по-видимому, рабство В более грубом – и в более тонком смысле является также необходимым

средством для духовной дисциплины и наказания. Взгляните с этой точки зрения на любую мораль, и вы увидите, что ее «природа» в том и заключается, чтобы учить ненавидеть слишком большую свободу и насаждать в нас, потребность в ограниченных горизонтах, в ближайших задачах; она учит *сужению перспективы*, а стало быть, в известном смысле, глупости, как условию жизни и роста...

Все эти морали, обращающиеся к отдельной личности в целях ее «счастья», как говорится, что они такое, если не правила поведения, соответствующие степени *опасности*, среди которой отдельная личность живет сама с собою, это рецепты против ее страстей, против ее хороших и дурных склонностей, поскольку они обладают волей к власти и желали бы разыгрывать из себя господина; это маленькие и большие благоразумности и ухищрения, пропитанные затхлым запахом старых домашних средств и старушечьей мудрости. Все они странны по форме и неразумны - потому что обращаются ко «всем», потому что обобщают там, где нельзя обобщать; все они изрекают безусловное и считают себя безусловными; всем им мало для приправы *одной только* крупички соли – они, напротив, становятся сносными, а иногда даже и соблазнительными лишь тогда, когда чрезмерно сдобрены пряностями И начинают издавать опасный запах, прежде всего запах «инога мира». Все это, если взглянуть на дело разумно, имеет мало ценности и далеко еще не «наука», а тем паче «мудрость», но повторяю еще раз, и повторяю трижды, благоразумие, благоразумие, и благоразумие, смешанное с глупостью, глупостью и глупостью...

Нам уже, достаточно известно, как это обидно звучит, когда кто-нибудь без всяких прикрас и уподоблений прямо причисляет человека к животным, и нам уж, конечно, будет почти что поставлено *в вину* то обстоятельство, что именно по отношению к людям «современных Идей» мы постоянно употребляем выражение «стадо», «стадный инстинкт» и тому подобные. Но что же делать! Мы не можем поступать иначе, потому что как раз в этом состоит наш новый взгляд... И как бы резко и неприятно для слуха это ни звучало, мы Все же повторяем: то, что в данном случае мнит себя знающим, что само себя прославляет своей похвалой и порицанием; само себя называет добрым, есть инстинкт стадного животного человека, - инстинкт прорвавшийся сквозь другие инстинкты, достигший над ними перевеса, преобладания и все усиливающийся в этом отношении по мере роста физиологического сглаживания различия между особями, симптомом чего он и является. *Мораль в Европе есть нынче мораль стадных животных*: это, стало быть, на наш взгляд, только *один* вид человеческой морали, кроме которого, до которого и после которого возможны или должны быть возможны многие другие, прежде всего *высшие*, морали...

Странствуя по многим областям и утонченных и грубых моралей, господствовавших до сих пор или еще нынче господствующих на земле, я постоянно наталкивался на правильное совместное повторение и взаимную связь известных черт – пока наконец мне не предстали два основных типа и одно основное различие между ними. Есть *мораль господ и мораль рабов*; спешу прибавить, что во всех высших и смешанных культурах мы видим также попытки согласовать обе морали, еще чаще видим, что они переплетаются одна с другого, взаимно не понимая друг друга, иногда же упорно существуют бок о бок - даже в одном и том же человеке, *водной* душе. Различения моральных ценностей возникли либо среди господствующей касты, которая с удовлетворением сознает свое отличие от подвластных ей людей, - либо среди подвластных, среди рабов и зависимых всех степеней. В первом случае, когда понятие «хороший» устанавливается господствующей кастой, отличительной чертой, определяющей ранг, считаются возвышенные, гордые состояния души. Знатный человек отделяет от себя существ, выражающих собою нечто противоположное таким возвышенным, гордым состояниям: он презирает их. Следует заметить, что в этой морали первого рода противоположение «хороший» и «плохой» значит то же самое, что «знатный» и «презренный», - противоположение «добрый» и «злой» другого происхождения. Презрением

клеят человека трусливого, малодушного, мелочного, думающего об узкой пользе, а также недоверчивого, со взглядом исподлобья, унижающегося, - собачью породу людей, выносящую дурное обхождение, попрошайку-льстеца И прежде всего лжеца: все аристократы глубоко уверены в лживости простого народа... Люди знатной породы чувствуют себя мерилom ценностей, они не нуждаются в одобрении, они говорят: «что вредно для меня, то вредно само по себе», они, сознают себя тем, что вообще только и дает достоинство вещам, они *создают ценности*. Они чтут все, что знают о себе, такая мораль есть самопрославление. Тут мы видим на первом плане чувство мощи, чувство избытка, бьющих через край, и счастье высокого напряжения, сознание богатства, готового дарить и раздавать: и знатный человек помогает несчастному, но не или почти не из сострадания, а больше из побуждения, вызываемого избытком мощи. Знатный человек чтит в себе человека, мощного, а также такого, который властвует над самим собой, который умеет говорить и безмолвствовать, который охотно проявляет строгость и суровость по отношению к самому себе и благоговеет перед всем строгим и суровым... Такая порода людей гордится именно тем, что она создана *не* для сострадания... вера в самого себя, гордость самим собою, глубокая враждебность и ирония по отношению к «бескорыстию» столь те несомненно относятся к морали знатных, как легкое презрение и осторожность по отношению к сочувствию и «сердечной теплоте». - Если кто *умеет* чтить, так эта именно люди сильные, это их искусство, это изобретено ими. Глубокое уважение к древности и родовитости - все право зиждется на этом двойном уважении - вера и предрассудки, благоприятствующие предкам и неблагоприятствующие потомкам, есть типичное в морали людей сильных; и если, наоборот, люди «современных идей» почти инстинктивно верят в «прогресс» и «будущее», все более и более теряя уважение к древности, то это уже в достаточной степени свидетельствует о незнатном происхождении этих «идей». Но более всего мораль людей властвующих чужда и тягостна современному вкусу строгостью своего принципа, что обязанности существуют только по отношению к себе подобным, что по отношению к существам более низкого ранга, по отношению ко всему чуждому можно поступать по благоусмотрению или по «влечению сердца» и, во всяком случае, находясь «по ту сторону добра и зла», - сюда может относиться сострадание и тому подобное. Способность и обязанность к долгой благодарности и долгой мести - и то и другое лишь в среде себе подобных, - изошренность по части - возмездия, утонченность понятия дружбы, до известной степени необходимость иметь врагов... все это типичные признаки морали знатных, которая, как сказано, не есть мораль «современных идей», и оттого нынче ее столь же трудно почувствовать, сколь трудно выкопать и раскрыть.. - иначе обстоит дело со вторым типом морали, с *моралью рабов*. Положим, что морализировать начнут люди насилуемые, угнетенные, страдающие, несвободные, не уверенные в самих себе и усталые, - какова будет их моральная оценка? Вероятно, в ней выразится пессимистически подозрительное отношение ко всей участи человека, быть может даже осуждение человека вместе с его участью. Раб смотрит недоброжелательно на добродетели сильного: он относится скептически и с недоверием, с *тонким* недоверием ко всему «хорошему», что чтится ими, - ему хочется убедить себя, что само счастье их не истинное. Наоборот, Он окру. ждет ореолом и выдвигает на первый план такие качества которые служат для облегчения существования страждущих: таким образом входят в честь сострадание, услужливость, готовая на помощь рука, сердечная теплота, терпение, прилежание, кротость и дружелюбие, - ибо здесь это наиважнейшие качества и почти единственные средства, дающие возможность вы носить бремя существования. Мораль рабов по существу своему есть мо- роль полезности. Вот где источник возникновения знаменитого противоположения «добрый» и «злой» - в категорию злого зачисляется все мощное и опасное, обладающее грозностью, хитростью силой, не допускающей презрения. Стало быть, согласно морали рабов, «злой» возбуждает страх; согласно же морали господ именно «хороший» человек возбуждает и стремится возбуждать

страх, тогда как «плохой» вызывает презрение... Последнее коренное различие: стремление к *свободе*, инстинктивная жажда счастья и наслаждений, порождаемых чувством свободы стала же необходимо связана с рабской моралью и моральностью, как искусство и энтузиазм в благоговении и преданности является регулярным симптомом аристократического образа мыслей и аристократической оценки вещей...

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Фридрих Ницше по ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999 С. 636-638, 651, 720-721

(Я УЧУ ВАС О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ)

И Заратустра говорил так к народу:

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое и вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян.

Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, и учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек - смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: *да будет* сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, *Оставайтесь вены земле* и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет.

Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть же исчезнут они!

Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю - самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!..

Но и теперь еще, братья мои, скажите мне: что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою?

Поистине, человек -это грязный поток.. Надо быть морем, чтобы принять В себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он -это море, где может потонуть ваше великое презрение...

Человек -это канат, натянутый между животными сверхчеловеком, -канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*.

Я люблю того, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу...

Я люблю того, кто живет для познания и хочет познавать для того, чтобы когда-

нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетели есть воля к гибели и стрела тоски...

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто карает своего Бога, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога...

Я люблю всех тех, кто является тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется *сверхчеловек*...

Буду же говорить я им о самом презренном существе, а это и есть *последний человек*.

И так говорил Заратустра к народу:

Настало время, чтобы человек поставил себе цель свою. Настало время, чтобы человек посадил росток высшей надежды своей.

Его почва еще достаточна для этого. Но эта почва будет когда-нибудь бедной и бесплодной, и ни одно высокое дерево не будет больше расти на ней.

Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы тоски своей выше человека и тетива лука его разучится дрожать!

Я говорю вам: нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас есть еще хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вам *последнего человека*...

Долго спал Заратустра... Потом он быстро поднялся... и возликовал: ибо он увидел новую истину. И так говорил он тогда, в сердце своем: «Свет низошел на меня: мне нужны спутники, и притом живые, - не мертвые спутники и не трупы, которых ношу я с собою, куда я хочу.

Мне нужны живые спутники, которые следуют за мною, потому что хотят следовать сами за собой - и туда, куда я хочу.

Свет низошел на меня: не к народу должен говорить Заратустра, а к спутникам! Заратустра не должен быть пастухом и собакою стада!

Сманить многих из стада -для этого пришел я...

Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника - но это и есть созидающий.

Посмотри на правоверных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника - но это и есть созидающий.

Спутников ищет созидающий, а не трупов, а также не стад и не верующих: Созидающих так же, как он, ищет созидающий, тех, кто пишут новые ценности на новых скрижалях...

К созидающим, к пожинающим, к торжествующим хочу я присоединиться: радугу хочу я показать им и все ступени сверхчеловека...

Я стремлюсь к своей цели, я иду своей дорогой; через медлительных и нерадивых перепрыгну я. Пусть будет моя поступь их гибелью!»...

Через оценку впервые является ценность, и без оценки был бы пуст орех бытия. Слушайте, вы, созидающие!

Перемена ценностей -это перемена созидающих. Постоянно уничтожает тот, кто

должен быть созидателем...

Вы жметесь к ближнему, и для этого есть у вас прекрасные слова. Но я говорю вам: ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе.

Разве я советую вам любовь к ближнему? Скорее я советую нам бежать от ближнего и любить дальнего!

Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему; выше еще чем любовь к человеку, ставлю я любовь к вещам и призракам...

Я учу вас о друге, в котором мир предстоит завершенным, как чаша добра, - о созидающем друге, всегда готовом подарить завершенный мир.

Будущее и самое дальнее пусть будет причиной твоего сегодня: в своем - друге ты должен любить сверхчеловека как свою причину.

Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам - я советую вам любовь к дальнему...

Посмотрите, какое обилие вокруг нас! И среди этого переизбытка хорошо смотреть на дальние моря.

Некогда говорили: Бог, -когда смотрели на дальние моря; но теперь учил я .вас говорить: сверхчеловек.

Бог есть предположение, но я хочу, чтобы ваше предположение простиралось не дальше, чем. наша созидающая воля.

Могли бы вы *создать* Бога? – Так не говорите мне о всяких богах! Но вы несомненно могли бы создать сверхчеловека.

Быть может, не вы сами, братья мои! Но вы могли бы пересоздать себя в отцов и предков сверхчеловека, и пусть это будет вашим лучшим созданием!..

Поистине даже для зла есть еще будущее! И самый знойной юг не открыт еще для человека.

Чтобы сверхчеловек не был лишен своего дракона, сверхдракона, достойного его, -надо, чтобы знойное солнце долго еще пылало над влажным девственным лесом!

Из ваших диких кошек должны вырасти сперва тигры, из ваших ядовитых жаб – крокодилы: ибо у доброго охотника должна быть и добрая охота!

И поистине, вы, добрые и праведные! В вас есть много смешного, и особенно ваш страх перед тем, что до сих пор называли «дьяволом»!

Так чужда ваша душа всего великого, что вам сверхчеловек был бы *страшен* в своей доброте!

И вы, мудрые и знающие, вы бежали бы от солнечного зноя той мудрости, в которой сверхчеловек купает с радостью свою наготу.

Вы, высшие люди, каких встречал мой взор! в том сомнение мое и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека -дьяволом.

Ах, устал я от этих высших и лучших: с «высоты» их потянуло меня выше, дальше от них, к сверхчеловеку!..

О братья мои, поняли ли вы... что сказал я однажды о «последнем человеке»?

В ком же лежит наибольшая опасность для всего человеческого будущего? Не в добрых ли и праведных?

Разбейте, разбейте добрых и праведных! – О братья мои, поняли ли вы также и это слово?..

...немного спустя был он уже опять у гостей своих, смотрел на них ясным, испытующим взором и говорил:

«Гости мои, вы, высшие люди, я хочу говорить с вами по-немецки и ясно. Не *вас* ожидал я здесь, в этих горах.

Пусть, поистине, вы будете, вместе взятые, высшими людьми; но для меня, вы недостаточно высоки и недостаточно сильны.

Также вы для меня недостаточно прекрасны и недостаточно благородны. Я употребляю чистые и гладкие зеркала для учения своего; а на вашей поверхности искажается даже

собственный образ мой..

Ваши плечи давит много тяжестей, много воспоминаний; много злых карликов сидят, скорчившись, в закоулках ваших. Даже в нас есть скрытая чернь.

И пусть вы высоки и более высокого рода: много в вас криво и безобразно. Нет в мире кузнеца, который мог бы исправить и выпрямить вас.

Вы только мост: пусть высшие перейдут через вас! Вы означаете ступени: не сердитесь же на того, кто по вас поднимается на высоту *свою!*

Быть может, из семени вашего некогда вырастет настоящий сын и совершенный наследник мой – но это еще далеко. Сами вы не те, кому принадлежит наследство мое и имя мое.

Не вас жду я здесь, в этих горах, не с вами спущусь я вниз в последний раз. Только как предзнаменование пришли вы ко мне, что высшие люди находятся уже на пути ко мне, –

– не люди великой тоски, великого отвращения, великого пресыщения и не те, кого называли вы последним остатком Бога.

– *Других* жду я здесь, в этих горах, и без них не шевельну я ногой, чтобы уйти отсюда.

– высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугольно построено тело, и душа: *смеющиеся львы* должны прийти!

О желанные гости мои, вы, странные люди, – неужели вы еще ничего не слышали о детях моих? И что они находятся на пути ко мне?

Чего ни отдал бы я, чтобы иметь лишь одно: *этих* детей, *эти* живые насаждения, *эти* деревья жизни воли моей и моей высшей надежды!»..

Самые заботливые вопрошают: «Как сохраниться человеку?» Заратустра же спрашивает, единственный и первый: «Как *превзойти* человека?»

К сверхчеловеку лежит сердце мое, он для меня первое и единственное, – *а не* человек: не ближний, не самый бедный, не самый страждущий, не самый лучший.

О братья мои, если что я могу любить в человеке, так это только то, что он есть переход и гибель. И даже в вас есть многое, что пробуждает во мне любовь и надежду.

Ваша ненависть, о высшие люди, пробуждает во мне надежду. Ибо великие ненавистники суть великие почитатели.

Ваше отчаяние достойно великого уважения. Ибо вы не научились подчиняться, вы не научились маленькому благоразумию.

Ибо теперь маленькие люди стали господами: они все проповедует покорность, скромность, благоразумие, старание, осторожность и нескончаемое «и так далее» маленьких добродетелей.

Все женское, все рабское, и особенно вся чернь: *это* хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы - о отвращение! отвращение! отвращение!

Они неустанно спрашивает: «как лучше, дольше и опрятнее сохраниться человеку?» потому - они господа сегодняшнего дня.

Этих господ сегодняшнего дня превзойдите мне, о братья мои, - этих маленьких людей: *они* величайшая опасность для сверхчеловека!

Превзойдите мне, о высшие люди, маленькие добродетели, маленькое благоразумие, бояливую осторожность, кишенье муравьев, жалкое довольство, «Счастье большинства»! -

И лучше уж отчаивайтесь, но не сдавайтесь. И поистине, я люблю вас за то, что вы сегодня не умеете жить, о высшие люди! Ибо так вы живете лучше всего!..

Ну что ж! вперед! высшие люди! Только теперь гора человеческого будущего мечется в родовых муках. Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек...

Красота сверхчеловека приблизилась ко мне как тень. Ах, братья мои! что мне теперь - до богов!

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 299-303, 308-309, 339-341, 358, 408, 464-465, 518-520, 523, 522, 360.

(ГОСУДАРСТВО? ЧТО ЭТО ТАКОЕ?)

Кое-где существуют еще народы и стада, но не у нас, братья мои: у нас есть государства.

Государство? Что это такое? Итак, слушайте меня, ибо теперь я скажу вам свое слово о смерти народов.

Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, емь народ».

Это - ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь: так служили они жизни.

Разрушители - это те, кто ставит ловушки для многих и называет их государством: они навесили им меч и навязали им сотни желаний.

Где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его, как дурной глаз и нарушение обычаев и прав.

Это знамение даю я вам: каждый народ говорит на своем языке о добре и зле - этого языка не понимает сосед. Свой язык обрел он в обычаях и правах.

Но государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет - и что есть у него, оно украло...

Рождается слишком много людей: для лишних изобретено государство!

Смотрите, как оно их привлекает к себе, это многое множество! Как оно их душит, жует и пережевывает!

Ах, даже вам, великие души, нашептывает оно свою мрачную ложь! Ах, оно угадывает богатые сердца, охотно себя расточающие!

Да, даже вас угадывает оно, вы, победители старого Бога! Вы устали в борьбе, и теперь ваша усталость служит новому кумиру!

Все готов дать *вам*, если вы поклонитесь ему, новый кумир: так покупает он себе блеск вашей добродетели и взор ваших гордых очей.

Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех - называется - «жизнь».

Посмотрите же на этих лишних людей! Они крадут произведения изобретателей и сокровища мудрецов: культурой называют они свою кражу - и все обращается у них в болезнь и беду.

Посмотрите же на этих летних людей! Они всегда больны, они выbleвывают свою желчь и называют это газетой. Они проглатывают друг друга и никогда не могут переварить себя.

Посмотрите же на этих лишних людей! Богатства приобретают они и делаются от этого беднее. Власти хотят они, и прежде всего рычага власти, много денег, эти немощные!

По-моему, все они безумцы, карабкающиеся обезьяны и находящиеся в бреду! По-моему, дурным запахом несет от их кумира, холодного чудовища, по-моему, дурным запахом несет от всех служителей кумира.

там, где кончается государство, и начинается человек, не являющийся лишним: там начинается песнь необходимых, мелодии, единожды существующая и невозвратная.

Туда, где *кончается* государство, туда смотрите, братья мои! разве вы не видите радугу и мосты, Ведущие К сверхчеловеку? –

Так говорил Заратустра.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра Фридрих Ницше. 110 ту сторону добра и зла. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: ФОЛИО, 1999. С. 330-332.

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные патологические процессы психической жизни и причислить их к научным явлениям... Психоанализ не может считать сознательное сутью психики, а должен смотреть на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать.

...Для большинства философски образованных людей идея психики, которая к тому же и бессознательна, настолько непонятна, что она кажется им абсурдной и отвергается простой логикой. Мне думается, что причина этого заключается в том, что они никогда не изучали соответствующих феноменов гипноза и сновидения (не говоря уже о патологических феноменах), делающих такое понимание обязательным.. Но выдвинутая ими психология сознания ведь и не способна разрешить проблемы гипноза и сновидения.

«Быть сознательным» есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надежные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например, представление, обычно не осознается длительно. Напротив, характерно то, что состояние осознанности быстро проходит; осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем чем оно было в промежутках: мы можем сказать, что оно было латентно¹, и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было способно быть осознанным. Но и в этом случае, если мы скажем, что оно было бессознательным, мы даем правильное описание. Это бессознательное совпадает тогда с латентной способностью к осознанию....

Мы пришли к термину или понятию о бессознательном... обработкой опыта, в котором играет роль психическая динамика. Мы должны признать, что есть сильные психические процессы или представления... которые для психической жизни могут иметь все те последствия, что и прочие представления, в том числе и такие последствия, которые могут быть вновь осознаны как представления, но они сами не осознаются... Короче говоря, тут вступает в действие психоаналитическая теория и заявляет, что такие представления не могут быть осознаны, так как этому противится известная сила; что в иных случаях они могли бы быть осознаны, и тогда было бы видно, как мало они отличаются от других, признанных психических элементов. Эта теория становится неопровержимой ввиду того, что в психоаналитической технике нашлись средства, которыми можно прекратить действие сопротивляющейся силы и сделать данные представления сознательными. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем вытеснением, а силу, которая привела к вытеснению и его поддерживала, мы ощущаем во время аналитической работы как сопротивление.

Таким образом мы приобретаем наше понятие о бессознательном из учения о вытеснении. Вытесненное является для нас примером бессознательного; мы видим,

однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное к осознанию, и вытесненное - само по себе и без дальнейшего неспособное для осознания. Наше представление о психической динамике не может не повлиять на номенклатуру и описание. Мы называем латентное - бессознательное - только в дескриптивном, а не в динамическом смысле, предсознательным названием бессознательного мы ограничиваем только динамически бессознательное вытесненное и получаем таким образом три термина: сознательное (СЗ), предсознательное (ПСЗ) и бессознательное (БСЗ), смысл которых -уже не чисто дескриптивный'. ПСЗ"... гораздо ближе к СЗ, чем БСЗ, и так как БСЗ мы назвали психическим, то тем увереннее отнесем это название к латентному ПСЗ...

Различение сознательного и бессознательного является, в конце концов, вопросом восприятия, на который можно ответить «да» и «нет»; сам же акт восприятия не дает нам никакой справки о том, по какой причине что-то воспринимается или не воспринимается. Нельзя жаловаться на то, что динамическое в своем проявлении получает лишь двусмысленное выражение.

...мы создали себе представление о связанной организации психических процессов в личности и называем эту организацию «Я» личности. К этому «Я» прикреплено сознание, оно владеет подступами к мотилитетности, т.е. к разрядке раздражений во внешний мир. Это та психическая инстанция, которая производит контроль над всеми своими частичными процессами;- ночью она засыпает, но и тогда все еще управляет цензурой сновидений. От этого «Я» исходят и вытеснения, при помощи которых известные психические стремления должны быть исключены не только из сознания, но и из других видов значимости и действительности. Все это, устраненное вытеснением, в анализе противостоит «Я», а анализу ставится задача - уничтожить сопротивление, которое «Я» проявляет к вниманию, уделяемому анализом вытесненному... БСЗ не совпадает с вытеснением.. правильно, что все вытесненное - БСЗ, но, и то же время, и не Все БСЗ вытеснено. Так же и часть «Я»... может быть БСЗ и, несомненно., и есть БСЗ. И это БСЗ не латентно в духе ПСЗ, иначе его нельзя было бы активизировать, не делая СЗ, и доведение его до осознанности не представляло бы таких больших затруднений. Если мы поставлены перед необходимостью выдвинуть третье не вытесненное БСЗ, то мы должны признать, что значение характера неосознанности для нас уменьшается. Он становится многозначным качеством, не допускающим широких и исключительных выводов, в целях которых мы бы его охотно использовали. Однако мы должны остерегаться небрежного к нему отношения, .так как, в конце концов, это качество - сознательно или бессознательно -является единственным светочем в потемках глубинной психологии.

Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и Оно. Труды разных лет. Т. 1. Тбилиси, 1991. С. 352-357.

«я» и «оно»

...С тех пор, как мы знаем, что и «Я» может быть бессознательным в собственном смысле слова, нам хотелось бы узнать о нем больше...

Все наше знание всегда связано с сознанием. Ведь и БСЗ мы можем узнать только путем того, что делаем его сознательным. Но как же это возможно? Что значит «сделать что-то сознательным»? Как это происходит?

...СЗ -все восприятия, приходящие извне (чувственные восприятия), и изнутри - то, что мы называем ощущениями и чувствами. Но как обстоит дело с теми внутренними процессами, которые мы - вчерне и неточно - можем обобщить как мыслительные процессы? Они протекают где-то в глубине аппарата в виде смещений психической энергии по пути к действию, но доходят ли они до поверхности, которая дает возникнуть сознанию? Или сознание доходит до них?.. Обе

возможности одинаково невысказаны, вероятно правильно что-то третье.

Я уже высказывал предположение, что действительное различие между БСЗ и ПСЗ представлениями заключается в том, что первое происходит на каком-то материале, остающемся неизвестным, в то время как у последнего (ПСЗ) добавляется соединение с словесными представлениями. Этим впервые делается попытка придать обеим системам, ПСЗ и БСЗ, отличительные знаки - иные, чем отношение к сознанию. Вопрос - как что-то осознается? - целесообразнее выражен следующим образом: как что-то предсознается?

Эти словесные представления являются остатками воспоминаний... сознательным может стать только то, что когда-то уже было СЗ восприятием и что, помимо чувств изнутри, хочет стать сознательным; оно должно сделать попытку превратиться во внешние восприятия. Это делается возможным при помощи следов воспоминаний.

...самое живое воспоминание все же можно отличить как от галлюцинации, так и от внешнего восприятия.

...мышление образами лишь весьма несовершенное осознание. Оно как-то ближе к бессознательным процессам, чем мышление словами, и, несомненно, онто- и филогенетически старше, чем последнее.

Если таков путь, каким нечто, само по себе бессознательное, делается предсознательным, то на вопрос - как что-то вытесненное сделать (прея) сознательным, - следует ответить следующим образом: нужно такие ПСЗ средние звенья восстановить аналитической работой. Сознание остается, следовательно, на своем месте, но и БСЗ не поднялось до СЗ.

В то время как отношение внешнего восприятия к «Я» совершенно явно, отношение внутреннего восприятия к «Я» требует особого исследования...

Внутреннее восприятие дает ощущение процессов из различнейших, конечно, и самых глубоких слоев психического аппарата. Они малоизвестны - их лучшим примером может еще послужить ряд наслаждение - неудовольствие. Они непосредственнее и элементарнее, чем восприятия, идущие извне, и могут возникнуть и в состоянии смутного сознания... Эти ощущения, как и внешние восприятия, могут приходиться одновременно из разных мест и при этом могут иметь различные и даже противоположные качества.

Ощущения с характером наслаждения не имеют в себе ничего настойчиво требующего, но, напротив, это качество в высшей степени выявляется в ощущениях неудовольствия... Если в психическом процессе мы назовем нечто осознаваемое как наслаждение или неудовольствие квантитативно-калитативно «другим», то возникает вопрос: может ли такое «другое» осознаваться на месте или его надо довести до системы В.

Клинический опыт останавливается на последнем. Он показывает, что «другое» ведет себя так, как вытесненное побуждение. Оно может развить движущие силы, причем «Я» не заметит принуждения. Только сопротивление принуждению, задержка в реакции разрядки тотчас дает осознать это другое как неудовольствие. Так же как и напряжения, вызываемые потребностями, и боль может оставаться чем-то «средним» между внешними внутренним восприятием; она проявляет себя как внутреннее восприятие и в том случае, когда причины ее исходят из внешнего мира. Таким образом верно, что и ощущения и чувства делаются сознательными только тогда, когда прибывают в систему В... Разница заключается в том, что для того, чтобы сделать БСЗ представление СЗ, надо сначала создать для него соединительные звенья, а для ощущений, передающихся непосредственно, это отпадает. Иными словами: различие СЗ и ПСЗ для ощущений не имеет смысла. ПСЗ здесь отпадает - ощущения или сознательны или бессознательны.

Теперь полностью выясняется роль словесных представлений. При их посредстве внутренние мыслительные процессы становятся восприятием...

...мы можем приступить к выработке нашего представления о «Я»... Мы видим, что оно исходит из В как своего ядра и затем охватывает ПСЗ, опирающееся на остатки воспоминаний. Но и «Я»... тоже бессознательно...

...назовем «Я» существо, исходящее из системы В и сначала являющееся ПСЗ; все остальное психическое, в котором оно себя продолжает и которое проявляется как БСЗ — «Оно».

...Теперь индивид для нас — психическое «ОНО», неузнанное и бессознательное, на котором поверхностно покоится «я», развитое из системы В как ядра... «я» не целиком охватывает «Оно», а только постольку, поскольку система В образует его поверхность, т.е. примерно так, как пластинка зародыша покоится на яйце. «Я» не четко отделено от «Оно»...

Но и вытесненное сливается с «Оно» — ОНО является лишь его частью. Вытесненное только от «Я» резко отграничено сопротивлениями вытеснения; при помощи «Оно» оно может с ним сообщаться...

Легко убедиться в том, что «Я» является измененной частью «Оно». Изменение произошло вследствие прямого влияния внешнего мира при посредстве В — СЗ. «Я» — до известной степени продолжение дифференциации поверхности. Оно стремится также применить на деле влияние внешнего мира и его намерений и старается принцип наслаждения, неограниченно царящий в «Оно», заменить принципом реальности. Восприятие для «Я» играет ту роль, которую в «Оно» занимает инстинкт, «Я» репрезентирует то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью. «Оно», напротив, содержит страсти...

Функциональная важность «Я» выражается в том, что и в нормальных случаях оно владеет подступами к подвижности. В своем отношении к «ОНО» ОНО похоже на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня; разница в том, что всадник пытается сделать это собственными силами, а «Я» — заимствованным. Если всадник не хочет расстаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда конь хочет; так «Я» превращает волю «Оно» в действие, как будто бы это была его собственная воля.

На возникновение «Я» и его отделение от «Оно», кроме влияния системы В, по-видимому, повлиял и еще один момент. Собственное тело и, прежде всего, его поверхность являются тем местом, из которого одновременно могут исходить внешние и внутренние восприятия...

«Я», прежде всего, — телесно; оно не только поверхностное существо, но и само — проекция поверхности...

С одной стороны, у нас есть доказательства, что даже тонкая и трудная интеллектуальная работа, обычно требующая напряженного размышления, может совершаться и бессознательно — не доходя до сознания. Эти факты несомненны; они случаются, например, в период сна и выражаются в том, что известное лицо непосредственно после пробуждения знает ответ на трудную математическую или другую проблему, над решением которой оно напрасно трудилось днем раньше.

Но гораздо более смущают нас другие данные нашего ответа: из наших анализов мы узнаем, что есть лица, у которых самокритика и совесть, т.е. психическая работа с безусловно высокой оценкой, являются бессознательными, производят чрезвычайно важное воздействие... Но новый опыт, несмотря на наше лучшее критическое понимание заставляющий нас говорить о бессознательном чувстве вины, смущает нас гораздо больше и ставит нас перед новыми загадками, особенно когда мы постепенно начинаем догадываться, что такое бессознательное чувство вины экономически играет

решающую роль в большом числе неврозов и сильнейшим образом препятствует излечению.

Если вернуться к нашей шкале ценностей, то мы должны сказать: в «Я» не только самое глубокое, но и самое высокое может быть бессознательным. Кажется будто нам таким способом демонстрируется то, что мы раньше высказали о сознательном «Я», а именно: что оно, прежде всего, «телесное Я».

Фрейд З. «Я» и «Оно» / Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Т. 1: Тбилиси, 1991. С. 357-364.

«Я» и «СВЕРХ—Я» («ИДЕАЛ Я»)

...«Идеал Я» является наследием Эдипова комплекса и, следовательно, выражением наиболее мощных движений и наиболее важных судеб либидо в «Оно». Вследствие установления «Идеала Я», «Я» овладело Эдиповым комплексом и одновременно само себя подчинило «Оно». В то время, как «Я»; в основной, является представителем внешнего мира, реалы Зости, — «Сверх—я» противостоит ему как поверенный внутреннего мира, мира «Оно». Мы теперь подготовлены к тому, что конфликты между «Я» и идеалом будут, в конечном итоге, отражать противоположность реального и психического, внешнего мира и мира внутреннего.

То, что биологии и судьбы человеческого вида создали и оставили в «Оно», путем образования идеала передается в «Я» и вновь индивидуально в нем переживается. «Идеал Я», вследствие истории своего образования, имеет самую обширную связь с филогенетическим приобретением, — архаическим наследием отдельного человека. То, что в отдельной психической жизни было самым глубоким, становится путем создания идеала наивысшим в человеческой душе, соответственно нашей шкале оценок. Было бы напрасным трудом хотя бы приблизительно локализовать «Идеал Я» так, как мы локализуем «Я», или же поместить его в одно из тех сравнений, какими мы пытались изобразить отношения «Я» и «Оно».

Легко показать, что «Идеал Я» удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к высшему существу в человеке. Как замену тоски по отцу, он содержит зародыш, из которого образовались все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» с его идеалом вызывает смиренное религиозное ощущение, на которое ссылается исполненный страсти томления верующий. В дальнейшем ходе развития учителя и авторитеты продолжали роль отца; их заповеди и запреты остались действительно мощными в «Идеале Я» и выполняют теперь в виде совести моральную цензуру. Напряжение между требованиями совести и достижениями «Я» ощущается как чувство вины. Социальные чувства основываются на идентификации себя с другими на почве одинакового «Идеала Я».

Религия, мораль и социальное чувство — эти главные содержания высшего в человеке (наука и искусство во внимание здесь не приняты) — первоначально составляли одно целое... они филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого Эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество; оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этих этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди; но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин. У отдельного человека еще и в наше время социальные чувства возникают как надстройка над ревнивым соперничеством между сестрами и братьями. Так как враждебность нельзя изжить, то создается идентификация с прежним соперником...

Наличие дифференциации на «Я» и «Оно» мы должны признать не только у примитивных людей, но и у гораздо более простых живых существ, так как эта дифференциация является необходимым выражением влияния внешнего мира... «Сверх-Я» возникло именно из тех переживаний, которые вели к тотемизму... «ОНО» не может пережить или испытать внешнюю судьбу кроме как через «Я»,

которое заменяет для него внешний мир. Но о прямом наследовании в «Я» все же нельзя говорить. Здесь раскрывается пропасть между реальным индивидом и понятием вида. Нельзя также слишком неэластично относиться к разнице между «Я» и «Оно»: нельзя забывать, что «Я» является особенно дифференцированной частью «Оно». Переживания «Я» кажутся сначала потерянными для наследования, но если они часто и достаточно сильно повторяются у многих следующих друг за другом поколений индивидов, то они... превращаются в переживания «Оно», впечатления которых закрепляются путем наследования. Таким образом наследственное «Оно» вмещает в себе остатки бесчисленных жизней «Я», и когда «Я» черпает свое «Сверх-Я» из «Оно», то оно, может быть, лишь восстанавливает более старые образы «Я», осуществляет их воскрешение.

История возникновения «Сверх-Я» делает понятным, что ранние конфликты «Я» с объективными нагрузками «Оно» могут продолжаться в виде конфликтов с их наследником – «Сверх-Я». Если «Я» плохо удастся преодоление Эдипова комплекса, то его нагрузка энергией, идущая от «ОНО», вновь проявится в образовании реакций «Идеала Я». Обширная коммуникация этого идеала с этим БСЗ первичными позывами разрешит ту загадку, что сам идеал может большей частью оставаться неосознанным, для «Я» недоступным. Борьба, бушевавшая в более глубоких слоях и не прекратившаяся путем быстрой сублимации' и идентификации... продолжается в сфере более высокой.

Фрейд З. «Я» и «Оно» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Т. 1. Тбилиси, 1991. С. 371-374.

Карл Густав Юнг

(1875–1961)

(ОЦЕНКА ВЗГЛЯДОВ З.ФРЕЙДА И А.АДЛЕРА)

...сексуальная теория невроза, выдвинутая Фрейдом, базируется на истинном и фактическом принципе. Однако ошибка ее состоит в односторонности и ограниченности исключительно этим принципом... Фрейд является типичным представителем именно материалистической эпохи, которая надеялась когда-нибудь разрешить загадку мироздания в пробирке. Фрейд и сам в более пожилом возрасте признал, что его теория страдает неуравновешенностью, и противопоставил Эросу, который он обозначает как либидо, инстинкт разрушения или, соответственно, смерти...

Судьбе было угодно, чтобы как раз один из первых учеников Фрейда, Альфред Адлер, обосновал точку зрения на сущность невроза, которая базируется исключительно на принципе власти...

Нет сомнений в том, что инстинкт власти играет чрезвычайно большую роль. Верно, что комплексы невротических симптомов являются также утонченными «способами», с невероятным упорством и несравненной хитростью неутомимо преследующими свои цели. Невроз имеет целевую ориентацию. Доказательство этому —серьезная заслуга Адлера.

Какая из двух концепций истинна?.. В одном случае Эрос и его судьба выступают как высший и решающий факт, в другом случае —власть Я. В первом случае Я —это лишь своего рода придаток Эроса и зависит от него; во втором случае любовь каждый раз

оказывается лишь средством, чтобы одержать верх. Кому по душе власть Я, тот восстает против первой концепции; для кого же важен Эрос, тот никогда не сможет примириться со второй концепцией...

Воззрения Фрейда и Адлера противоречат друг другу лишь тогда, когда они притязают на то, чтобы выступать в качестве общезначимой теории. Поскольку же они удовлетворяются тем, чтобы оставаться техническими вспомогательными представлениями, они не противоречат друг другу и не исключают друг друга. Психологическая теория, которая должна быть чем-то большим, чем только техническое средство, должна базироваться на принципе противоположности; ибо без этого принципа она могла бы реконструировать лишь некоторую невротически несбалансированную психику. Без противоположности не существует ни равновесия, ни саморегулирующейся системы. Психика, однако, есть саморегулирующаяся система...

...оба исследователя рассматривают субъекта в его отношении к объекту, но насколько различно их понимание этого отношения! Адлер делает акцент на субъекте, который охраняет себя и стремится добиться превосходства над объектом, причем безразлично, каком этот объект; Фрейд же, напротив, упирает лишь на

объекты, которые в силу их определенного своеобразия либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению стремления субъекта к удовольствию.

Это различие есть, вероятно, не что иное, как различие темпераментов, противоположность двух типов духовного склада человека, из которых один определяется преимущественно субъектом, а второй — объектом. Промежуточная концепция, скажем концепция «здорового смысла», утверждала бы, что поступки чело века определяются как субъектом, так и объектом. Оба исследователя, пожалуй, возразили бы, что их теория не ставит своей задачей дать психологическое объяснение нормального человека, а является теорией неврозов. Но тогда, вероятно, Фрейду пришлось бы объяснять и лечить некоторых пациентов на манер Адлера, а Адлер должен был бы Пойти на то, чтобы и определенных случаях всерьез принимать во внимание точку зрения своего бывшего учителя, однако ни того, ни другого не происходило...

Разумеется Эрос наличествует всегда и везде, разумеется, инстинкт власти пронизывает все самое высокое и самое низкое в душе, однако душа есть не, только одна или другим или — если угодно — и то и другое вместе, но она есть также То, что она из это го сделала или будет делить.

Обе обсуждавшиеся до сих пор теории имеют, как мы выдели, то общее, что они беспощадно вскрывают все то, что в человеке принадлежит к темной стороне. Эти теории или —лучше сказать —гипотезы, которые объясняют нам, в чем состоит патогенный момент. В соответствии с этим они заняты не ценностями человека, а его отрицательными ценностями, которые, проявляют себя в качестве расстройств.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994. С. 58, 66 73, 100, 76, 80, 82.

Проблема типа установки

...Я много занимался этой проблемой и в конечном счете на основе множества наблюдений и опытов пришел к выводу о наличии двух основных установок или типов установки, а именно интроверсии и экстраверсии. Первый тип установки — в норме — характеризует человека нерешительного, рефлексивного, замкнутого, который нелегко отвлекается от себя, избегает объектов, всегда находятся как бы и обороне и охотно прячется, уходя в недоверчивое наблюдение. Второй тип — в норме — характеризует человека любезного, по видимости открытого и предупредительного, который легко приспособливается К любой данной ситуации, быстро вступает в контакты и часто беззаботно и доверчиво, пренебрегая осторожностью, ввязывается в незнакомые ситуации. В

первом случае определяющую роль явно играет субъект, а ВО втором — объект.

...В эмпирической действительности обе эти установки, — к которым я ниже еще вернусь, — редко наблюдаются в чистом виде. Они всячески варьируются и компенсируются., так что часто бывает нелегко определить тип....

Эти выводы привели к необходимости подняться над противоположностями и создать теорию, Которая отдавала бы должное не просто той либо другой концепции в отдельности, а в равной мере —обеим...

...где нет создаваемого противоположностями напряжения, там нет- энергии; поэтому должна быть найдена противоположная установка сознания...

...существует много высших принципов жизни и мировоззрения и в соответствии с этим —столь же много различных форм компенсирующей противоположности. Выше я выделил два основных, как мне кажется, типа противоположностей, которые обозначил как интровертный и экстравертный типы... Исторические исследования показали мне, что многие великие спорные вопросы, возникавшие в истории духа, имели своей основой противоположности этих двух типов. Самый значительный .случай такого рода —это противоречие между номинализмом и реализмом... Этот спор продолжается и в наши дни, проявляясь как противоположность идеализма и материализма...

Если мы примем во внимание, что ни один человек не является только интровертом или. только экстравертом, а сочетает обе возможные установки, но так, что • лишь одна из них получает у него развитие в качестве функции приспособления, то легко сможем прийти к предположению, что у интроверта где-то на заднем плане в неразвитом состоянии дремлет экстраверсия, тогда как у экстраверта подобное теневое существование ведет интроверсия. Так оно и есть на самом деле. Интроверт имеет экстравертную установку, однако она остается для него бессознательной, потому что его сознание постоянно направлено на субъект. Он, правда, видит объект, но имеет о нем ложные или затормаживающие представления, так что он по возможности держит себя дистанцированно, как если бы объект представлял собою нечто сильное и опасное...

...в тот момент, когда у интроверта объект перевешивает субъект... он погружается в объект... Соответствующим образом и экстраверт перестает принимать во внимание другого в тот момент, когда разочаровывается в своих ожиданиях и уходит в себя, погружаясь в свои субъективные представления.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994. С. 77-79, 90, 91-93, 96.

ЛИЧНОЕ И СВЕРХЛИЧНОЕ, ИЛИ КОЛЛЕКТИВНОЕ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

...В каждом отдельном человеке помимо личных воспоминаний есть великие «изначальные» образы... т.е. унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна. Факт этого наследования объясняет тот по сути дела странный феномен, что известные сказочные мотивы и образы повторяются на всей Земле в одинаковых формах. Он объясняет далее, как, например, наши душевнобольные оказываются в состоянии репродуцировать точно также образы и взаимосвязи, которые - нам известны из старинных текстов... Я тем самым отнюдь не утверждаю, что по наследству передаются представления, по наследству передается лишь возможность представления...

...речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал архетипами (а также «доминантами»).

Это открытие означает дальнейший шаг вперед в развитии нашей концепции, а именно признание наличия двух слоев в бессознательном. Дело в том, что мы должны различать

личное бессознательное и не или сверхличное бессознательное. Последнее мы обозначим как коллективное бессознательное, - именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютновсеобщим, и потому, что его содержания могут быть найдены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личностных содержаниях. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия; т.е. чувственные перцепции, которые были недостаточно сильны для того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует часто встречающемуся в сновидениях образу Тени. (Под Тенью я понимаю «негативную» часть личности, а именно сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного.)

Изначальные образы - это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни частичных душ, что мы легко можем видеть в тех философских или гностических системах, которые имеют своим источником познания восприятие бессознательного. Представления об ангелах, архангелах, «тронах и господах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита и т.д. происходит из восприятия относительной самостоятельности архетипов.

Итак, тем самым мы нашли также тот объект, который избирает либидо, после того как оно оказывается высвобожденным из личностно-инфантильной формы перенесения. Оно, следуя своему уклону, погружается в глубины бессознательного и оживляет там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественные идеи, без которых человек перестает быть человеком...

Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления. В соответствии с этим... кажется, что дело обстоит так, как если бы то, что запечатлевается в бессознательном, было бы исключительно субъективным представлением фантазии... Можно было бы поэтому предположить, что архетипы суть многократно повторяющиеся отпечатки субъективных реакций. Такое допущение... лишь уводит от решения проблемы. Ничто не мешает нам предположить, что некоторые архетипы встречаются уже у животных и что они, следовательно, основываются на специфике живой системы вообще и, таким образом, суть лишь выражение жизни, чей статус уже не поддается дальнейшему объяснению. Как представляется, архетипы -это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же самых опытов. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип являет себя в сновидении, в фантазии или в жизни, он всегда несет в себе некоторое особое «влияние» или силу, благодаря которой воздействие его носит нуминозный, т.е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер.

...понятие бога —совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы, которая вообще не имеет отношения к существованию боги ибо на этот вопрос человеческий интеллект никогда не сможет ответить; еще менее он способен дать какое-либо доказательство бытия бога. Кроме того, такое доказательство излишне; идея сверхмогущественного, божественного существа наличествует повсюду, если не осознанно, то по крайней мере бессознательно, ибо она есть некоторый архетип... Поэтому я считаю более мудрым осознанно признавать идею бога; ибо в противном случае богом просто становится нечто другое, как правило, нечто весьма неудовлетворительное и глупое, что бы там не выдавливалось из себя «просвещенное» сознание. Наш интеллект уже давным-давно знает, что мы не можем правильно мыслить бога, не говоря уже о том, чтобы представить его. Раз и навсегда нужно признать, что

вопрос с) боге — это такой вопрос, на который нельзя ответить. Но «consensus gentium» (согласие народов) извечно говорил о богах и вовеки будет говорить о них. Сколь бы прекрасным и совершенным по праву не считал человек свой разум, он точно также вправе быть уверенным, что разум — это всего лишь одна из возможных функций, соответствующая лишь одной стороне мировых феноменов. Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом. И это иррациональное также есть психологическая функция, именно коллективное бессознательное, тогда как разум по существу связан с сознанием. Сознание должно обладать разумом, чтобы впервые открывать порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных случаев мирового целого, а затем — по крайней мере в пределах человеческих возможностей — также творить этот порядок. Мы имеем похвальное и полезное к тому, чтобы по возможности искоренить в нас иене нас хаос иррационального. В этом процессе мы, по видимости, немало преуспели...

Древний Гераклит, который действительно был великим мудрецом, открыл самый поразительный из всех психологических законов, а именно — регулирующую функцию противоположностей... Так, рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение. Дело в том, что человек не должен идентифицировать себя с самим разумом, ибо человек не только разумен и никогда не будет иным. На это следует обратить внимание всем школьным воспитателям от культуры. иррациональное не должно и не может быть искоренено. Я выше сказал, что в человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное высшей власти... Этим я хотел выразить тот факт, что всегда какой-либо инстинкт или комплекс представлений концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, посредством чего он принуждает «Я» служить ему. Обычно «Я» настолько притягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т.е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким «богом», и наше словоупотребление все еще поступает также. Разве мы не говорим: «Он делает бога из того или из этого»? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, это его интерес уже стал его господином, присвоившим себе власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют «церковь» и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется «организацией». Последняя преследуется дезорганизующей реакцией, стремящейся вышибить клин клином. Энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти не представляет собой, однако, решения проблемы, а столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации.

От жесткого закона энантиодромии ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, то он его вытесняет, — ибо тогда оно просто овладевает им исподволь, — а посредством того, что он делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него.

...Различение «Я» «Ш и «не-Я»» включает в себя то, что человек в своей Я-функции стоит на твердых ногах, т.е. исполняет свой долг по отношению к жизни, так что он во всех аспектах есть жизнеспособный член человеческого общества. Все то, чем он в этом отношении пренебрегает, приходится тогда на долю бессознательного и усиливает позицию последнего, так что он подвергается опасности быть поглощенным бессознательным... Энантиодромия есть разорванность на пары противоположностей, которые подобают богу и, таким образом, также обожествленному человеку, который

богоподобностью обязан преодолению своих богов. Коль скоро мы говорим о коллективном бессознательном, мы находимся в такой сфере и на такой ступени проблемы, которая вначале не принимается во внимание при практическом анализе в применении к молодым людям или тем, кто слишком долго пребывает на инфантильной стадии. Там, где еще предстоит преодолеть образ отца и образ матери, где еще предстоит овладеть некоторой частью внешней жизни, которой естественным образом обладает обычный средний Человек,- там мы предпочитаем не говорить о коллективном бессознательном и о проблеме противоположности. Но в тех случаях, когда перенесения образов родителей и юношеские иллюзии преодолены или по меньшей мере созрели для преодоления, тогда мы должны говорить о проблеме противоположности и о коллективном бессознательном...

Наша жизнь напоминает путь Солнца. Утром Солнце непрерывно набирает силу, до тех пор пока оно наконец не достигает, лучистое и горячее, полуденной высоты. Тогда наступает энантидромия. Его непрерывное движение вперед уже означает не прибавление силы, а убавление. Таким образом, когда мы имеем дело с молодым человеком, наша задача иная, нежели когда перед нами человек стареющий. В первом случае достаточно устранить все препятствия, мешающие развитию к подъему; во втором случае мы должны стимулировать все то, что оказывает поддержку при спуске. По-юношески неопытный человек, возможно думает, что пожилых можно оставить в покое, что с ними уже все равно ничего больше не случается, что жизнь у них позади и они годятся еще лишь на то, чтобы служить окаменелыми опорами прошлого... Вторая, послеполуденная, половина человеческой жизни столь же богата смыслом, как и первая половина; только ее смысл и замысел совсем иные. Человек имеет двоякого рода цели; первая цель - природная, порождение потомства и все дела связанные с заботой о нем, к которым относятся также добыча денег и социальное положение. Если эта цель исчерпана, то начинается другая фаза: культурная цель. В достижении первой цели помогает природа и, кроме того, воспитание; немного или даже совсем ничто не помогает нам в достижении последней цели. Что господствует даже ложное тщеславие, требующее, чтобы старец был подобен юноше или чтобы он по крайней мере действовал подобным образом, хотя внутренне он уже и не может верить в это. Поэтому для столь многих людей переход от природной к культурной фазе оказывается бесконечно тяжелым и горьким; они цепляются за юношеские иллюзии или же за своих детей, чтобы таким образом спасти еще хоть кусочек юности... Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие тяжелые неврозы возникают вначале после полуденного периода жизни... Однако проблемы, встающие в этом возрасте, уже нельзя решить с помощью старых рецептов... То, кто молодежь находила и должна была находить снаружи, человек послеполуденного периода должен найти внутри...

Переход от утра к послеполуденному периоду есть переоценка прежних ценностей. Человек оказывается перед необходимостью понять ценность того, что составляло противоположность его прежних идеалов, убедиться в ошибочности прежних убеждений, признать не-истину, содержащуюся в прежней истине, и почувствовать сколько сопротивления и даже враждебности заключало в себе то, что прежде мы считали любовью. Многие из тех, кто оказался втянутым в конфликты проблемы противоположности, отбрасывают все то, что они раньше считали благим и достойным стремления, и пытаются продолжить в противоположности к их прежнему «Я». Смена профессий, разводы, религиозные обращения, разные виды отступничества являются симптомами этого перемахивания в противоположность. Отрицательный момент радикального перехода в противоположность заключается в том, что прежняя жизнь вытесняется и тем самым порождается столь же несбалансированное состояние, каким было и то прежнее состояние, когда противоположности осознанных добродетелей и ценностей были еще подавленными и бессознательными. Подобно тому как раньше невротические

нарушения происходили, возможно, вследствие бессознательности противоположных фантазий, так и теперь опять-таки возникают нарушения благодаря вытеснению прежних идиологов. В корне неверно, разумеется полагать, что если мы распознаем в некоторых ценностях отрицательную ценность или в некоторой истине не-истину, то в таком случае упраздняется ценность или истина. Они лишь стали относительными. Все человеческое относительно, потому что основывается на внутренней противоположности, ибо все есть энергетический феномен. Энергия же необходимым образом основывается на некоторой предшествующей противоположности, без которой не может быть никакой энергии. Всегда должно быть налицо высокое и низкое, горячее и холодное и т.д., чтобы мог состояться процесс выравнивания, который и представляет собой энергия. Поэтому склонность к тому, чтобы подвергнуть отрицанию все прежние ценности и пользу их противоположности, - это такое же преувеличение, как и прежняя односторонность. Но поскольку речь идет об общепризнанных и несомненных ценностях, которые отныне отвергаются, то происходит фатальная потеря. Кто так поступает, тот вместе со своими ценностями выбросы мает за борт и самого себя, как это уже сказал Ницше.

Но дело не в переходе в противоположность, а в сохранении прежних ценностей вместе с признанием их противоположности. Это означает конфликт и разлад с самим собой. Понятно, что люди боятся это делать, как философски, так и Морально; поэтому - еще чаще, чем в переходе в противоположность,- они пытаются искать выход в судорожном отстаивании прежней позиции. Нельзя не признать, что в этом... явлении все же заключено нечто, что можно рассматривать как немалую заслугу, они по крайней мере не становятся ренегатами, продолжают стоять прямо и не впадают в неопределенность и ничтожество; они не становятся банкротами, остаются лишь отмирающими деревьями, «свидетелями прошлого»; если выражаться более мягко. Однако сопутствующие симптомы - косность, окаменение, ограниченность, нежелание «ревнителей старины» идти в ногу со временем - безрадостны, даже вредоносны; ибо тот способ, каким они отстаивают некоторую истину или какую-либо ценность, является настолько косным и насильственным, что подобный дурной образ действия отталкивает сильнее, чем притягивает защищаемая ценность,- благодаря чему достигается как раз нечто противоположное доброму намерению. То, что заставляет их впасть в косность, - это, в сущности, страх перед проблемой противоположности... поэтому право на существование имеет только одна истина и только один руководящий принцип действия, который должен быть абсолютным; в противном случае он не обеспечивает защиты против грозящего падения, которое люди предчувствуют повсюду, но только не в себе самих. Мы имеем в нас же самих опаснейшего революционера, и именно это должен знать тот, кто хочет здоровым перейти во вторую половину жизни. Тем самым мы, правда, взамен кажущейся уверенности, которой мы наслаждались до сих пор, получаем состояние неуверенности, разлада, противоречивых убеждений. В этом состоянии плохо то, что по видимости из него нет выхода...

Практические нужды лечения, больных побудили нас поэтому к поиску средств и путей, которые могли бы вывести человека из этого невыносимого состояния. Когда человек оказывается перед кажущимся неопределенным препятствием, то он отступает назад: он осуществляет; если использовать техническое выражение, регрессию. Он обращается к тем временам, когда находился и подобных ситуациях, с тем, чтобы снова попытаться применить те средства, которые помогли ему тогда. Но то, что помогло в юности, в старости оказывается бесполезным... регрессия продолжается и доходит до детства... и, наконец, до периода, предшествующего детству.

...бессознательное содержит как бы два слоя, а именно - личностный и коллективный.

Личностный слой оканчивается самыми ранними воспоминаниями; коллективное бессознательное, напротив, охватывает период, предшествующий детству,

что осталось от жизни предком. В то время как образы воспоминаний личного бессознательного являются как бы заполненными, ибо пережитыми, образами, архетипы коллективного бессознательного представляют собой формы незаполненные, ибо они не пережиты индивидуумом лично. Если же регрессия психической энергии, выводя за пределы даже раннего детства, выходит на наследие жизни предков, тогда пробуждаются мифологические образы: архетипы. Открывается некоторый духовный мир, о котором мы прежде всего ничего не подозревали, и выявляются содержания, находящиеся, возможно, в самом резком контрасте с нашими прежними представлениями. Эти образы обладают такой интенсивностью, что кажется вполне понятным, почему миллионы образованных людей впадают в теософию и антропософию. Это происходит просто потому, что эти современные гностические системы идут навстречу потребности в выражении этих внутренних, безмолвных событий в большей мере, нежели какая-либо из существующих форм христианской религии, не исключая в полной мере и католицизм. Последний способен, правда, в гораздо большей мере, чем протестантизм, выражать посредством догматических и культовых символов те факты, о которых у нас идет речь. Однако и он не достигал в прошлом и не достигает ныне полноты прежнего языческого символизма, почему последний долго сохранялся и в столетия христианства, а затем постепенно перешел в известные подводные течения, которые от раннего средневековья до Нового времени никогда полностью не утрачивали своей силы. Они хотя и исчезали с поверхности, уходя далеко вглубь, однако, меняя свою форму, возвращались и возвращаются снова, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания. Наше сознание настолько проникнуто христианством... что бессознательная противоположная позиция не может быть принята в нем, и притом просто потому, что она слишком противоречит основным господствующим воззрениям. Чем более односторонне, косно и безусловно удерживается одна позиция, тем более агрессивной враждебной и непримиримой будет другая, так что вначале их примирение имеет мало шансов на успех. Но если сознание пускает по крайней мере относительную значимость всех человеческих мнений, тогда и противоположность ищет для себя подходящее выражение, например, в восточных религиях: буддизме, индуизме и даосизме. Синкретизм (смешение и комбинирование) теософии в значительной мере идет навстречу этой потребности, и этим объясняется ее широкий успех.

Благодаря деятельности, связанной с аналитическим лечением, возникают переживания архетипической природы, требующие своего выражения и оформления. Разумеется, это не единственная возможность для осуществления такого рода опыта; архетипические переживания нередко возникают спонтанно, и притом отнюдь не только у так называемых «психологических» людей. Нередко о самых удивительных снах и видениях мне доводилось слышать от людей, в душевном здоровье которых не мог сомневаться даже специалист. Переживание архетипа люди часто оберегают как самую интимную тайну, так как чувствуют, что оно задевает сокровенные глубины их существа. Это — своего рода праопыт душевного «не-Я», некоторого внутреннего оппонента, вызывающего на спор. Понятно, что в таких случаях прибегают к помощи параллелей, причем легко случается так, что первоначальное событие перетолковывается в духе заимствованных представлений... Посредством таких перетолкований подлинное переживание замещается почерпнутыми из чужого источника образами и словами, а также воззрениями, идеями и формами, которые, как это бывает, выросли не на нашей

почве и связаны главным образом не с нашим сердцем, а лишь с нашей головой, которая даже не может их отчетливо помыслить, так как не смогла бы их изобрести. Это, так сказать краденое добро, которое не идет впрок. Суррогат делает людей нереальными и превращает их в тени; они ставят пустые слова на место живой действительности и тем самым уклоняются от переживания противоположностей и устремляются в некий бледный, двухмерный призрачный мир, где все живое и творческое увядает и отмирает.

Безмолвные события, вызываемые регрессией в стадию, предшествующую детству, требуют не замещения, а индивидуального оформления в жизни и деятельности отдельного человека. Эти образы возникли из жизни, страданий и радостей предков и снова стремятся вернуться в жизнь и как переживание и как деяние. Однако в силу своей противоположности сознанию они не могут непосредственно переводиться в наш мир, а должен быть найдён опосредованный путь, который соединяет сознательную и бессознательную реальности.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного Юнг К.Г. Психология бессознательного. М. 1994. С. 104-106, 110 112-122.

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

...мы причастны к миру богов и чертей, святых и грешников. Но было бы бессмысленно стремиться приписывать себе лично эти заключенные в бессознательном возможности. Поэтому, безусловно, необходимо проводить как можно более четкое разделение между тем, что можно приписать личности, и сверхличным. Тем самым, разумеется, ни в коем случае не следует отрицать порой весьма действенное существование содержаний коллективного бессознательного но они как содержания коллективной психики противопоставлены индивидуальной психике и отличаются от нее. У наивных людей, естественно, вещи никогда не отделялись от индивидуального сознания, потому что ведь эти боги, демоны и т.д. понимались не как душевные проекции и тем самым как содержания бессознательного, но как сами собой, разумеющиеся реальности. Лишь в эпоху Просвещения обнаружили, что боги все же не существуют в действительности, а являются проекциями. Тем самым с ними и было покончено. Однако отнюдь не было покончено с соответствующей им психической функцией, напротив, она ушла в сферу бессознательного, из-за чего люди сами оказались отравленными избытком либидо, который прежде находил себе применение в культе идолов. Обесценивание и вытеснение такой сильной функции, как религиозная, имело, естественно, значительные последствия для психологии отдельного человека. Дело в том, что обратный приток этого либидо чрезвычайно усиливает бессознательное и оно начинает оказывать на сознание мощное влияние своими архаическими коллективными содержаниями. Период Просвещения, как известно, завершился ужасами французской революции. И сейчас мы тоже переживаем снова это возмущение бессознательных деструктивных сил коллективной психики. Результатом было невиданное прежде массовое убийство. Это именно то, к чему стремилось бессознательное. Перед этим — его позиция была безмерно усилена рационализмом современной жизни, который обесценивал все иррациональное и тем самым погружал функцию иррационального в бессознательное. Но если уж эта функция находится в бессознательном, то ее исходящее из бессознательного действие становится опустошающим и неуправляемым, подобным неизлечимой болезни, очаг которой не может быть уничтожен, так как он невидим. Ибо тогда индивидуум, как и народ, необходимо вынужден жить иррациональным и применять свой высший идеализм и самое

изошренное остроумие еще лишь для того; чтобы как можно более совершенно оформить безумие иррационального...

Единственная возможность состоит в том, чтобы признать иррациональное в качестве необходимой — потому что она Всегда наличествует — психической функции и ее содержание принять не за конкретные (это было бы шагом назад!), а за психические реальности, — реальности, поскольку они суть вещи действенные, т.е. действительности. Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, а priori есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты. Это господствующие силы, боги, т.е. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т.е. их основные черты, выделенные в процессе накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам. Поэтому возможно перенесение архетипических образов непосредственно как понятия созерцания на физические события: например, эфир, древнейшая материя дыхания и души, которая, так сказать, представлена в воззрениях всех народов мира; затем энергия, магическая сила — представление, которое также имеет всеобщее распространение.

В силу своего родства с физическими явлениями архетипы нередко выступают в спроецированном виде; причем проекции, когда они бессознательны, проявляются у лиц, принадлежащих к той или иной среде, как правило, как ненормальные пере- или недооценки, как возбудители недоразумений, споров, грез и безумия всякого рода. Поэтому говоря «из него делают бога», или «Имярек производит на X дьявольское впечатление». Из этого возникают также современные мифологические образования, т.е. фантастические слухи, подозрения и предрассудки. Архетипы являются поэтому в высшей степени важными вещами, оказывающими значительное воздействие, и к ним надо относиться со всей внимательностью. Их не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения. Так как они чаще всего выступают в качестве проекций итак как последние закрепляются лишь там, где есть для этого повод, то они отнюдь не легко поддаются оценке и обсуждению. Поэтому если некто проецирует на своего ближнего образ дьявола, то это получается потому, что этот человек имеет в себе нечто такое, что делает возможным закрепление этого образа. Тем самым мы вовсе не сказали, что этот человек поэтому сам есть какой-то дьявол; напротив, он может быть замечательным человеком, который, однако, находится в отношении несовместимости с проецирующим, и поэтому между ними имеет место некоторый «дьявольский» (т.е. разделяющий) эффект. Также и проецирующий вовсе не должен быть «дьяволом», хотя ему следует признать, что он точно так же имеет в себе нечто «дьявольское» и, проецируя его, еще больше оказывается в его власти. Однако сам он поэтому отнюдь еще не является «дьявольским», а может быть столь же достойным человеком, как и другой. Появление в данном случае образа дьявола означает: эти два человека несовместимы друг с другом (сейчас и на ближайшее будущее), почему бессознательное и отталкивает их друг от друга и мучительным образом держит их на дистанции друг от друга. Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека.

Другой архетип, с которым мы почти регулярно сталкиваемся в проекциях коллективно-

бессознательных содержаний, - это «колдовской демон», производящий по большей части жуткое впечатление...

Образ этого демона относится, пожалуй, к одной из самых низких и самых древних ступеней в развитии понятия бога. Это - тип первобытного племенного колдуна или врачевателя, личности особо одаренной, несущей в себе магическую силу. Эта фигура, если она представляет некоторый негативный и, возможно, опасный аспект, часто выступает как темнокожая и относящаяся к монголоидному типу. Порой ее можно лишь с большим трудом или почти нельзя отличить от Тени; но чем больше преобладает магическая черта, тем скорее она может быть отделена от Тени, что немаловажно постольку, поскольку она может иметь также и позитивный аспект мудрого старого человека.

Познание архетипов является значительным шагом вперед. Магическое или демоническое действие, оказываемое ближним, исчезает благодаря тому, что тревожное чувство сводится к некоторой определенной величине коллективного бессознательного.

Но зато теперь перед нами встает новая задача, а именно - вопрос, каким образом «Я» должно размежеваться с этим психологическим «не-Я». Можно ли довольствоваться констатацией действительного существования архетипов, а в остальном предоставить дело самому себе?

Тем самым было бы создано перманентно диссоциированное состояние, а именно - раскол между индивидуальной и коллективной психикой. Мы имели бы тогда, с одной стороны, дифференцированное и современное «Я», а с другой стороны, - напротив, нечто вроде негритянской культуры, иными словами - некоторое первобытное состояние. Тогда то, что мы действительно сегодня имеем перед собой (а именно кора цивилизации, покрывающая некую темнокожую бестию), предстало бы перед нашим взором в ясно разделенном виде. Такая диссоциация требует, однако, немедленного синтеза и развития того, что неразвито должно произойти объединение этих обеих частей; ибо в противном случае не приходится сомневаться, каким должно было быть решение: первобытное начало снова неизбежным образом было бы подавлено. Но это возможно лишь там, где существует еще значимая и потому живая религия, которая с помощью богато развитой символики дает достаточное выражение первобытному человеку; т.е. эта религия в своих догматах и ритуалах должна владеть представлением и действием, восходящим к наидревнейшему. Так обстоит дело в католицизме, и это составляет его особое преимущество, так же как и его величайшую опасность...

Но то, чего мы смогли добиться, это отделение мифологически, коллективно-бессознательных содержаний от объектов сознания и их консолидация как психических реальностей вне индивидуальной психики. Посредством акта познания мы полагаем действительность архетипов; т.е. точнее говоря, мы на основе познания постулируем психическое существование таких содержаний. Следует со всей определенностью констатировать, что речь при этом идет не просто о содержании познания, но о трансубъективных, обладающих значительной автономностью психических системах, которые, следовательно, лишь весьма условно подчинены контролю сознания и, вероятно, даже большей частью ускользают от этого контроля.

...содержания коллективного бессознательного представляют собой не только остатки архаических, специфически человеческих способов функционирования, но и остатки функций ряда животных предков человека, продолжительность существования которых была бесконечно более длительной по сравнению с относительно короткой эпохой специфически человеческого существования. Такие остатки, или - энграммы, если они активны, более всего способны не только затормозить процесс развития, но и обратить его в регресс, что может продолжаться до тех пор, пока не будет израсходована масса энергии, активизировавшая коллективное бессознательное. Энергия, однако, лишь тогда снова становится полезной, когда она путем сознательного противопоставления коллективному бессознательному также может

включаться в расчет. Религии через культовое общение с богами самым конкретным образом установили этот энергетический круговорот. Такой способ, однако, находится для нас в слишком уж сильном противоречии с интеллектом и его познавательной моралью, и к тому же исторически он слишком основательно преодолен христианством, чтобы мы могли считать для себя образцовым или хотя бы даже возможным такое решение проблемы. Если же мы, напротив, понимаем фигуры бессознательного как коллективно-психические феномены или функции, то такое допущение никоим образом не противоречит интеллектуальной совести. Такое решение приемлемо с рациональной точки зрения. Мы тем самым получили также возможность разобраться с активизированными остатками нашей родовой истории. Это разбирательство делает возможным переход прежней границы, и я поэтому называю его трансцендентной функцией, что равнозначно прогрессивному развитию к некоторой новой установке...

Архетип, разумеется, всегда и везде находится в действии... В период жизненного поворота необходимо уделять образам коллективного бессознательного особое внимание, ибо здесь они представляют собой источник, из которого можно черпать указания к разрешению проблемы противоположности. Из сознательной обработки этих данных получается трансцендентная функция как формирование восприятия, опосредованного архетипами и объединяющего противоположности. Под «восприятием» я имею в виду не просто интеллектуальное понимание, а понимание через переживание. Архетип, как уже было сказано, есть динамический образ, часть объективной психики, которую понимают правильно лишь тогда, когда переживают ее в качестве равного партнера.

Общее описание этого процесса, который протекает длительное время, лишено смысла — даже если бы такое описание было возможным, — поскольку у отдельных индивидуумов он может принимать самые различные формы. Единственное, что является общим, — это проявление определенных архетипов. Упомянув, частности, такие образы, как Тень, зверь, старый мудрец, анима, анимус, мать, ребенок, а также неопределенное множество архетипов, выражающих ситуации. Особое место занимают те архетипы, которые выражают цель или цели процесса развития...

Трансцендентная функция действует не бесцельно, а ведет к откровению сущностного ядра человека. При первом рассмотрении она есть чисто природный процесс, который при определенных обстоятельствах протекает без ведома содействия индивидуума и может даже насильственно реализовывать себя вопреки его противодействию. Смысл и цель данного процесса — осуществление (первоначально заложенной в эмбрионе) личности во всех ее аспектах. Это — восстановление и развертывание изначальной, потенциальной целостности. Символы, которые для этого применяет бессознательное, — не что иное, как образы, которые издавна употребляло человечество для выражения целостности, полноты и совершенства... Этот процесс я называю процессом индивидуации...

Мартин Хайдеггер **(1889–1976)**

(ЯЗЫК — ДОМ БЫТИЯ)

Мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия... Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до его существа, вывести к этой полноте, *producere* — про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже

есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие. Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты — хранители этого жилища их стража — осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит. Эта деятельность, пожалуй, самое простое и вместе высшее, потому что она касается отношения бытия к человеку. Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее. Мысль, напротив, допускает бытию захватить себя, чтобы с-казать истину бытия. Мысль осуществляет это допущение.

Строгость мысли в ее отличии от наук заключается не просто в искусственной, т.е. техника-теоретической, точности ее понятий. Она заключается в том, чтобы слово не покидало стихии бытия и давало простор простоте его разнообразных измерений...

Мысль приходит к концу, когда уклоняется от своей стихии. Ее стихия то, благодаря чему мысль может быть мыслью. Ее стихия — это в собственном смысле могущее: сама возможность. Она захватывает мысль и возвращает ее таким образом ее существу. Мысль, если сказать просто, есть мышление бытия. У родительного падежа здесь двойной смысл. Мысль есть мышление бытия, поскольку, сбываясь благодаря бытию, она принадлежит бытию. Она — мышление бытия одновременно и потому, что, послушная бытию, прислушивается к нему. Мысль есть то, что она есть в согласии со своей, сутью, в качестве слышаще-послушной бытию. Мысль есть — это значит: бытие в своей истории изначально привязано к ее существу. Привязаться к какой-либо «вещи» или «личности» в ее существе значит: любить ее, быть расположенным к ней. Это расположение бытия, если его продумать глубже, означает: дарение сущности. Расположение бытия — собственное существо возможности, могущее не только производить то или это, но и о-существлять что-либо в его изначальности, т.е. дарить бытие. «возможность», таящаяся в расположении бытия, есть то, «в силу» чего вещь, собственно, только и способна быть. Эта способность есть в собственном смысле «возможное» — то, суть чего покоится в расположении могущего. Своим расположением бытие располагает к мысли. Оно делает ее возможной. Бытие как могуще-рас-положенное есть сама «воз-можность». Бытие как стихия есть «тихая сила» могущей расположенности, т.е. Возможного...

Но когда истина бытия становится для мысли достойной, то и осмысление существа языка неизбежно приобретает другой статус. Оно уже не может больше быть простой философией языка. Только поэтому «Бытие и время»...: содержит указание на сущностное измерение языка и затрагивает простой вопрос, каким способом бытия язык существует как он есть, в качестве языка. Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех применениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа. Простая отточенность языка еще вовсе не свидетельство того, что такое разрушение нем уже не грозит. Сегодня она, пожалуй, говорит скорее о том, что мы еще не видим опасность и не в состоянии ее увидеть, потому что еще не встали к ней лицом. Упадок языка, о котором и последнее время так много и порядком уже запоздало говорят, есть при всем том не причина, а уже следствие того, что язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неостановимо выпадает из своей стихии. Язык все еще не выдает нам своей сути: того, что он дом истины Бытия. Язык, наоборот, поддается нашей голой воле и активизму и служит орудием нашего господства над сущим. Последнее предстает нам как действительное внутри причинно-следственной цепи. На сущее как действительное мы реагируем расчетливо-деятельно; но также и научно, и философски, вооруженные объяснениями и обоснованиями. К объяснениям относится и вывод, что нечто не поддается объяснению. Высказав подобное, мы воображаем, что стоим перед

тайной. Как если бы уже было раз навсегда решено, что истина бытия и принципе держится на причинах и объяснительных основаниях или, что то же, на невозможности их отыскать.

Чтобы человек мог, однако, снова оказаться вблизи бытия, он должен сперва научиться существовать на безымянном просторе. Он должен одинаково ясно увидеть и соблазн публичности, и немощь приватности. Человек должен, прежде чем говорить, снопа открыться для требования бытия с риском того, что ему мало или редко что удастся говорить и ответ на это требование. Только так слову снова будет подарена драгоценность его существа, а человеку — кров для обитания в истине бытия....

Метафизика отгораживается от того простого и существенного обстоятельства, что человек принадлежит своему существу лишь постольку, поскольку слышит требование Бытия. Только от этого требования у него «есть», им найдено то, в чем обитает его существо. Только благодаря этому обитанию у него «есть» его «язык» как крон, хранящий присущую ему эк-статичность. Стояние в просвете бытия я вазы вою эк-зистенцией человека. Только человеку присущ этот род бытия. Так понятая эк-зистенция — не просто основание возможности разума, *ratio*; эк-зистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения.

Эк-зистенции может быть присуща только человеческому существу, т.е. только человеческому способу «бытия»; ибо одному только человеку, насколько мы знаем, доступна судьба эк-зистенции. Потому и экзистенции никогда и нельзя мыслить некий специфический род среды других родов живых существ, если, конечно, человеку надо все-таки задумываться о сути своего бытия, а не просто громоздить естественнонаучную и историографическую информацию о своих свойствах и своих интригах. Так что даже *animaitas*, которую мы приписываем человеку на почве сравнения его с «животным», сама коренится в существе экзистенции. Тело человека есть нечто принципиально другое, чем животный организм. Заблуждение биологизма вовсе еще не преодолевается тем, что люди надстраивают над телесностью человека душу, над душой дух, а над духом экзистенциальность и громче прежнего проповедуют великую ценность духа, чтобы потом, однако, все снопа утопить в жизненном переживании, с. предостерегающим утверждением, что мысль-де разрушает своими одеревенелыми понятиями жизненный поток, а осмысление бытия искажает экзистенцию. Если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естественнонаучном плане как организм, то это еще вовсе не доказательство того, что в такой «органике», т.е. в научно объясненном теле, покоится существо человека. Это ничуть не удачнее мнения, будто в атомной энергии заключена суть природных явлений. Может, наоборот, оказаться, что природа как раз утаивает свое существо в той своей стороне, которой она повертывается к технически овладевающему ею человеку. Насколько существо человека не сводится к животной органике, настолько же невозможно устранить или как-то компенсировать недостаточности этого определения человеческого существа, наделяя человека бессмертной душой, или разумностью, или личностными чертами. Каждый раз это существо оказывается обойденным, и именно по причине того же самого метафизического проекта... человек существует таким образом, что он есть «вот» Бытия, т.е. его просвет. Это — и только это — «бытие» светлого «вот» отмечено основополагающей чертой экзистенции, т.е. экстатического выступлении в истину бытия...

Поскольку растение и животное, хотя всегда и очерчены своей окружающей средой, однако никогда не выступают свободно в просвет бытия, а только он есть «мир», постольку у них нет языка; а не так, что они безмирно привязаны к окружающей среде из-за отсутствия у них языка. В этом понятии «окружающей среды» сосредоточена вся загадочность живого существа. Язык в своей сути не выражение организма, не есть он и выражение живого существа. Поэтому его никогда и не удастся сущностно осмыслить ни из его знаковости, ни, пожалуй, даже из его семантики. Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия...

Эк-зистенция именуется определяющее место человека в истории истины. Existentia остается термином, означающим действительное существование того, чем нечто является по своей идее. Фраза «человек эк-зистирует» отвечает не на вопрос, существует ли человек в действительности или нет, она отвечает на вопрос о «существовании» человека...

...В качестве эк-зистирующего человек несет на себе бытие-вот, поскольку делает «вот» как просвет Бытия своей «заботой». А бытие-вот существует как «брошенное». Оно коренится в броске Бытия как посылающе-исторического...

Человек, скорее; самым бытием сброшен» в истину бытия, чтобы, эк-зистируя таким образом, беречь истину бытия, чтобы в свете бытия сущее явилось как сущее, каково оно есть. Явится ли оно и как явится, войдут ли в просвет бытия, будут ли присутствовать или отсутствовать Бог и боги, история и природа и как именно присутствовать, решает не человек. Явление сущего покоится в историческом событии бытия. Для человека, однако, остается вопрос, сбудется ли он, осуществится ли его существование так, чтобы отвечать этому со-бытию; ибо соразмерно последнему он призван как эк-зистирующий хранить истину бытия. Человек — пастух бытия...

Как же относится, если только мы вообще имеем право так прямо ставить вопрос, бытие к эк-зистенции? Бытие само, есть от-ношение, поскольку оно сосредоточивает на себе и тем относит эк-зистенцию в ее экзистенциальном, т.е. экстатическом существе к себе как к местности, где эк-зистенция ищет бытийную истину посреди сущего. Поскольку, эк-зистируя в этом отношении, В качестве какового посылает себя само бытие, человек поднимается на ноги, экстатически вынося его на себе, т.е. принимая его с заботой, он не распознает ближайшее и держится того, что следует за ближайшим. Он даже думает, что это следующее вещь ближайшее. Но ближе, чем все ближайшее, и вместе дальше для обыденной мысли, чем ее самые далекие дали, пролегает самая близкая близость: истина Бытия...

Как простое, Бытие остается таинственным: прямая близость ненавязчивой силы. Близость эта существует как сам Язык. Только этот Язык — не просто язык, который мы себе представляем, и то еще в хорошем случае, как единство фонетического (письменного) образа, мелодии, ритма и значения (смысла). Мы видим в звуковом и письменном образе тело слова, в мелодии и ритме — душу, в семантике — дух языка. Мы обычно осмысливаем язык из его соответствия сущности человека, представляемой как animal rationale, т.е. как единство тела-души-духа. Но как в humanitas «животного человека» (homo animalis) эк-зистенция и тем самым отношение истины бытия к человеку остаются за занавесом, так и метафизическое телесно-духовное истолкование языка скрывает Язык в его бытийно-историческом существе. Сообразно этому последнему язык есть о-существляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия. Предстоит еще поэтому осмыслить существование языка из соответствия бытию, а именно как это соответствие, Т.е. как жилище человеческого существа.

Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором человек эк-зистирует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей...

Существование человека состоит, однако, в том, что он больше чем просто человек, если представлять последнего как разумное живое существо. «Больше» здесь нельзя понимать суммарно, как если бы традиционная дефиниция человека должна была вообще-то оставаться его базовым определением, только нужно было потом расширить ее добавкой «экзистенциальности». Это «больше» значит тут: изначально потому принципиально сущностнее. Но тут обнаруживается загадочное: человек экзистирует в брошенности. Это значит: В качестве эк-зистирующего броска в ответ на вызов бытия человек настолько же больше, чем animal rationale, насколько он, наоборот, меньше по отношению к человеку, понимающему себя из субъективности. Человек не господин сущего. Человек пастух бытия. В этом «меньше» человек ни с чем не расстается, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую бедность пастуха, чье

достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины. этот призыв приходит как тот бросок, из которого происходит брошенность бытия-вот. Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи эк-зистенцией заключается в обитании вблизи бытия. Человек — сосед бытия...

Но «мир» в рубрике «бытие-в-мире» вовсе не означает земное сущее в отличие от небесного, не сводится он и к «мирскому» в отличие от «духовного». «Мир» означает в этой формуле вообще не сущее и не какую-то область сущего, но открытость бытия. Человек есть и он есть человек, поскольку он эк-зистирует. Он выступает в открытость бытия, какую является само бытие, которое в качестве броска бросило сущего человека в «заботу». Брошенный таким образом человек стоит «в» открытости бытия. «Мир» есть просвет бытия, в который человек вступает своим брошенным существом. «Бытие-в-мире» — название сути экзистенции как того высветленного измерения, благодаря которому имеет место «эк-статичность» экзистенции. Осмысленный через эк-зистенцию «Мир» есть известным образом как раз «потустороннее» внутри экзистенции и для нее. По сию сторону мира никогда Нет никакого заранее готового человека в качестве «субъекта», все равно, понимать ли этот субъект в виде «я» или в виде «мы». Нет никогда человека и как субъекта, который всегда был бы отнесен к объектам так, чтобы его существо заключалось в субъект-объектном отношении. Скорее, человек сначала и заранее в своем существе эк-зистирует, выступает в просвет бытия, чья открытость впервые только и освещает собою то «между», внутри которого «отношение» субъекта к объекту может «существовать»...

Лишь поскольку человек, эк-зистируя в истине бытия, послушен ему, только и могут от самого Бытия прийти знамения тех предназначений, которые должны стать законом и правилом для людей. Предназначить по-гречески *vēgetv. ΝομοS* не просто закон, но в более изначальной глубине предназначение, таящееся в миссии бытия. Только это предназначение способно привязать человека к бытию. Только такая связь способна поддерживать и обязывать иначе всякий закон остается просто поделкой человеческого разума. Существеннее всякого устанавливания правил, чтобы человек нашелся В истине бытия как своем местопребывании. Лишь пребыванием в этой местности дается опыт надежной уместности поведения. Уместность всякому поведению дарит истина бытия. Наш язык называет надежное место пребывания «кровом». Бытие есть кров, который укрывает человека, его экзистирующее существо в своей истине, делая домом экзистенции язык. Оттого язык есть вместе дом бытия жилище человеческого существа. Только потому, что язык жилище человеческого существа, исторические коллективы и люди могут оказываться в своем языке не у себя ,дома, так что он становится им прикрытием для их махинаций.

Так в каком же отношении к теоретическому и практическому поведению стоит бытийная мысль? Она переходит за всякое теоретическое рассмотрение, потому что заботится о свете, в котором только и может иметь место и разворачиваться теоретическое видение., эта мысль внимает просвету бытия, вкладывая свой рассказ о бытии в язык как жилище экзистенции. Таким образом, мысль есть действие. Но действие, которое одновременно переходит за всякую практику. Мысль прорывается сквозь действие и производство не благодаря величию каких-то своих результатов и не благодаря последствиям какого-то своего влияния, а благодаря малости своего без-результатного осуществления.

В самом деле, мысль лишь дает в своей речи слово невыговоренному смыслу бытия.

Употребленный здесь оборот «дает слово» надо взять теперь совершенно буквально. Бытие, высветляясь, просит слова. Оно всегда говорит за себя давая о себе знать, оно в свою очередь позволяет сказать-ся экзистирующей мысли, дающей ему слово. Слово тем самым выступает в просвет бытия. Только так язык впервые начинает быть своим таинственным и, однако, всегда нами правящим способом. Поскольку тем самым в полноте возвращенный своему существу язык историчен, бытие сберегается в памяти. Эк-

зистенция мысляще обитает в доме бытия. И все это происходит так, как если бы из мыслящего слова ничего не выходило...

Первый закон мысли есть уместность речи о бытии как о событии истины, не правила логики, которые только и могут стать правилами, когда идут от закона бытия. Внимание к уместности мыслящей речи однако, включает в себя не только то, чтобы мы каждый раз обдумывали, - что сказать о бытии и как это сказать. Так же существенно подумать, следует ли сказать продумываемое, в какой мере сказать, в какой момент бытийной истории, в каком диалоге с ней и по какому требованию...

Будущая мысль уже не философия, потому что она мыслит ближе к истокам, чем метафизика, чье имя означает то же самое. Будущая мысль вместе с тем не сможет уже, как требовал Гегель, отбросить название «любви к мудрости» и стать самой мудростью в образе абсолютного знания: Мысль нисходит к нищете своего предваряющего существа. Мысль собирает язык в простое сказывание. Язык есть язык бытия, как облака - облака в небе. Мысль прокладывает своим сказом неприметные борозды в языке. Они еще неприметнее, чем борозды, которые медленным шагом проводит по полю крестьянин.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Мартин Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993. С. 192-195, 198-200, 208, 212-213, 218-220.

Карл Ясперс (1883–1969)

(ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ -
ЭТО ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРАЯ ВНОВЬ
ВЫХОДИТ ЗА ПРЕДЕЛ[ЧЕЛОВЕКА])

Утративший безопасность человек сообщает облик эпохе, будь то в протесте своенравия, в отчаянии нигилизма, в беспомощности многих, не нашедших выхода, или в блужданиях и поисках, оказывающихся от конечной опоры и гармонизирующих соблазнов. Бога нет -таков все растущий возглас масс; тем самым и человек теряет свою ценность, людей уничтожают в любом количестве, поскольку человек -ничто.

Аспект нашего мира и вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности, *не допускает большие бытия в умиротворенной связи с существующим*. Нарисованная нами картина может обескуражить; все воспринимается пессимистически, люди отказываются вообще что-либо делать или же сохраняют, несмотря на это, оптимистическое сознание собственной радости существования, взирая на субстанциальное, которое встречается еще и сегодня. Однако то и другое слишком просто: Они уклоняются от ситуации.

В самом деле требование ситуации к человеку кажется таковым, что удовлетворить его может только существо; превосходящее человека. Невыполнимость требований может соблазнить попыткой обойти его, считаться только с настоящим и поставить границы своим мыслям. Тому, кто считает, что все в порядке, и доверяет ходу события как таковым, мужество не нужно. Он вступает в ход вещей, который и без его содействия ведет к благу. Его показное мужество не более чем уверенность в том, что человек не движется к бездне, где его ждет гибель. Действительным мужеством обладает тот, кто в испытываемом страхе перед достижением возможного знает: достичь возможного может лишь тот, кто хочет невозможного. Только опыт,

свидетельствующий о невыполнимости попыток выполнения, может осуществить то, что человеку задано сделать.

Сегодня человек не формируется, усваивая то, что идет ему навстречу из традиции его мира. Отдаваясь только этому, он становится рассеян. Человек зависит от себя как единичного в новом смысле: он должен *сам помочь себе*, если уж он не свободен посредством усвоения всепроникающей субстанции, а свободен в пустоте ничто. Если трансценденция скрывается, человек может прийти к ней лишь посредством самого себя.

В наше время необходимость помочь самому себе приводит философствующего к необходимости понять, *как мыслится бытие человека. Препятствия противоречия мировоззрений* — индивидуализма и социализма, либерального и консервативного, революционного и реакционного, прогрессивного и регрессивного, материалистического и идеалистического — больше непригодны, хотя они и используются повсюду как знамя или брань. Столкновение мировоззрений — будто их множество, из которых надлежит сделать выбор, — больше не является методом достижения истины для себя. Распространение на все возможное видения и участия привело сегодня к необходимости, в которой существует лишь один *непреложный выбор*: либо ничто, либо абсолютная историчность собственной основы, которой доступна каждая возможность при сознании обязательной границы.

Однако *вопрос о бытии человека*, который должен вывести из догматической объективности фиксированных альтернативных мировоззрений, в качестве такового *отнюдь не однозначен*.

Человек всегда *больше того, что он знает о себе*. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действии решает, что он есть.

Существование человека — не круговорот, просто повторяющийся в поколениях, и не ясное, открывающееся себе существование. Человек *прорывается* через пассивность постоянно вновь возникающих тождественных кругов, и от его активности зависит продолжение *движения к незнакомой цели*.

Поэтому человек *расщеплен* в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях.

Каждый раз смысл становится иным. Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом — что он все время должен противопоставлять себя себе. Нет человеческого бытия без расщепления. Но он не может на этом остановиться. То, как он себя *преодолеывает*, составляет способ его проникновения в себя.

Существуют две возможности, которые здесь надлежит характеризовать:

Человек превращает себя *в предмет познания*. То, что он познает в опыте как свое существование, и то, что лежит в его основе, он считает своим подлинным бытием. То, что он есть в явлении, есть его сознание; то, что есть сознание, есть посредством социальных условий, посредством бессознательного, посредством жизненного вида. Это другое для него бытие, сущность которого отражается в его явлении как сознание.

Смысл такого сознания в том, чтобы *снять напряжение* посредством отождествления бытия с сознанием. Представление о существовании как завершеном в состоянии отсутствия напряжения невольно представляется этому познанию достижимым: социальный порядок, в котором всем дано их право; душа неосознанности, которой сопутствует сознание, свободное от помех, если в нем устранены все комплексы; жизненность расы, которая после очищения посредством естественного

отбора может считать себя здоровой и благородной, чтобы, сознавая свое превосходство, удовлетворенно завершаться в качестве существования. В этих условиях, которые в двойственном смысле именуется естественными, в качестве необходимым образом возникающих и в качестве истинных, больше нет безусловности временного существования: ибо безусловность возникает лишь в напряжении, в котором самобытие насильственно схватывает самого себя. Более того, подобное знание о естественном бытии человека обращается против самобытия как чего-то экстравагантного, болезненного, исключаяющего себя, потерянного.

Однако именно этим путем идет *вторая* возможность. Она *находит себя* в напряжении *пограничных ситуаций*, совершенно неустрашимых в существовании, которые становятся для нее открытыми *в решительности самобытия*. Если человек не познается более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя и состояние *неустойчивости абсолютной возможности*. В ней он слышит *призыв* к своей свободе, исходя из которой он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть. В качестве свободы он *заклинает* бытие как его скрытую трансцендентность.

Смыслом этого пути является *трансцендентность*. В качестве существования в конце этого пути терпит крушение то, что собственно есть оно само. *Отсутствие напряжения* считается в этом понимании *путем обмана*, на котором в мнимом преодолении скрывается пограничная ситуация и устраняется время. Всякое познание в мире, в том числе, следовательно, и познание человека, есть частная перспектива, посредством которой для человека возникает пространство его ситуации. Поэтому познание находится в руке человека, который его схватывает. Однако сам для себя он - нечто совершенно незавершенное и не допускающее завершения, переданное некоему другому. Мысля, он лишь освещает себе путь.

Из-за того что человек *во всем своем познании* еще не находит себя *познанным* и вносит предметное познание в свой философский процесс, *он еще раз прорывается*, на этот раз через самого себя. То, что он утерял, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе. Лишь на мгновенное заблуждение в безнадежности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стремясь серьезно понять самого себя, он обнаруживает опять то, *что больше, чем он*. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потеряться в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющейся ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия.

Обе эти возможности известны сегодня под наименованием *учений*; путаница происходит там, где они еще не обрели прочной значимости, но волнуют сегодня человека как едва ли не необозримые способы выражения.

Познание человеческого бытия, которое устанавливалось в отдельных направлениях, стало в качестве *социологии, психологии, антропологии* типичными современными науками, которые в тех случаях, когда они, абсолютизируя, полагают, что познают бытие человека в целом, следует отвергнуть как безнадежную попытку заменить философию. Лишь при имам понимании возникает философия, которая в качестве современной называется *экзистенциальной философией*. Она находит сегодня материал своего выражения в областях, которые в качестве познания человека одновременно ограничиваются и обеспечиваются ею. Однако она переступает через них в движении к самому бытию. *Экзистенциальная философия - это философия бытия человека*, которая вновь выходит за пределы человека...

Социология, психология и антропология учат. рассматривать человека как объект, который

следует изучить на основании опытных данных, позволяющих модифицировать его посредством ряда мероприятий; таким образом можно в самом деле узнать кое-что о человеке, но не самого человека; человек же как возможность своей спонтанности противится пониманию его как результата. Для индивида совсем не обязательно быть тем, чем его конструирует социология, психология или антропология. Он эмансипируется от того, что науки стремятся как будто окончательно понять в нем; он рассматривает действительно познаваемое как частное и относительное. Выход за границу познаваемого в догматическом утверждении бытия он постигает как обманчивый суррогат философствования; когда хотят бежать от свободы, оправдания ищут в видимости знания о бытии.

Специфическое объективное знание о вещах и о себе как существовании человек необходимо для его деятельности в любой ситуации и во всех профессиях. Но объективного знания всегда недостаточно. Ибо оно становится осмысленным лишь посредством того, кто им обладает. Лишь мое собственное воление определяет, как я это знание использую. Самые лучшие законы, самые замечательные учреждения, самые верные результаты знания, самая действенная техника могут быть использованы в противоположном смысле. Они становятся ничем, если люди не наполняют их содержательной действительностью. Поэтому то, что действительно происходит, 'может быть изменено не улучшением объективного знания, но посредством бытия человека; истоком того, что он совершает, служит его внутреннее отношение, способ того, как он осознает себя в своем мире, содержание того, что его удовлетворяет.

Экзистенциальная философия есть использующее все объективное знание, но выходящее за его пределы мышления, посредством которого человек хочет стать самим собой. Это мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит. *Приведенное к парению* посредством выхода за пределы всего фиксирующего бытие познания мира (в качестве философской ориентации в мире) оно *апеллирует* к своей свободе (в качестве прояснения существования) и создает пространство для своей безусловной деятельности *в заклинании* трансценденции (в качестве метафизики).

Эта экзистенциальная философия не может обрести законченного выражения в каком-либо произведении или окончательного завершения в существовании какого-либо мыслителя. Свои истоки и одновременно ни с чем не сравнимое расширение она обрела у Кьеркегора. Кьеркегор, который в свое время стал сенсацией в Копенгагене, затем был вскоре забыт, получил большую известность незадолго до начала первой мировой войны, но оказал значительное воздействие лишь в наше время. Шеллинг вступил в своей поздней философии на путь, на котором совершил экзистенциальный прорыв в немецком идеализме. Однако так же, как Кьеркегор, напрасно искавший метод сообщения и пытавшийся найти выход в технике псевдонимов и в «психологическом экспериментировании», Шеллинг похоронил свои подлинные импульсы и видения в им самим созданной идеалистической систематике, которой он в юности держался и не мог преодолеть. В то время как Кьеркегор сознательно занимался самой глубокой философской проблемой, проблемой сообщения и, стремясь к непосредственному сообщению, пришел к поразительно неудачному результату, который тем не менее потрясает каждого читателя, Шеллинг как бы пребывал в бессознательности и может быть открыт, только если идти к нему от Кьеркегора. Из другого корня, не зная обоих мыслителей, вступил на путь экзистенциальной философии Ницше. Англосаксонский прагматизм служил как бы предварительной ступенью. Разрушив традиционный идеализм, он заложил как бы новую основу; однако то, что он вслед за тем построил, можно в качестве агломерата плоского анализа существования и дешевого жизненного оптимизма считать не более чем выражением слепого доверия к нынешней путанице.

Экзистенциальная философия не может найти решение; она способна стать действительной только в многообразии мышления каждый раз из истоков в сообщении от

одного к другому. Она пришлась ко времени, но уже сегодня видна скорее ее неудача и подчинение шумящей, которая превращает все, что появляется в мире, в несвоевременный шум.

Экзистенциальная философия сразу же *погибла бы*, если бы она *считала, кто обладает знанием того, что есть человек*. Она вновь стала бы заниматься исследованием человеческой и животной жизни в ее типах, стала бы антропологией, психологией, социологией. Смысл ее сохраняется только в том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранить возвышенные моменты для осуществления посредством своей жизни.

Экзистенциальная философия может снизиться до простой *субъективности*. Самобытие может быть неправильно понятым как бытие и солипсически замыкающееся в себе в качестве существования, которое хочет быть лишь таким. Подлинная экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе. Поэтому понятно, что она есть лишь там, где за нее борются. При вносящем путаницу смешении с социологическим, психологическим и антропологическим мышлением она попадает лишь в софистический маскарад. Тогда ее либо бранят, называя индивидуализмом, либо используют в качестве оправдания личного бесстыдства, и она становится опасной почвой истерического философствования. Но там, где она сохраняет подлинность, там только она и может создать ощущение для явления подлинного человека.

Экзистенциальное просветление, поскольку оно беспредметно, не дает результата. Ясность сознания содержит требование, но не дает выполнения. В качестве познающих нам приходится удовлетвориться этим. ибо я не есть то, что я познаю, и не познаю то, что я есть. Вместо того чтобы познать мою экзистенцию, я могу только ввести процесс прояснения.

Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции. В экзистенциальном прояснении, которое выходит за пределы этого познания, остается неудовлетворенность. На почве экзистенциального прояснения следует еще раз вступить в новое измерение, когда делается попытка обратиться к метафизике. Создание *метафизического предметного мира* или возможность открыть истоки бытия - ничто, если они отделены от экзистенции. Она с психологической точки зрения лишь создана, состоит в образах фантазии и в своеобразно волнующих мыслях, в содержании рассказов и конструкциях бытия, которые для каждого пытающегося схватить их знания сразу же исчезают. В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспокойства и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного.

В наше время подступы к метафизике экзистенциально столь же запутаны, как и все философствование вообще. Однако ее возможность стала, быть может, чище, хотя и уже. Поскольку необходимое опытное знание теперь ни с чем спутать нельзя, метафизика как научное знание больше невозможна и должна быть постигнута в совсем ином направлении. Поэтому она стала опаснее, чем раньше, ибо она легко уводит либо в суеверие, отрицая науку и истинность, либо в беспомощность, которая больше ни во что не верит, поскольку она хочет, но не может знать. Только тогда, когда эта опасность на почве экзистенциальной философии будет увидена и преодолена, станет возможной идея свободы в схватывании метафизического содержания. То, что тысячелетия

показывали человеку в трансцендентности, может вновь заговорить, после того как оно будет усвоено в измененном облике.

Ясперс Карл. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 377-380, 386-389.

КАКИМ МОЖЕТ СТАТЬ ЧЕЛОВЕК. АНОНИМНЫЕ СИЛЫ

Анонимное - это и *подлинное бытие человека*, угрожающее исчезновением в рассеянии, и *подлинное небытие*, притязающее как будто на всю сферу существования. Вопрос об анонимных силах - это вопрос о бытии самого человека...

Искажение свободы. Следует напомнить о ряде проявлений современной софистики. Различные замаскированные формы *неясности*, возмущения, мнимой правдивости, неуверенности мнения и воления должны были служить сохранению определенной структуры существования или отрицания ее в удобной прямолинейности. Они создали такую атмосферу, которая вносит *'соблазн* в существование индивида, побуждая его *бежать от самого себя*, приняв *признанный* образ деятельности, необходимый для *всеобщего блага*...

Деловитость, осмысленная лишь в ограниченных ситуациях, становится в своей абсолютизации в «новую деловитость» маской. Ею можно заслонить собственное ничтожество; значение человека - в выполнении функции, и это значение растет вместе с видимостью безграничной трезвости. Люди боятся слов, желаний и чувств, отвергают как пошлость не только то, что придает обманчивость содержанию, но называют пошлостью и все то, в чем не нуждается больше лишенная всех облачений вещь. Людям, собственно говоря, сказать больше нечего...

Человек стремится отказаться от себя устремиться в работу, чтобы забыться, не быть свободным, вновь стать природой, будто природа идентична технически осваиваемой вещи.

Нежелание принимать решения стало формой мира, требуемой общим интересом структуры существования...

Порядок существования дает человеку чистую совесть, уверенность В том, что все совершаемое им и его бытие правильны, при условии, что его поведение никогда не потребует принятия подлинных решений.

Однако человек не может отказаться от себя. В качестве возможности свободы он либо ее истинное осуществление, либо ее *искажение*, которое не дает ему покоя. Человек, искаживший себя как свободу, становится *в своем корне неразличимым*. Он отгорожен формами общения и оборотами речи.

В своем искажении он противостоит свободе. При тайной любви к бытию, возможностью которого он был, он вынужден уничтожать бытие повсюду, где оно ему встречается. Его скрытое благоговение превращается в глубокую ненависть. Он пользуется структурами существования, чтобы ложно используемыми аргументами свободы уничтожить ее мощью аппарата. Сущность свободы - борьба; она стремится не к успокоению, а к обострению, не к невмешательству, а к очевидности. Однако анонимная враждебность к свободе превращает духовную борьбу в искаженную духовность *инквизиции*: игнорируя самобытие там, где она не может нанести ему удар, отступая повсюду, где ей пришлось бы выступить открыто, она пользуется любой возможностью, чтобы напасть на существование самобытия или уничтожить его приговором публичной власти. Самобытию выносятся приговор, его не выслушивают, В него вторгаются: то, что относится к сфере подлинной коммуникации, желание коснуться глубочайших мотивов настроения и поведения, используется здесь посредством предания гласности частной жизни для публичного порицания. К такому инквизиторскому поведению способно лишь предательство собственных возможностей, которое поразительным образом внезапно прорывается то тут, то там в лишенном коммуникаций мире.

При искажении истинное сознание относительности структуры существования и ничтожности свободы перед лицом ее трансценденции превращается в *отрицание всего*. Тайный яд, неспособный нейтрализоваться посредством структуры существования, наполняет жизнь отрицанием и упреками, а не деятельностью и

трудом. Отравленный этим ядом, я всегда хочу, собственно говоря, только иного, не того, что есть, всегда хочу устранимся, чтобы только не нести ответственности...

Софист, возможность которого создана структурой существования в качестве грозного анонимного предзнаменования судьбы человека в будущем, может быть описан только как непрерывное изменение...

В своей как будто само собой разумеющейся естественности он *никогда сам не присутствует*. Сведущий во всем, он использует по своей прихоти каждую возможность - то одну, то другую.

Он всегда выступает как соучастник, так как *хочет присутствовать*. Он всячески стремится, избежать любого серьезного конфликта, не позволить ему отчетливо проявиться на каком бы то ни было уровне. Маскируясь всеобщей связью, он *хочет только существовать и неспособен* к подлинной вражде, которая своей высокой сущности выступает против другой стороны на равном уровне в борьбе за неопределенную судьбу... Он повсюду устанавливает связи, ведет себя так, что невозможно не испытать ему симпатии и не помогать ему. На службе он гибок в отношениях с властью; груб и неверен вдали от власти; патетичен, когда это ни к чему не обязывает; сентиментален, если его воля сломлена...

Он не стоит перед возможностью ничто, *он верит в ничто*. Встречаясь с бытием, ему необходимо убедиться на свой лад, что это ничто. Поэтому, хотя он все знает, ему чужды почтение, стыд верность...

Никогда не бывая *подлинным противником*, он не призывает к ответу, все забывает и не ведаёт внутренней ответственности, о которой, однако, все время говорит...

В интеллектуальности он обретает единственное прибежище. Здесь он чувствует себя хорошо, ибо задача состоит только в том, чтобы в движении мысли постигать все, как другое. Он все путает. Вследствие недостатка самобытия он никогда не может усвоить науку. В зависимости от ситуации он переходит от научного суеверия к суеверию, побеждающему науку...

Если ему повстречался противник, обладающий самобытием, для которого интеллектуальность важна не сама по себе, а как медиум явления бытия, он становится *бесконечно подвижным*; возбужденный до крайности, так как ему представляется, что опасность грозит значимости его существования, он постоянно меняет точку зрения, все время занимает разные позиции в дискуссии, то подчеркивает совершенно объективную деловитость, то переходит к аффектации... Он мыслит в *последовательности силлогизмов*, чтобы с помощью известных логических средств достигнуть мгновенного успеха, применяет *диалектику*, чтобы остроумно обратить все сказанное в противоположное, использует в созерцании и примерах, не обладая подлинным пониманием вопроса, *плоскую понятность*, ибо он заинтересован в риторическом воздействии, а не в понимании...

Вступать с ним в общение означает попусту растрчивать себя. В целом он охвачен страхом от сознания своего ничтожества и все-таки не решается на скачок, который мог бы привести его к бытию. Такого завершённого в своем небытии человека в результате искажения свободы быть не может. Однако подобные описания следует безгранично продолжать. Они кружатся вокруг некоей анонимной силы, тайно стремящейся овладеть всеми, то ли для того, чтобы превратить нас в нее, то ли для того, чтобы исключить нас из существования.

В о п р о с о д е й с т в и т е л ь н о с т и в р е м е н и . Понимание того, что в настоящее время есть истинное бытие, какое бытие в качестве существования обладает зрелостью своего крушения, которое пока еще не более чем росток, как то и другое составляют основу будущего человеческого бытия, столь же недоступно знанию, как бытие софиста. Бытие остается скрытым, оно молчит даже и тогда, когда его носитель играет публичную роль, но становится видимым каждому встречному, если он сам открыт бытию, которое он видит сквозь собственное самобытие.

Вопрос об этой подлинной действительности времени неизбежен, но ответ на него не может быть дан. Следует лишь сформулировать сомнения и поставить вопрос:

Вызывает сомнение, встречается ли эта действительность в общественной жизни в качестве того, что *знает* и может. знать *каждый*, что каждый день устанавливают и о чем толкуют газеты. Ибо эта действительность может заключаться в том, что происходит за этим зримым для нас, в том, чего мало кто касается и еще меньшее число людей обнаруживает в своих действиях. Она может быть жизнью, о которой, пожалуй, никто не говорит потому, что никто ее не осознает.

Возникает сомнение в том, существует ли *духовное движение*, действующее так, чтобы все принимали в нем участие; быть может, эта доступность всем была бы лишь инерцией уже прекратившегося движения, которое, заострившись в объективности, способно служить только для развлечения. Духовное движение могло бы во все времена, оставаясь неизвестным толпе, принадлежать невидимому царству духов. В той мере, в какой люди держали руль, исходя из него, это движение косвенно воздействовало на них посредством мотивов решений, однако не так, чтобы их смысл мог быть доступен всем или доступен сегодня. То, что стало бы понятно всем, было бы обеспечением существования в устройстве мира, сводилось бы к манере поведения и высказываний, к тому, что повсюду доступно и что, по существу, не имеет значения.

Возникает сомнение в том, что такое, собственно говоря, *успех*. В мире успех проявляется в публичном признании, в значимости сказанного, в достижении привилегированного положения, в наличии денег. Тот, кто в качестве самого себя вступает в мир, будет стремиться к этому успеху для расширения условий существования, но этот успех станет действительно таковым, если он в своем самостановлении, В построении наполненной жизни достигнет посредством расширенных условий существования и в своем господстве над ними действительно настоящего для человека.

То, что надлежит показать в образе настоящего, *никогда* не бывает *этим настоящим* полностью. Каждый живет в мире еще неосознанных возможностей. Существует как бы некий закон: то, что мы знаем, уже не есть путь субстанциальной истории. Подлинно действительное происходит почти незаметно, вначале изолированно и рассеянно. *Новое поколение* обычно мало похоже на то, о котором мы говорим. Те молодые люди, которые после тридцати лет совершат решительные действия, вероятное всего бывают тихими, ожидающими; однако уже теперь, незаметно для других, они посредством неограниченной духовной дисциплины полностью отдаются своей экзистенции. Эти люди обладают чувством времени и ничего не предвосхищают. Невозможно установить, кто к ним относится. Все попытки отбора не что иное, как гротескное притязание не сознающего своих границ технического рассудка. Заранее известное уже существовало бы, и незачем было бы осуществлять его всей судьбой своей жизни. Существует признание способностей, прилежания, надежности, но не анонимности и в качестве предсказания подлинного бытия и утверждения ранга.

Анонимное бессловесно, бездоказательно, непритязательно. Оно — зародыш бытия, его невидимый образ, пока оно еще растет, и мир не может отозваться на него. Оно подобно огню, который мог бы воспламенить мир или стать в превратившемся в кучу пепла мире тлеющей искрой, сохраняющей свою силу, чтобы когда-либо вновь возгореться или вернуться в завершении чистой к своему началу:

Современный человек. В настоящее время мы не видим героев. Этого слова опасаются. Всемирно-исторические решения не принадлежат отдельному человеку, который принимает их и может в течение некоторого времени таить в себе. Решение абсолютно лишь в личной судьбе единичного человека и почти всегда представляется относительным в судьбе огромного аппарата современности. Только потребность души массы в восхищении создает своих 'героев, когда она направлена на виртуозность, способность

рисковать жизнью и политическое представительство; на мгновение она помещает индивида в центр своего внимания, однако вскоре совершенно забывает, когда свет рампы падает уже на другого.

Возможный *героизм человека* сегодня лишен деятельности блеска, в воздействии — славы...

Если человек в качестве героя характеризуется тем, что утверждает себя перед превосходством силы, которая, будучи свойственна каждой эпохе, достигает, противостоя ему, цели, к которой она слепо стремится, то сегодня он утверждает себя перед неосязаемой массой. Индивид не смеет сегодня ставить ее под радикальное сомнение, если он хочет жить в мире; он должен молча терпеть и участвовать в ее действиях или стать мучеником, оказаться во власти этого деспота, уничтожающего тихо и незаметно. Подобную власть мы обнаруживаем в тех индивидах, которые в качестве функционеров группы власти в рамках всеобщности на мгновение осуществляют волю массы так, как они ее понимают, чтобы после завершения своей функции — в их понимании - вновь впасть в ничтожество...

В скепсисе нашего времени массовые проявления суеверия служат как бы вызванными отчаянием случайными фанатическими связями. *Пророки* всех видов достигают успехов. Для независимости же остается только один путь — никогда не отказываться от скепсиса по отношению ко всему объективно фиксированному. Человек, выражающий в нем истинное бытие, радикально отличен от прежних пророков.

Прежде всего он не признан пророком, он действует скрыто; в противном случае он превратился бы в демагога, в эфемерно обожествляемого, затем отвергнутого вождя массы или в течение некоторого времени в самого себя -возвеличивающего представителя культа в какой-либо группе. Поэтому он отказывается быть пророком; он отталкивает тех, кто хочет ему следовать, ибо его сущность отвергает подчинение; он видим лишь независимым, которые, проникая взором в его сущность, приходят к самим себе. Он ищет не последователей, а соратников. Стремиться к тому, чтобы ему следовали, он может только в государственной жизни как общей судьбе существования; лишь здесь он становится в качестве демагога вождем, совершает в созданной им понятной форме для всех то, что, по существу, понимают лишь немногие. И остается при этом скрытым в качестве самого себя.

Он не предсказывает будущего, но говорит то, что есть. Это он постигает в его полноте как явление бытия, не абсолютизируя его в очередной миф...

Его сущность -очевидная тайна. Открытость безграничного желания видеть превращается у него в молчании - не для того, чтобы умолчать о том, что он знает и мог бы сказать, но чтобы не внести в высказанное то, что посредством ошибочности стало бы в экзистенции неясным самому себе. Такая неустранимая анонимность -его признак...

Борьба без фронта. Анонимное есть *подлинное бытие*, открытость которому единственно и создает уверенность в том, что не существует ничто. Но анонимное - одновременно и *существование небытия*, чья сила ни с чем не сравнима и не может быть постигнута, хотя она и грозит всему уничтожением. Оно есть то, единение с чем возвышает меня, и есть то, с чем я должен бороться, когда ищу бытие. Но и эта борьба своеобразна. Существование небытия кажется то исчезнувшим, то внезапно господствует над всем. В нем сосредоточено нечто злое, связанное с беспокойством вследствие неуверенности в том, против чего и за что идет борьба. В нем как будто не остается ничего, кроме жестокой борьбы за существование в ее постоянной эгоцентричности. Но и само это понимание дано им, ибо оно покрывает все пеленой небытия, потому что само есть ничто.

Подобно тому как примитивный человек противостоял демонам, полагая, что, назвав их имя, он станет их господином, современный человек противопоставляет этому непостижимому, путающему его расчеты: если только мне удастся познать его, полагает он, я заставлю его служить мне. Аналогом демонов являются анонимные силы ничто в разбожествленном мире.

Борьба, в которой ясно, с кем имеешь дело, открыта. В современном же существовании после минутного прояснения человек теряется от *путаницы в фронтах борьбы*. Тот, кто только что казался противником, оказывается союзником. Кто по объективному желаемому должен был быть противником, выступает на твоей стороне; то, что, собственно говоря, кажется антагонистичным, отказывается от борьбы, а представлявшееся единым фронтом оборачивается против самого себя. И все это в вихревой неразберихе и изменчивости. Это может превратить меня в противника того, кто казался ближайшим, и в союзника самого далекого человека.

Можно было бы вообразить, что этот образ возник вследствие борьбы двух эпох, происходящей сегодня, причем таким образом, что отдельный человек не знает, где он находится, и никто не может знать, что же действительно старое и что, собственно говоря, будущее; эпоха еще неясна в своей сущности; поэтому без понимания себя и ситуации люди борются, быть может, против подлинного смысла. Однако единства нет ни в прошедшей, ни в будущей эпохе. Существо человека в его истории всегда промежуточно, это - беспокойство его всегда незавершенного существования во времени. Ему не поможет попытка обнаружить единство наступающей эпохи, разве только никогда не прекращающиеся попытки снять пелену с анонимных сил, стоящих поперек дороги как порядку существования, так и самобытию.

Минуя случайные и нежеланные фронты борьбы, человек стремится попасть на подлинные и желаемые.. Пусть падут фронты, оказывающиеся подступами, ибо в них нет идентичной воли, пусть *увидят друг друга подлинные противники*. Все то, что встает между ними как непостижимое, туманит ясность, парализует волю, препятствует достижению цели, пусть оно выйдет наружу. Лишь тогда, когда я и другой пойдем друг друга в борьбе, она станет осмысленной. Я хочу сознания, хочу видеть противника. Пусть он не прячется за моей спиной и не исчезает, когда я оборачиваюсь; пусть он смотрит мне в глаза, говорит со мной и отвечает мне. Однако анонимные силы ускользают и меняют свой облик. Если я на мгновение как будто ухватил их, они уже не то, чем были. В некоторых образах они перестают быть силой, если им не противиться и просто не обращать на них внимания; однако неожиданно они вновь появляются в другом образе. Они выступают с одинаковым успехом как противники и как друзья, становятся двойственными как одним, так и другим. Каждый, кому когда-либо нечто было безусловно важно, должен был столкнуться с этой путаницей. Ока прорывает наше планомерное существование и опустошает само-бытие человека. или же человек должен сам принимать участие в этой путанице, ничего не ведая о ней.

Подлинные противники выступают там, где в существовании бытие противопоставлено бытию в продуктивной борьбе. *Нет противников* там, где бытие борется за существование с небытием. Можете случиться, что небытие незаметно предательски достигнет в качестве существования триумфа в неуловимых образах софистики...

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысли назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 390-398.

САМОБЫТИЕ В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕНИ

Характер бытия человека -предпосылка всего. Можно наилучшим образом наладить действие аппаратов; но если отсутствуют люди в качестве таковых, ничего достигнуто не будет. Может показаться необходимым, чтобы человек не погряз в желании просто продолжать существовать, поставить его в его сознании перед ничто: пусть он

вспомнит о своем изначальном состоянии. Если в начале его исторического пути его физическому существованию угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. на другом уровне, отличающемся от неизвестного начала его становления, вновь встает вопрос обо всем.

Существование в настоящем, в радости жизни, так же как и отчаянная решимость устоять перед лицом ничто, спасти его не могут, То и другое, правда, необходимо как минутное прибежище при неудаче, но их недостаточно.

Для того чтобы быть самим собой, человек нуждается в позитивно наполненном мире. Если этот мир пришел в упадок, идеи кажутся умершими, то человек будет скрыт от себя до тех пор, пока он в своем созидании не обретет в мире вновь идущую ему навстречу идею.

В самобытии человека начинается то, что лишь затем осуществляется в мире. Когда в бѣздушном существовании мир как будто становится безнадежным, в человеке сохраняется то, что в данный момент вернулось к чистой возможности. Если сегодня в отчаянии спрашивают, что же еще осталось в этом мире, то каждому следует ответить: то, что ты есть, потому что ты можешь. Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или_ быть_ побежденным, и это зависит от того, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни.

Настоящий момент выступает как самое трудное, невыполнимое требование. Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала. Перед ним открывается высшая возможность его свободы; ему надлежит либо в невозможности ухватить ее, либо погрузиться в ничтожество. Если он не последует путем самобытия, то останется своевольно наслаждающимся своим существованием в неотвратимости аппарата, против которого он больше не будет обороняться. Он должен, исходя из собственной независимости, овладеть механизмом своего существования или, превратившись в машину, покориться ему; должен осуществить в коммуникации связь самости с самостью, сознавая, что здесь все решается в верности или неверности; в противном случае он окажется в бѣздушной покинутости своего существования просто функцией. Он должен подойти к границе, чтобы ощутить свою трансцендентность, или быть опутанным просто дающим себя бытием вещей мира. К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости, или же, если он их отвергнет, ему придется вести существование, в котором он будет по существу ни человеком, ни животным.

Жалобы на то, что от человека ждут слишком многого, что изменены должны быть обстоятельства, не помогут. Ибо лишь из способа самобытия вырастает подлинное воздействие на обстоятельства. Если я жду от изменения обстоятельств того, чем я могу быть из самого себя, я предаю собственные возможности. Я уклоняюсь, передавая другому то, что могло бы зависеть от меня, тогда как это другое процветает лишь в том случае, если я сам становлюсь таким, каким я должен быть.

Против мира или в мир. Первым актом пробуждающегося внимания человека является то, как он относится к миру. Самобытие есть то, что из бытия против мира вступает в мир.

Первый путь ведет из мира к *одиночеству*. Самобытие, которое в своем негативном решении, в своем отказе от себя не устремляется к бытию мира, изнуряет себя в возможности. Оно говорит лишь для того, чтобы ставить под вопрос. Его атмосфера — создание, беспокойства...

Кто занимает какую-либо должность, осуществляя в жизни положительную деятельность, кто выступает, обучая, у кого есть семья, кто живет в мире релевантного ему исторического и научно го знания, тот отверг путь негативного решения, отказа от мира...

Второй путь ведет в мир, но лишь через возможность первого пути. Ибо философствующее самобытие не может находиться в своем мире с не ведающей сомнения удовлетворенностью.

Сегодня, когда поглощение всего существования аппаратом уже стало необратимым, когда существование протекает в учреждениях и на предприятиях и большинство людей являются рабочими и служащими, бессмысленно стремиться зависеть только от себя в своей профессии и в обеспечении средств на жизнь...

В некоторых областях еще есть следы относительной независимости, идущей из прошлого, их следует сохранять всюду, где они обнаруживаются как драгоценные возможности несовременного типа, которые могут показать нам бытие человека в его незаменимости, однако почти ко всем предьявляется неумолимое требование: работать на предприятии или погибнуть. Вопрос состоит в том, как жить.

Соблазняет двоякая *возможность просто противопоставить себя миру*. Однако действительно пойти на это может лишь тот, кто сам приговаривает себя к крушению всякого существования...

Действительность мира невозможно игнорировать. Ощутить суровость действительности — единственный путь, который ведет к себе. Быть действительным в мире, даже если поставленной цели достигнуть невозможно, остается условием собственного существования. Поэтому этос заключается в том, чтобы жить вместе с другими внутри аппарата власти, не давая ему поглотить себя...

Деграция сферы труда в нечто относительное как будто убивает желание приложить свою силу; однако экзистенция человека в том, чтобы суметь выдержать это отрезвление, не теряя воли к деятельности...

Смысл вступления в мир становится содержанием философствования. Философия не является средством, еще Менее того — волшебным средством, она — сознание в осуществлении. Философствование — это мышление, посредством которого или в качестве которого я деятелен в качестве самого себя. Оно являет собой не объективную значимость знания, а сознание бытия в мире.

Технический суверенитет, изначальное желание знать, безусловные связи...

а) Повседневная сложность технического мира ставит передо мной требование владеть ею в доступной мне сфере. Отношение к вещам преобразилось; отодвинутые вдаль, они превращаются в своем безразличии в заменяемую функцию. Техника отделила человека от *непосредственного присутствия*. Новая задача заключается в том, чтобы посредством технического осуществления вновь достигнуть непосредственного присутствия человеческого бытия во всех вещах мира; новые предпосылки возросших возможностей должны быть принуждены служить нам...

Там, где *завоеывается* техника, энтузиазм человека проявляется в открытиях, превращающих его и инициатора изменения мира, как бы во второго строителя мира; это — привилегия тех, кто прорывается к границе достигнутого.

Там, где *используется* техника, уместно спокойствие в ограничении необходимым, строжайшая экономия времени, отсутствие спешки и без расточительства...

Технический мир как будто уничтожает *природу*. Раздаются сетования на то, что существование становится далеким от природы. Однако техника, которая вынуждена на своем пути смириться с безобразием и отдаленностью от природы, могла бы в конечном счете создать возможность более *интенсивного подхода к природе*. Современный человек способен по-новому осознать солнце и стихию мира. Техника создает предпосылки для того, чтобы жить в целостности географического мира, в обширном пространстве света и воздуха и всех видов их явления. По мере того как все становится близким и достижимым, родина расширяется...

С технизацией мира мы вступили на путь, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть

вспять означало бы затруднить существование до невозможности... Необходимости в каждой деятельности создания для большего успеха технической основы следует противопоставить *доведенное до несомненности сознания того, что не подлежит механизации*. Абсолютизация техники была бы уничтожающей для самобытия; в нем каждое чувство свершения должно быть проникнуто другим чувством.

б) Техническое обеспечение существования требует знания лишь применительно к цели, для которой оно используется. Самобытие же в знании есть лишь в *изначальном волеии знания*. Если последним масштабам знания становится его пригодность, то я в нем отрекаюсь от себя. Если же знание остается просто ясностью, то я обретаю в нем самосознание...

Будущее находится там, где сохраняется напряженное единство методов знания, где специальное знание пронизано бытием, а философствование - особенностью мира. Тогда самобытие - высший орган знания, которое, правда, видит лишь в той мере, в какой оно наполнено миром, и только в том случае, если оно само остается в настоящем. Жизнь становится одновременно ответственностью удостоверившегося в бытии человека и подобна эксперименту познающего. То, что человек совершает, исследуя, планируя и строя, является, если видеть перед собой целое, путем, на котором он посредством попыток находит свою судьбу как способ своей уверенности в бытии.

в) *Однако жизнь как существование*, которое проходит в течение сумм мгновений, а затем прекращается, *не имеет судьбы*; время для него лишь ряд моментов, воспоминание безразлично, настоящее лишено будущего - оно лишь мгновенное наслаждение существованием или помеха ему. Судьбу человек обретает только *посредством связей*, не принудительных, охватывающих его в его бессилии как чуждые, а в принятых им, которые становятся для него собственными... Самобытие есть жизнь, которая хочет стать целостной, причем только посредством значимой для нее связи.

В отрыве от исторических связей, в превращении в толпу любым образом взаимозаменяемых индивидов, выполняющих определенные функции в аппарате, действует тенденция разложить человека на короткие перспективы настоящего. Тогда связь относительна; ее можно разорвать, она всегда лишь временна, и безусловность всегда воспринимается как не имеющая отношения к делу патетика; в такой деловитости вырастает сознание хаоса. Поэтому сегодня *взывают к новым связям*, к авторитету и церковной религиозности. Однако, если время и способно производить все, подлинные связи сделаны быть не могут; они свободно создаются человеком в сообществе.

Погружение в историю. Только тот, кто свободно связывает себя, застрахован от того, чтобы в отчаянии возмутиться самим собой. Невыполнимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку как человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто, на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью. Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека...

Дистанцирование от мира дает ему свободу, *погружение в мир* - его бытие. Дистанцирование не может быть совершено по - средством интеллектуальной абстракции, но лишь в одновременном соприкосновении со всей действительностью; погружение - незримый акт, его не превозносят, а совершают в тихой безусловности. Дистанцирование мира дает внутреннее благородство; погружение в мир пробуждает человечность и самобытие. Первое требует самодисциплины, второе есть любовь...

Благородство человека. Вопрос, возможно ли еще достоинство человека, идентичен вопросу, возможно ли еще благородство. В настоящее время *речь больше не может* идти об аристократии как о *господстве меньшинства* в качестве

наследственно привилегированного слоя, возвысившегося над толпой в силу своей власти, имущества, воспитания и осуществленного в нем идеала образованности, - того слоя, который считает себя и считается другими сообществом лучших... очень скоро она превратилась в господство меньшинства, которое, само являясь массой, обрело типичные... черты' таковой; принятие решений большинством, ненависть к каждому выделяющемуся в толпе индивиду, требование равенства, беспощадная изоляция каждой особенности, непредставительной для всех, преследование всего выдающегося. Аристократия, как господство меньшинства в качестве массы, заимствует, доступные всем ее членам исключительные качества как социальные суррогаты действительного благородства человеческой экзистенции. То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания...

И впредь могут появляться, вероятно, могущественные социальные слои, но они будут варварскими. *Проблема* человеческого благородства состоит теперь в *спасении* воздействия наилучших, число которых невелико...

Лучшие представители благородства внутри человеческого бытия - не наиболее *талантливые*, которых можно было бы выделить, не *типы рас*, которые можно установить антропологически, даже не *гениальные люди*, создающие выдающиеся произведения, но среди них всех те люди, которые являются самими собой, в отличие от тех, кто ощущают в себе лишь пустоту, ничто не считают своим, бегут от самих себя.

Сегодня начинается *последний поход против благородства*. Он ведется не на политическом или социальном уровне, а в самих душах людей.. Следовало бы повернуть *вспять* то развитие, которое считают сущностью нового, но теперь уже прошедшего времени, —*раскрытие личности*... Инстинкты людей массы вновь, как уже не раз, и опаснее, чем когда-либо, объединяются с церковно-религиозными и политическими абсолютистскими инстинктами, чтобы освятить универсальное нивелирование в существовании массы.

Именно это *восстание* направлено *против подлинного благо- родства* человека...

Солидарность. Когда люди перемешиваются, как пыль, действительность в ее достоверности встречается лишь там, где друзья являются подлинными друзьями в фактической коммуникации их открытости и солидарности, в личной верности.

От одиночества спасает не мир, а самобытие, устанавливающее связь одного человека с другим. Это *единство обладающих самобытием* есть невидимая действительность существенного. Поскольку объективного критерия надежного самобытия не существует, оно не могло быть объединено в группы власти. «Треста порядочных людей», как принято было говорить, не существует. В этом их слабость, сила их может сохраняться только в невидимости. Существует не фиксированная в договорах связь, более сильная, чем национальное, государственное, партийное и социальное сообщество, чем раса. Эта связь непосредственно незаметна и проявляется лишь в своих следствиях.

Подобная *близость обладающих самобытием людей* —лучшее, что может быть нам даровано сегодня. Эти- люди служат друг другу гарантией того, что бытие есть. В миру это те, кто меня волновал как действительность, кто оставался во мне, приводил меня к самому себе, а не те, кто проходил мимо, с кем я просто общался. У нас больше нет пантеона, им служит нам память об истинных людях, которым мы обязаны тем, что стали такими, как мы есть. Влияние известных из истории великих людей становится для нас решающим не сразу, но лишь в той степени, в какой они как бы вновь узнаются в тех, кто был нам действителен в качестве живых. Они пребывают для нас как бы в уверенном знании их близости, остаются без притязаний вовне, без обожествления, без пропаганды. Они не встречаются среди того, что открыто публичности и значимости, и тем не менее именно они определяют правильное движение вещей.

В изолированном существе подлинного благородства быть не может. Оно — в связанности самобытных людей, — которые верны обязательству постоянно интересоваться друг другом, помогать друг другу, когда они встречаются, и быть готовым к коммуникации, ожидая ее, не проявляя навязчивости. Не сговариваясь, они сохраняют взаимную верность, более непоколебимую, чем основанную на договоре. Такая солидарность распространяется и на врага, 'если одно самобытие подлинно противостоит другому: Тогда осуществляется то, что могло бы быть в политических партиях, невзирая на все различия, солидарностью лучших их членов, которая ощущается, даже если не находит своего выражения, потому ли, что для этого нет повода, или потому, что ситуация не предоставляет для этого возможности.

Солидарности этих людей надлежит *отделиться* от встречающихся повсюду фактических предпочтений, связанных с симпатией или антипатией, от своеобразной притягательности друг для друга всякой посредственности, чувствующей себя хорошо при отсутствии высоких требований, от вялого, но постоянно молча действующего объединения многих против немногих...

Благородство духов, обладающих самобытием, *рассеяно в мире*. Тот, кто вступает в их сферу, приходит к этому не на основе суждения, а посредством осуществления своего собственного бытия. Единство этого рассеяния подобно невидимой церкви некоего *согрус мистicum*' в анонимной цепи друзей, тот или другой член которой благодаря объективности своей деятельности обнаруживается другим, быть может, далеким самобытием. В этом *безобразном царстве духов* время от времени находятся отдельные люди, которые воспламеняются в близости строгостью своей коммуникации. Они всегда служат началом высшего взлета, возможного теперь в мире. Только они, собственно говоря, создают облик людей.

Благородство и политика. Массы приводятся в движение вождями, которые говорят им, чего они хотят; историю творит меньшинство. Однако в настоящее время маловероятно, чтобы массу могла бы постоянно держать в повиновении аристократия, право которой на господство она бы признавала. К сожалению, сегодня все люди, неспособные действительно мыслить в силу отсутствия самобытия, все-таки благодаря тому, чему они научились, обрели способность высказывать свои мысли и манипулировать ими. Между тем, обретая таким образом свою долю в мышлении, масса беспрерывно осуществляет нажим.

Поэтому может возникнуть вопрос, каким образом меньшинство, получив на мгновение одобрение массы, приходит к осуществлению власти, посредством которой оно впоследствии и при отсутствии одобрения сохраняет господство, формируя человека массы, который не есть он сам и не знает, чего он хочет. Замкнутое меньшинство может в сознании своего благородного происхождения под именем авангарда или в качестве самых передовых, наиболее волевых из последователей вождя, в силу исторически унаследованных привилегий по крови объединиться, чтобы завладеть властью и государством. Они формируются по аналогии с прежними сектами: строгий отбор, высокие требования, постоянный контроль; они ощущают себя элитой и пытаются после захвата власти сохранить свои преимущества посредством воспитания молодежи, способной продолжать их дело. Однако даже если при возникновении этой элиты сила самобытия в качестве благородства человека и могла играть известную роль и продолжает ее играть в ведущих индивидах, то в своей совокупности они создают новую, отнюдь не аристократическую массу меньшинства. Безнадёжно в определяемую массой эпоху ждать благородства человеческого бытия в образе господствующего меньшинства.

Поэтому аристократия и масса окончательно и на необозримое время перестали являть собой специфические политические проблемы. Правда, они встречаются еще как антитезы в политической аргументации, но это только слова; по существу же, все дело в том, господствует ли организованное меньшинство над большей массой, или благородство действует анонимно внутри массового порядка; устанавливается ли несправедливая и поэтому невыносимая форма управления, или благородство человеческого духа

находит сферу для своего осуществления.

Л о ж н о е п р и т я з а н и е н а б л а г о р о д с т в е поскольку благородство есть лишь во взлете, в котором завоевывает себя бытие, оно не может *само дать себе предикат*. Оно — не род, в который человек входит или не входит, а человек вообще в возможности своего взлета. Поскольку мы склонны находить удовлетворение только в существовании, сила излета всегда свойственна только немногим и в них непостоянна. Эти немногие — не представители массы в качестве вершины ее сущности, а скорее смутный упрек ей. Лишь непонятные они становятся ей известны.

Где идея равенства отдаляется от только метафизически мысли — мой изначальной возможности и касается фактического существования людей, она лишена истинности; именно поэтому от нее почти всегда безмолвно отказывались... Людей массы следует признавать в той мере, в какой они служат, трудятся, поднимая взор, знают импульс возможного взлета, другими словами, в той мере, в какой они сами суть то, чем в большей степени являются немногие. Любви достоин не человек как экземпляр существования, а человек как возможная экзистенция, в каждом индивидуе — его возможное благородства

Если же благородство в человеке хочет понять себя как определенное существование и выделить себя, то оно становится ложным; истинное благородство анонимно как требование человека к себе; ложное становится жестом и требованием, обращенным к другим...

Философская жизнь. Благородство человека может быть названо философской жизнью. Благородством обладает тот, кто обладает истиной веры. Кто опирается на авторитет в том, чем он может быть только сам, это благородство теряет; тот же, кто вверяет себя божеству, не теряет себя, но претерпевает истину своего взлета как движение конечного самобытия в его крушении, истину, исходя из которой все происходящее в мире не может быть для него большим, чем он сам есть для себя.

Сохранить требование к этому благородству — прежде всего дело традиции. Невозможно достичь всего во внешнем действии; для внутреннего действия в центре вещей человека существует *слово*, не пустое слово, а слово, которое может пробудить то, что приближается. Слово преобразуется, но остается тайной нитью, по которой ошупью пробирается сквозь время подлинное бытие человека. В качестве философской жизни это бытие человека без которого внешняя действительность существования мира лишена души, есть последний смысл философского мышления; только в нем находит свое подтверждение систематическая философия.

В характере философской жизни человека заключена его судьба. Это не предписание, которому надлежит просто следовать, и не идеальный тип, в соответствии с которым надо строить свою жизнь. Философская жизнь вообще не есть нечто идентичное для всех. Она — армия отдельных людей, поток падающих звезд, который, не зная откуда он пришел и куда направляется, проходит сквозь существование. Отдельный человек, каким бы он ни был ничтожным, последует за ним во взлете своего самобытия.

Ситуация самобытия. Человек не может быть завершенным; для того чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь всё новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения...

Сегодня, когда возможности экстенсивного расширения существования неизмеримо возросли, стала ощущаться некая ограниченность, которая как будто уничтожает экзистенциальную возможность. С тех пор как это осозналось, жизнь людей преисполнилась отчаяния или бессознательного желания забыть о ней, что в объективном рассмотрении может быть и концом, и началом....

Для человека, полностью отброшенного назад в своей беззащитности, остается лишь вернуться к началу вместе с другим человеком, с которым он связан верностью...

Если мы назовем состояние перед лицом ничто неверием, то *сила самобытия* порождает в *неверии* внутреннюю деятельность во взлете. Эта сила пренебрегает возможностью объяснять внешними причинами то, что возникает или теряется в свободе. Она считает, что призвана к наивысшему и живет в напряжении из-за действующего на самое себя принуждение, в сопротивлении тому, что есть только существование, в податливости относительного, терпеливой способности ждать, в исключительности исторической связи. Она знает о своем крушении и читает в крушении шифр бытия. Она — *вера, философская* по своему характеру, которая в цепи отдельных людей, передающих друг другу факел, способна к новому созиданию.

Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек. Однако в каждый момент, когда человек, исходя из безусловности, следует своим путем, во времени есть то, что уничтожает время.

Прошлое никогда не может сказать человеку, как ему себя вести. Пробужденный в свете воспоминания о прошлом, он должен сам принять решение. Им он наконец скажет, чем была для него духовная ситуация: в каком образе он осознает бытие, уверен в нем, чего он безусловно хочет, к кому он в данной ситуации обращается и к кому он в глубине своей души прислушается.

Без таких истоков мир человека останется только предприятием. Для того чтобы бытие стало миром, тот, кто впоследствии отдается в сообществе с другими целому, должен сначала проникнуть в самого себя.

Самобытие — условие, без которого мир как наполненная идеей действительность человеческой деятельности уже невозможен. Поскольку самобытие есть лишь в единстве с бытием своего времени, оно при всем противоречии ему все-таки принуждает решиться на то, чтобы хотеть *жить только в это время*. Каждый акт действительности самобытия становится, пусть даже исчезающе малым, зародышем творения мира.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысли назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 398-404, 406-412.

Жан Поль Сартр **(1905–1980)**

Экзистенциализм – это гуманизм

В этой работе мне хотелось бы выступить в защиту экзистенциализма от ряда упреков, высказанных в его адрес.

Прежде всего экзистенциализм обвиняют в том, будто он призывает погрузиться в квиетизм отчаяния, ибо, согласно экзистенциализму, ни одна проблема не может быть разрешена и, следовательно, любое действие в этом мире становится невозможным; это делает философию созерцательной, И поскольку созерцание является роскошью, мы, якобы, вновь приходим к буржуазной философии. Таковы главным образом обвинения коммунистов.

С другой стороны, нас обвиняют в том, что мы подчеркиваем человеческую низость, показываем всюду гнусное, темное, липкое, отворачиваемся от светлой стороны человеческой природы; например, критик, стоящий на позициях католицизма... обвинил нас в том, что мы забыли об улыбке ребенка.

Христиане упрекают нас еще и в том, что мы отрицаем реальность и значение человеческих поступков, так как, уничтожая заповеди Бога и вечные ценности, не оставляем ничего, кроме произвола, ибо каждый может поступать как пожелает, будучи неспособным судить о взглядах и действиях других.

Те и другие упрекают нас в том, что мы забыли о солидарности людей, смотрим на человека как на изолированное существо; как утверждают коммунисты, это следствие того, что мы исходим из чистой субъективности, из *я мыслю* картезианства, то есть из такого мгновения, когда человек может постигнуть себя лишь в одиночестве, вследствие чего для нас становится невозможным обратиться к солидарности с теми людьми, которые находятся вне нас и которых невозможно постичь посредством *cogito*.

На все эти обвинения я постараюсь здесь ответить; именно поэтому я и озаглавил это небольшое эссе: *Экзистенциализм – это гуманизм*. Многие вероятно будут удивлены, что здесь говорится о гуманизме. Постараемся разобраться в том, какой смысл мы в него вкладываем. В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме

Марксистская критика

Католическая критика

Пессимизм и
экзистенциализм

того утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность. Основное обвинение, которое нам предъявляют, состоит в том, что мы акцентируем внимание на дурную сторону человеческой жизни... Следовательно, экзистенциализм уподобляют непристойности, а экзистенциалистов объявляют натуралистами; но если мы действительно натуралисты, вызывает крайнее удивление, что мы можем пугать и шокировать в гораздо большей степени, чем натурализм в собственном смысле слова. Те, кто терпимо относятся к такому роману Золя как *Земля*, испытывают отвращение, читая роман экзистенциалиста; те, кто пользуется народной мудростью, – которая очень пессимистична, – находят нас еще большими пессимистами. И в то же время трезво рассуждают по поводу того, что «своя рубашка ближе к телу» или «собака любит палку». Известно множество других примеров, которые можно использовать в данном случае: не следует бороться с существующей властью; против силы не пойдешь; выше головы не прыгнешь; любое не подкрепленное традицией действие есть романтизм; всякая попытка, не опирающаяся на опыт, обречена на неудачу; а опыт показывает, что люди всегда стремятся к низменному, и для того, чтобы их удержать нужна твердая рука, в противном случае воцарится анархия. Однако люди, которым повторяют эти пессимистические пословицы и поговорки, которые говорят: «Таков человек», всякий раз, когда видят какой-нибудь более или менее отвратительный поступок, которые питаются этими реалистическими песнями, те же самые люди упрекают экзистенциализм в излишней мрачности, и при том так упрекают, что иногда спрашиваю себя: не за то ли они им недовольны, что он, наоборот, слишком оптимистичен. Что, в сущности, пугает в учении, которое я хочу попытаться вам изложить, не тот ли факт, что оно дает человеку возможность выбора? Чтобы это выяснить, нужно рассмотреть вопрос встрою философском плане. Что же такое экзистенциализм?..

Существуют две школы экзистенциалистов: во-первых, это христианские экзистенциалисты, к которым я отношу Ясперса и исповедующего католицизм Габриэля Марселя; и, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты, к которым относятся Хайдеггер, а также французские экзистенциалисты и я сам. Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта. Как это нужно понимать? Возьмем изготовленный предмет, например книгу или нож для разрезания

Натурализм и
экзистенциализм

Народная мудрость

Существуют две школы
экзистенциалистов

бумаги, этот предмет произведен ремесленником, который руководствовался определенным замыслом; он обращался к замыслу ножа для разрезания бумаги, а также к уже известной технике производства, которая позволяет осуществить этот замысел, это и есть, в сущности, рецепт изготовления. Таким образом, нож для разрезания бумаги является предметом, который, с одной стороны, производится определенным способом, а с другой - приносит определенную пользу; невозможно представить себе человека, который бы изготавливал этот нож, не зная, каково его назначение. Следовательно, мы можем сказать, что сущность ножа, иными словами, сумма приемов и свойств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию; таким образом было обусловлено присутствие здесь передо мной, данного ножа для разрезания бумаги или книги. Здесь мы имеем дело с техническим взглядом на мир, согласно которому производство предшествует существованию.

Когда мы представляем себе Бога-творца, то этот Бог чаще всего уподобляется непревосходному ремесленнику; и какое бы учение мы не рассматривали, будь то учение Декарта или Лейбница, везде признается, что воля я большей или меньшей степени следует за разумением или, по крайней мере, ему сопутствует, и что Бог, когда творит, точно знает, что творит. Таким образом, понятие *человек* в сознании Бога аналогично понятию *нож* в сознании производителя; и Бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как фабричный ремесленник изготавливает нож для разрезания бумаги в соответствии с его определением и техникой производства. Так же отдельный человек реализует некий замысел, который присутствует в божественном разумении.

В XVIII веке философы-атеисты упразднили понятие Бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию. Эту идею мы встречаем повсюду: мы ее находим у Дидро, у Вольтера и даже у Канта. Человек обладает особой человеческой природой; данная человеческая природа является человеческим понятием, имеется у всех людей; это означает, что каждый человек является отдельным случаем общего понятия *человек*. По Канту, из этой всеобщности следует, что и лесной житель, естественный человек, и буржуа подпадают под одно определение, обладают одними и теми же основными качествами. Следовательно и здесь сущность человека предшествует его историческому существованию.

Атеистический экзистенциализм, представителем

Существование
предшествует
сущности

Техническое видение
мира

Человек и Бог в
философии XVII века

Человеческая природа
в философии XVIII
века

Атеистический
экзистенциализм

которого я являюсь, утверждает, что если даже Бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, где существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно выразить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, как говорит Хайдеггер, человеческая реальность. Что означает положение существование предшествует сущности? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом себя определяет. Человек, каким его понимают экзистенциалисты, потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится впоследствии, причем таким человеком, каким он создаст себя сам. Таким образом не существует природы человека, как не существует и Бога, который бы ее задумал. Человек единственен, и эта единственность проявляется не только в том, как он себя представляет, но и в том, каким он хочет стать, и поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, он есть лишь то, что сам из себя создает. Таков первый принцип экзистенциализма.

Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но мы хотим этим только сказать, что человек имеет больше достоинств, чем камень или стол. Мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, то есть, что человек является существом, которое устремлено к будущему и осознает, что оно проектирует себя в будущее. Человек прежде всего есть проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень, не цветная капуста; ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Ибо под желанием обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они себя создали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление выбора более первоначального, более спонтанного, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответственен за то, чем он

Экзистенциалистская
концепция человека

Человек создает себя
сам

Проект

Человек полностью
ответственен

является. Таким образом, первейшая задача экзистенциализма заключается в том, чтобы отдать во владение каждому человеку то, чем он является, и возложить на него полную ответственность за существование. И когда мы говорим, что человек ответственен, мы не хотим сказать, что он ответственен только за свою индивидуальность, но что он отвечает за всех людей. Имеется два смысла слова субъективизму и наши оппоненты играют на этой двусмысленности. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой - что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек себя выбирает, мы имеем в виду не только, что каждый из нас выбирает себя, но мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбор себя так или иначе означает одновременно утверждение ценности того, что мы выбираем, так как мы никогда не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, всегда является благом, и ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности, и если мы хотим существовать одновременно формируя наш образ, то этот образ значим для каждого из нас и для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, ибо она охватывает все человечество... Я ответственен за себя самого и за всех, и я создаю определенный образ человека, который выбираю: выбирая себя, я выбираю человека вообще. Это позволяет нам понять, что скрывается за немного напыщенными слонами тревога, заброшенность, отчаяние. Как вы увидите далее, это чрезвычайно просто. Во-первых, что понимается под треногой? Экзистенциалист охотно заявит, - что человек - это тревога. Это означает следующее: человек, который берет на себя обязательства, связанные с деятельностью, отдает себе отчет, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество. И поэтому он не можем избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многим людям не известно беспокойство; но мы считаем, что они прячут это чувство, бегут от него. Несомненно, многие люди полагают, что их действия касаются лишь их самих, а когда им говоришь: «А если бы все так поступали?» -они пожимают плечами и отвечают: «Но ведь все так не поступают». Однако на самом деле всегда следует

Выбор

Выбирая себя, человек
выбирает всех людей

Тревога

задавать себе вопрос: «А что бы произошло, если бы все так поступали?» И от этой беспокоящей мысли можно уйти, только проявив определенного рода недобросовестность. Тот, кто лжет, и кто оправдывается и заявляет, что не все так поступают, тот не в ладах с совестью, так как факт обмана означает, что ему придается значение универсальной ценности. Даже если ее скрывают, тревога существует...

Для каждого человека все происходит так, будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: «Действительно ли я имею право действовать таким образом, чтобы человечество руководствовалось моими поступками?» если же он не говорит этого, значит скрывает от себя свою тревогу. Речь здесь идет не о той тревоге, которая ведет к квиетизму, к бездействию. Речь идет о тревоге, известной всем, кто брал на себя какую-либо ответственность. Когда, например, военачальник берет на себя ответственность за атаку и посылает людей на смерть, он выбирает это действие, и, в сущности, выбирает один. Без сомнения, имеются приказы свыше, но они слишком общи и требуют истолкования, которое исходит от него, и от этого зависит жизнь многих людей. Он не может ни испытывать какого-то чувства тревоги, принимая решение. Любой руководитель знаком с такой тревогой. Однако она не мешает им действовать, наоборот, является условием для их действий, так как предполагает, что ими рассматривается множество различных возможностей, и когда они выбирают одну, то отдают себе отчет в том, что она имеет ценность именно потому, что выбрана. Об этой тревоге говорим экзистенциализм, мы объясняем ее непосредственной ответственностью за других людей. Она не является барьером, который отделяет нас от действия, она становится частью самого действия.

Когда мы говорим о заброшенности, излюбленном выражении Хайдеггера, мы хотим сказать только то, что Бога нет, и что отсюда необходимо сделать определенные выводы. Экзистенциализм противостоит той распространенной светской морали, которая стремится избавиться от Бога с минимальными издержками. Когда около 1880-го года некоторые французские профессора пытались выработать светскую мораль, они заявляли приблизительно следующее: «Бог - бесполезная и дорогостоящая гипотеза, и мы ее отбрасываем, но, между тем, для того чтобы существовали мораль, общество просвещенный народ, необходимо, чтобы некоторые ценности признавались всерьез и трактовались как существующие а priori... Следовательно, нам нужно еще немного поработать, чтобы показать, что

Тревога и недобросовестность

Тревога не ведет к бездействию

Тревога и ответственность

Светская мораль

ценности все же существуют на умопостигаемом небосводе, хотя, с другой стороны, Бога нет». Другими словами, если даже Бога нет, то ничего не изменится. Мы сохраним те же нормы честности, прогресса, гуманности, но только Бога превратим в устаревшую гипотезу, которая спокойно, сама собой отомрет. По моему мнению, это умонастроение всего того, что во Франции называют радикализмом. Экзистенциалист, напротив, полагает, что отсутствие Бога вызывает беспокойство, ибо с ним исчезает любая возможность найти какие-либо ценности на умопостигаемом небосводе. Не может быть больше блага *a priori*, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил; и нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать, поскольку мы находимся в пространстве, где живут одни только люди.

Достоевский писал: «Если Бога не существует, всё дозволено». Здесь находится исходная точка экзистенциализма. Действительно, всё дозволено, если Бога не существует, стало быть человек заброшен, ибо он не находит ни в себе, ни вне себя возможной опоры. Прежде всего он не находит оправданий. В самом деле, если существование предшествует сущности, то ничего нельзя объяснить ссылкой на изначально данную неизменную человеческую природу. Другими словами, нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода. С другой стороны, если Бога нет, мы не находим перед собой тех ценностей и предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом ни за собой, ни перед собой мы не имеем ни оправданий, ни извинений в светлом царстве ценностей. Мы одиноки, и нас никто не извинит. Это и есть то, что я выражаю в словах: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и, с другой стороны, все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в этот мир, отвечает за всё что делает. Экзистенциалист не верит в могущество страсти. Он никогда не станет думать, что благородная страсть это стремительный, опустошительный поток, который с неизбежностью толкает человека на совершение определенных поступков и, следовательно, служит извинением. Он полагает, что человек ответственен за свои страсти. Экзистенциалист ни в коей мере не считает, что человек может найти помощь на земле в виде: какого-то знака, данного ему как ориентир; ибо, по его мнению, человек расшифровывает знаки сам, и так, как ему вздумается. Он считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и' помощи, осужден всякий раз изобретать человека... каким бы ни был человек, впереди его всегда ожидает неизведанное будущее...

Радикализм

Достоевский и
экзистенциализм

Человек – это свобода

Человек изобретает
человека

Заброшенность предполагает, что мы сами выбираем наше бытие. Заброшенность приходит вместе с тревогой. Что касается отчаяния, то этот термин имеет чрезвычайно простой смысл. Он означает, что мы можем рассчитывать лишь на то, что зависит от нашей воли, или на ту сумму вероятностей, которая делает возможными наши действия. Когда что-нибудь хотят, всегда присутствует элемент вероятности. Я могу рассчитывать на приезд моего друга. Этот друг приедет на поезде или на трамвае; это предполагает, что поезд придет в назначенное время, а трамвай не сойдет с рельсов. Я остаюсь в области возможного; но полагаться на возможность следует лишь настолько, насколько наше действие допускает всю совокупность возможностей. С того момента, когда рассматриваемые мною возможности перестают быть вовлеченными в мое действие, я должен потерять к ним интерес, ибо никакой Бог, никакое намерение не может приспособить мир и его возможности к моей воле. В сущности, когда Декарт писал: «Лучше побеждать самого себя, чем мир», он хотел сказать то же самое: действовать без надежды. Марксисты, с которыми я беседовал, мне отвечали: «Вы можете в ваших действиях, которые, очевидно, будут ограничены вашей смертью, рассчитывать на поддержку других людей. Это значит, что нужно рассчитывать на то, что, другие окажут вам помощь в другом месте, в Китае, в России, и, одновременно, на то, что они помогут позднее, после вашей смерти, возобновить вашу деятельность и привести к ее осуществлению, к революции. Вы должны также на это рассчитывать, в противном случае, вы аморальны».

Я отвечаю на это, что всегда буду рассчитывать на товарищей по борьбе в той мере, в какой они вовлечены вместе со мной в конкретную борьбу, в монолитное единство партии или группировки, в которой я состою, действия которой мне постоянно известны и которые я могу более или менее контролировать. В данном случае рассчитывать на единство и на волю этой партии, это все равно, что рассчитывать на то, что трамвай придет вовремя или что поезд не сойдет с рельсов. Принимая во внимание, что человек свободен и не существует никакой человеческой природы, я не могу рассчитывать на людей, которых не знаю, основываясь на вере в человеческую доброту или заинтересованность человека в общественном благе. Я не знаю, какая судьба ожидает русскую революцию; я могу лишь

Заброшенность

Отчаяние

Возможность

Отчаяние и действие

Нет человеческой природы

восхищаться ею и взять ее за образец в той мере, и какой сегодня вижу, что пролетариат играет и России роль, какой он не играет ни в какой другой стране. Но я не могу утверждать, что революция обязательно приведет к победе пролетариата; я должен ограничиться тем, что вижу; я не могу быть уверен, что товарищи по борьбе продолжат мою работу после моей смерти, чтобы довести ее до максимального совершенства, ибо эти люди свободны и завтра будут свободно решать, каким должен быть человек. Завтра, после моей смерти, одни, может быть, решат установить фашизм, а другие окажутся такими трусами, что позволят им это сделать: тогда фашизм станет человеческой правдой; и тем хуже для нас. Реальные вещи будут такими, какими, с точки зрения человека, по его решению, они должны быть. Значит ли это, что я должен бездействовать? Нет. Сначала я должен выбрать, а затем действовать... Это не говорит о том, что мне не следует вступать в партию, но означает, что я не буду питать иллюзий, и что я буду делать то, что могу... Квиетизм - позиция людей, которые говорят: другие могут делать то, чего не могу делать я. Учение, которое я вам представляю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность заключается в действии; вместе с тем, оно идет дальше, потому что прибавляет, что человек есть не что иное, как его собственный проект... Он существует лишь в той мере, в которой себя реализует, он не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственная жизнь.

Теперь мы сможем понять, почему наше учение внушает ужас некоторым людям. Зачастую они способны выносить свою несостоятельность только с помощью следующих рассуждений: «Обстоятельства были против, я стою гораздо большего; конечно, у меня не было большой любви или большой дружбы, но это только потому, что я не встретил мужчину или женщину, которые были бы их достойны, я не написал хороших книг, но это потому, что у меня не было досуга; у меня не было детей, которым я мог бы себя посвятить, но это потому, что я не нашел человека, с которым мог бы пройти по жизни. Во мне, стало быть, остаются в целостности и сохранности множество неиспользованных способностей, склонностей и возможностей, которые придают мне значительно большую значимость, чем можно было бы судить только по моим поступкам». Однако, с точки зрения экзистенциалиста, в действительности нет никакой любви, кроме той, что создает саму себя; нет никакой возможности любви, кроме той, которая в

История и
человеческий выбор

Экзистенциализм –
противопоставляет себя
квиетизму

Недобросовестность

любви проявляется; нет никакого гения, кроме того, который выражает себя в произведениях искусства...

Человек вовлечен в свою жизнь, он рисует свой образ, а вне этого образа ничего нет. Вполне очевидно, что эта мысль может показаться жесткой для тех, кто не преуспел в жизни. Но, с другой стороны, она располагает к пониманию того, что в счет идет только реальность, что мечты, ожидания и надежды позволяют лишь определить человека как обманчивый сон, как рухнувшие надежды, а напрасные ожидания; то есть определить его отрицательно, а не положительно. Тем не менее, когда говорят: «Ты есть не что иное, как твоя жизнь», это не значит, что, например, о художнике будут судить исключительно по его произведениям; есть тысячи других вещей, которые его определяют. Мы хотим лишь сказать, что человек есть не что иное, как ряд его начинаний, что он есть сумма, организация, совокупность связей, которые составляют эти начинания. Таким образом, за что нас упрекают, так это не за пессимизм, а за жесткий оптимизм. Если некоторые люди упрекают нас за литературные произведения, в которых мы описываем существа вялые, слабые, трусливые, а иногда даже явно дурные, так это не только потому, что эти существа вялые, слабые, трусливые или дурные. Если бы мы заявили, как Золя, что они таковы по причине своей наследственности, по причине воздействия среды, общества, в силу определенной органической или психической детерминированности, люди успокоились и сказали бы: «Да, мы таковы, и с этим ничего не поделаешь». Но экзистенциалист, когда он описывает труса, говорит, что этот трус ответственен за собственную трусость. Он таков не потому, что у него трусливое сердце, легкие или мозг; он таков не вследствие своей физиологической организации, но потому, что своими поступками сконструировал себя как труса. Не бывает трусливого темперамента; темпераменты бывают нервическими, слабыми или сильными.

Но слабый человек совсем не обязательно трус, так как трусость возникает вследствие отречения или уступки, темперамент еще не действие; трус определяется по совершенному поступку. То, что вызывает у людей ужас, так это признание самого труса в том, что он трус. Люди хотели бы, чтобы трусами или героями рождались. Один из главных упреков в адрес моей книги *Дороги свободы* формулируется следующим образом: «Как можно делать героями столь вялых людей»? Это возражение выглядит смешным, оно предполагает, что люди рождаются героями. В сущности, людям так и хотелось бы думать, - если вы

Человек – это его жизнь

Пессимизм или жестокий оптимизм?

Ответственность человека

родились трусом, то вы ничего не сможете поделать и будете трусом всю вашу жизнь, как бы вы не поступали; если вы родились героем, то также можете быть совершенно спокойны, вы останетесь героем всю жизнь, будете пить как герой, есть как герой. Экзистенциалист же говорит, что трус делает себя трусом и герой делает себя героем; для труса всегда есть возможность больше не быть трусом, а для героя перестать быть героем... Итак, я думаю, мы ответили на некоторые обвинения, предъявленные экзистенциализму. Вы видите, что экзистенциализм нельзя рассматривать как философию квиетизма, ибо экзистенциализм определяет человека по его делам; ни как пессимистическое описание человека: не существует более оптимистического учения, поскольку судьба человека в нем самом; ни как попытку лишить человека возможности действовать, ибо он говорит ему, что надежда лишь и его действиях, и что единственная вещь, которая позволяет человеку жить, — это действие. Следовательно, в этом плане мы имеем дело с моралью действия и обязательств. Между тем нас упрекают также и в том, что мы замуравываем человека в индивидуальной субъективности

Но и здесь нас понимают очень плохо. Нашей исходной точкой действительно является субъективность индивида, и это обосновано строго философски. Не потому, что мы буржуа, а потому, что мы хотим иметь учение, опирающееся на истину, а не на совокупность прекрасных теорий, полных надеждами, не имеющими реальных оснований. Не может быть никакой другой истины в исходной точке, кроме этой: *Я мыслю, следовательно, существую*, здесь абсолютная истина сознания, постигающего самое себя. Любая теория, берущая человека вне момента, когда он постигает себя, есть теория, упраздняющая истину, поскольку вне картезианского *cogito* все предметы лишь вероятны, а теория вероятностей, не опирающаяся на истину, низвергается в попасть небытия; чтобы определять вероятное, нужно обладать истиной. Таким образом, для того, чтобы существовала хоть какая-нибудь истина, нужна истина абсолютная, которая проста, достижима и доступна всем...

Далее, наша теория, единственная теория, придающая человеку достоинство, единственная теория, которая не делает из него объекта. Любой материализм трактует всех людей, в том числе и себя, как объект, то есть как совокупности определенных реакций, которые ничем не отличаются от совокупностей качеств и явлений, образующих стол, стул или камень. Мы же хотим создать именно царство человека, представляющее совокупность ценностей, отличных от материального царства. Но субъективность, постигаемая как истина, не

Экзистенциализм —
оптимистическое учение

Субъективность

Cogito

Экзистенциализм и
материализм

является строго индивидуальной субъективностью, поскольку, как мы уже показали, в *cogito* человек открывает не только самого себя, но и других людей. Через *я мыслю*, в противоположность философии Декарта, В противоположность философии Канта, мы постигаем себя перед лицом другого, и другой так же достоверен для нас как мы сами. Таким образом, человек, постигающий себя непосредственно через *cogito*, открывает также и всех других, ион открывает их как условие собственного существования. Он отдает себе отчет, что не может быть кем-то (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым.. Чтобы получить какую-либо правду о себе, нужно, чтобы я прошел через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и я для моего самопознания. В этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого, как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и выступает «за» или «против» меня. Так, открываем мы тотчас мир, который называем интерсубъективностью, и в этом мире человек решает, чем он является и чем являются другие.

Кроме того, если невозможно найти в каждом человеке универсальную сущность, которая была бы человеческой природой, то все же возможны универсальные *условия* человеческого существования. Не случайно мыслители современности охотнее говорят об условиях человеческого существования, чем о человеческой природе. Под условиями они понимают, с большей или меньшей ясностью, совокупность априорных *ограничений*, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека и универсуме. Исторические ситуации меняются: человек может родиться рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием. Что не изменяется, так это необходимость для него быть в этом мире, быть в нем за работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным. Ограничения не субъективны, и не объективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны, - потому что они встречаются повсюду и повсюду узнаваемы; они субъективны, потому что *переживаемы*, являются ничем в том случае, когда не переживаемы человеком... И хотя

Субъективность
картезианская и
субъективность
экзистенциалистская

Существование другого

Человеческие условия

Историческая ситуация и
человеческие условия

проекты могут быть различными, ни один мне не чужд, потому что все они представляют собой попытку преодолеть ограничения, или раздвинуть их, или не признать их, или приспособиться к ним.

Следовательно, всякий проект, каким бы индивидуальным он ни был, имеет универсальную ценность... Любой проект универсален в том смысле, что он понятен каждому человеку. Это не означает, что данный проект определяет человека раз навсегда, но что он может быть вновь обретен. Всегда имеется способ понять идиота, ребенка, дикаря или иностранца, лишь бы располагать достаточными сведениями. В этом смысле мы можем утверждать существование универсальности человека, однако она не задана изначально, она постоянно создается. Я создаю универсальность, выбирая себя; я ее создаю, понимая проекты любого другого человека, к какой бы эпохе он ни принадлежал. Эта абсолютность выбора не упраздняет относительности каждой отдельной эпохи. То, что экзистенциализм хотел бы мужественно показать, так это связь между абсолютным характером свободно взятых обязательств, посредством которых каждый человек реализует себя, реализуя при этом определенный тип человеческих обязательств, понятных любой эпохе и любому человеку, и относительностью культурных ценностей, которые могут явиться результатом такого выбора... Если хотите, в этом смысле каждый из нас существо абсолютное, когда он дышит, ест, спит, или действует тем или иным образом. Нет никакой разницы между свободным бытием, бытием-проектом, существованием, выбирающим свою сущность и абсолютным бытием; и нет никакой разницы между абсолютным, локализованным во времени, то есть локализованным в истории бытием, и универсально постижимым бытием.

Это, однако, не снимает полностью обвинений в субъективизме, которые выступают в нескольких формах. Первое заключено в следующем упреке: «Значит, вы можете делать что угодно»; это обвинение формулируется различно. Сначала нас обвиняют в анархизме, а потом заявляют: «Вы не можете судить других, так как не имеете оснований предпочесть один план другому». И, наконец, нам могут сказать: «Всё произвольно в вашем выборе, вы отдаете: одной рукой то, что как вы притворно утверждаете, получили другой». Эти три возражения не слишком серьезны. Прежде всего, первое возражение - вы можете выбирать что угодно, неточно. Возможность выбора однозначна, но что невозможно, так это не выбирать. Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что, если я не выбираю, я все-таки выбираю... Для нас человек находится в организованной ситуации, которая его обязывает, и своим выбором он вовлекает в нее все человечество, и он не может уклоняться от выбора... В любом случае, чтобы

Универсальность
человека

Обязательства

Выбор и субъективность

он ни делал, невозможно, чтобы он не нес ответственности за решение этой проблемы... Моральный выбор можно сравнить с созданием произведения искусства. И здесь надо сразу же остановиться, для того чтобы сказать, что речь идет отнюдь не об эстетской морали, ибо наши противники столь недобросовестны, что упрекают нас даже в этом. Разве когда-нибудь упрекали художника, рисующего картину, за то, что он не руководствуется априорно установленными правилами? Разве когда-нибудь говорили, какую он должен нарисовать картину? Совершенно понятно, что нельзя изначально определить как выполнить картину, что художник углублен в создание своего произведения, и что создаваемая картина, точно та картина, которую он нарисует. Совершенно ясно, что нет априорных эстетических ценностей, но есть ценности, которые проявятся потом, в организации картины, в отношениях между творческой волей и результатом. Никто не может сказать, какой будет живопись завтра; нельзя судить о том, какой должна быть живопись. Какое отношение имеет это к морали? Здесь мы также оказываемся в ситуации творчества. Мы никогда не говорим о произвольности произведения искусства. Когда мы говорим о полотне Пикассо, мы никогда не говорим, что оно безосновательно; мы прекрасно понимаем, что рисуя она создаст себя таким, каков он есть в то время, когда рисует, что совокупность его произведений включена в его жизнь.

Так же обстоит дело и в морали. Между искусством и моралью общим является то, что в обоих случаях мы имеем творчество и изобретение. Мы не можем решить а priori, что надо делать... Человек создает себя.

Он творит себя, выбирая свою мораль; а давление обстоятельств такого, что он не может не выбрать какой-нибудь морали. Мы определяем человека только через его отношение к своим обязательствам. Поэтому бессмысленно упрекать нас в безосновательности выбора. Во-вторых, нам говорят, что мы не можем судить других. Это отчасти верно, а отчасти нет. Это верно в том смысле, что когда человек со всей искренностью и полной ясностью выбирает свои обязательства и проекты, какими бы ни были эти проекты, им невозможно предпочесть другие. Это верно в том

Мораль и эстетика

Экзистенциалистская мораль

Человек выбирает свою мораль

Выбор не безотносителен

Экзистенциализм и понятие прогресса

смысле, что мы не верим в прогресс; прогресс — это улучшение; человек же всегда находится лицом к лицу с меняющейся ситуацией, И выбор всегда остается выбором в ситуации. Моральная проблема ничуть не изменилась стек пор, когда, например, надо было выбирать между сторонниками рабовладения и их противниками во время войны между Севером и Югом, вплоть до настоящего времени, когда нужно высказаться за М.Р.П. или коммунистов.

Но судить, тем не менее, можно, поскольку, как я уже говорил, выбирают перед лицом других, И себя выбирают перед лицом других. Прежде всего можно судить (это может быть не оценочное, а логическое суждение) о том, что есть выбор, основанный на заблуждении, а есть выбор, основанный на истине. Можно судить о человеке, когда он недобросовестен. Если мы определили ситуацию человека как свободный выбор, осуществленный без оправдания и без помощи, то всякий человек, который укрывается за оправдание своим страстям, всякий человек, который выдумывает детерминизм, — недобросовестен. Нам могут возразить: «Но почему он не может выбирать себя недобросовестно?» Я отвечаю, что не хочу его осудить морально, но я определяю его недобросовестность как заблуждение. Здесь нельзя избежать суждения об истине. Недобросовестность есть очевидная ложь, ибо она скрывает полную свободу обязательств. В том же смысле можно сказать, что недобросовестность имеет место, когда я выбираю утверждение, что некоторые ценности существуют раньше меня. Я противоречу сам себе, если выражаю с ними согласие и одновременно заявляю, что они вменяются мне в обязанность. Если мне скажут: «А я хочу быть недобросовестным?», — я отвечу: «Нет никаких оснований, чтобы вы им не были, но я заявляю, что вы именно таковы, тогда как строгая последовательность характера лишь для добросовестных». Кроме того, я могу привести моральное суждение. Когда я объявляю, что свобода в каждой конкретной ситуации не может иметь другой цели, кроме желания самой себя, то это означает, что если однажды человек признал, что он в своей заброшенности устанавливает ценности, он ничего больше не может желать, кроме свободы, как основы всех ценностей. Это не означает, что он желает ее абстрактно. Это попросту означает, что действия добросовестных людей имеют своей целью поиски свободы как таковой. Человек... преследует конкретные цели, эти цели предполагают наличие абстрактной воли к свободе; но этой свободы желают в конкретном. Мы желаем свободы ради свободы в любых конкретных обстоятельствах. И желая свободы мы обнаруживаем, что она полностью зависит от свободы других и что свобода других зависит от нашей свободы.

Недобросовестность

Свобода

Свобода другого

Конечно, свобода, как определение человека, не зависит от другого, но как только возникают обязательства, связанные с действиями, я одновременно обязан желать, чтобы моя свобода была свободой других, я могу принимать в качестве цели мою свободу лишь тогда, когда поставлю своей целью также и свободу других. Следовательно, если с точки зрения полной аутентичности я признаю, что человек — это существо, у которого существование предшествует сущности, что он есть существо свободное, которое может в различных обстоятельствах желать только лишь своей свободы, я одновременно признаю, что я могу желать свободы других. Таким образом, во имя этой воли к свободе, заключенной в самой свободе, я могу формировать суждения о тех, кто хотел бы скрыть от себя полную бесосновательность своего существования и свою полную свободу. Одних, которые будут скрывать от себя с помощью духа серьезности или ссылок на детерминизм свою полную свободу, я назову трусами; других, которые пытаются показать, что их существование необходимо, когда как случайно само появление человека на земле, я назову негодяями. Но трусов или негодяев можно судить лишь с точки зрения строгой аутентичности. Поэтому, хотя содержание морали будет меняться, определенные формы этой морали универсальны. Кант заявляет, что свобода желает самой себя и свободы других. Согласен, но он полагает, что формальное и всеобщее достаточно для конституирования морали. Мы же, напротив, думаем, что слишком отвлеченные принципы терпят неудачу при определении действия... Содержание всегда конкретно и, следовательно, непредсказуемо; всегда имеет место изобретение. Единственная вещь, которую нужно учитывать, это знание того, делается ли данное изобретение во имя свободы...

Таким образом, вы видите, что второе обвинение одновременно и истинно, и ложно. Можно выбирать все, если выбор свободен...

Третье возражение сводится к следующему: «Вы получаете одной рукой то, что даете другой», то есть, в сущности, ваши ценности несерьезны, поскольку вы их сами выбираете. На это я отвечаю, что так оно и есть; но если я упразднил Бога-отца, то нужно иметь кого-то для создания ценностей. Вместе с тем, утверждение, что мы изобретаем ценности означает только то, что жизнь не имеет смысла a priori. Пока вы не живете, жизнь является ничем, и это вы придаете ей смысл, а ценности есть не что иное, как смысл, который вы выбираете. Благодаря этому вы увидите, что есть

Аутентичность

Мораль абстрактная и мораль конкретная

Экзистенциалистские ценности

возможность создания человеческой общности.

Меня упрекали за саму постановку вопроса — является ли экзистенциализм гуманизмом. Мне говорили: «Ведь вы же писали в *Тошноте*», что гуманисты не правы, вы насмехались над определенным типом гуманизма, почему вы теперь к нему обращаетесь?

В действительности слово *гуманизм* имеет два совершенно различных смысла. Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность... Это означает, что мы можем оценить человека по наиболее выдающимся действиям некоторых людей. Такой гуманизм абсурден, ибо только собака или лошадь могла бы дать общую характеристику человеку и заявить, что человек паразителен; чего они, кстати, вовсе не собираются делать, по крайней мере, насколько мне известно. Но нельзя признать, чтобы о человеке мог судить человек. Экзистенциализм освобождает его от всех суждений подобного рода: экзистенциалист никогда не рассматривает человека как цель, так как человек всегда находится в состоянии становления. И мы не должны думать, что существует человечество, из которого можно сделать культ... Это гуманизм, которого мы не хотим

Но есть другой смысл гуманизма, который, в сущности, означает следующее: человек постоянно находится вне самого себя, создавая себя и теряя себя вовне, он существует как человек, и, с другой стороны, он может существовать только преследуя трансцендентные цели; человек, выходя за свои пределы и улавливая объекты только по отношению к этому выходу вовне, находится и сердцевине, в центре этого выхода за собственные пределы. Нет другого мира, кроме мира человеческого, мира человеческой субъективности. Это соединение трансцендентности, как составляющей человека, - не в смысле трансцендентности Бога, но в смысле выхода за свои пределы, - и субъективности, в том смысле, что человек не заключен в самом себе, но всегда присутствует в человеческом мире, это то, что мы называем экзистенциалистским гуманизмом. Это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, и что в своей заброшенности он будет принимать решения о себе самом; поскольку мы показываем, что это не является обращением к самому себе, но всегда есть поиски какой-то цели вовне, что человек себя реализует именно как человек.

Из этих рассуждений видно, что нет ничего

Гуманизм

Классический гуманизм

Экзистенциалистский
гуманизм

Трансцендентность

Экзистенциализм
атеизм

несправедливее выдвинутых против нас возражений. Экзистенциализм - это не что иное, как попытка извлечь все выводы из последовательного атеизма. Он вовсе не пытается ввергнуть человека в отчаяние. Но если отчаянием называют, как это делают христиане, всякое неверие, то экзистенциализм исходит из подлинного отчаяния. Экзистенциализм - не такой атеизм, который изнуряет себя доказательством того, что Бога не существует. Скорее он заявляет следующее: даже если бы Бог существовал, это ничего бы не изменил; вот наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование Бога, но мы думаем, что проблема заключается не в его существовании. Необходимо, чтобы человек вновь обрел самого себя и убедился, что ничего не может его спасти от самого себя, даже приемлемое доказательство существования Бога. В этом смысле экзистенциализм - это оптимизм, доктрина действия, и только вследствие недобросовестности, путая свое собственное отчаяние с нашим, христиане могут называть нас отчаявшимся.

Выводы

Альбер Камю

(1913–1960)

АБСУРД И САМОУБИЙСТВО

Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема - проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, - значит ответить на фундаментальный вопрос философии...

Как *определить* большую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? Судить должно по действиям, которые следуют за решением. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умирал за онтологический аргумент. Галилей отдавал должное научной истине, но с необычайной легкостью от нее отрекся, как только она стала опасной для его жизни. В каком-то смысле он был прав. Такая истина не стоила костра. Земля ли вертится вокруг Солнца, Солнце ли вокруг Земли - не все ли, равно? Словом, вопрос это пустой. И в то же время я вижу, как умирает множество людей, ибо, по их мнению, жизнь не стоит того, чтобы ее прожить. Мне известны и те, кто, как ни странно, готовы покончить с собой ради идей или иллюзий, служащих основанием их жизни (то, что называется причиной жизни, оказывается одновременно и превосходной причиной смерти). Поэтому вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов...

Самоубийство всегда рассматривалось исключительно в качестве социального феномена. Мы же, напротив, с самого начала ставим вопрос о связи самоубийства с мышлением индивида... Сам человек ничего о нем не знает, но в один прекрасный день стреляется или топится. Об одном самоубийце-домоправителе мне говорили, что он сильно изменился, потеряв пять лет назад дочь, что эта история его «подточила». Трудно найти более точное слово. Стоит мышлению начаться, и оно уже подтачивает. Поначалу роль общества здесь не велика, Червь сидит в сердце человека, там его и нужно искать. Необходимо понять ту смертельную игру, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света...

Покончить с собой - значит признаться, что жизнь кончена, что она сделалась непонятной. Не будем, однако, проводить далеких аналогий, вернемся к обыденному языку. Признается попросту, что «жить не стоит». Естественно, жить всегда нелегко. Мы продолжаем совершать требуемые от нас действия по самым разным причинам, прежде всего в силу привычки. Добровольная смерть предполагает, пусть инстинктивное, признание ничтожности этой привычки, осознание отсутствия какой бы то ни было причины для продолжения жизни, понимание бессмысленности повседневной суеты, бесполезности страдания.

Каково же это смутное чувство, лишаящее ум необходимых для жизни грез? Мир, который поддается объяснению, пусть самому дурному, - этот мир нам знаком. Но если вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним. Человек изгнан навек, ибо лишен и памяти об утраченном отечестве, и надежда на землю обетованную. Собственно говоря, чувство абсурдности и есть это разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями. Все когда-либо помышлявшие о самоубийстве люди сразу признают наличие прямой связи между этим чувством и тягой к небытию...

...независимо от того, совершают люди самоубийство, или нет, кажется априорно ясным, что может быть всего лишь два философских решения: «да» и «нет». Но это слишком уж просто. Есть еще и те, кто непрестанно вопрошает, не приходя к однозначному решению. Я далек от иронии: речь идет о большинстве. Понятно также, что многие, отвечающие «нет», действуют так, словно сказали «да»... И наоборот, самоубийцы часто уверены в том, что жизнь имеет смысл. Мы постоянно сталкиваемся с подобными противоречиями...

Итак, стоит ли полагать, столкнувшись с этими противоречиями и этой темнотой, будто нет никакой связи между возложным мнением о жизни и деянием, совершаемым, чтобы ее покинуть? Не будем преувеличивать. В привязанности человека к миру есть нечто более сильное, чем все беды мира. Тело принимает участие в решении ничуть не меньше ума, и оно отступает перед небытием. Мы привыкаем жить задолго до того, как привыкаем мыслить. Тело сохраняет это опережение в беге дней, понемногу приближающим смертный час. Наконец, суть противоречия заключается в том, что я назвал бы «уклонением»... Уклонение от смерти — это надежда. Надежда на жизнь иную, которую требуется «заслужить», либо уловки тех, кто живет не для самой жизни, а ради какой-нибудь великой идеи, превосходящей и возвышающей жизнь, наделяющей ее смыслом. и предающей ее.

Все здесь путает нам карты. Исполдволь утверждалось, будто взгляд на жизнь как на бессмыслицу равен утверждению, что она не стоит того, чтобы ее прожить. На деле между этими суждениями нет никакой необходимой связи. Просто должно не поддаваться замешательству, разладу и непоследовательности, а прямо идти к подлинным проблемам. Самоубийство совершают потому, что жить не стоит, — конечно, это истина, но истина бесплодная, трюизм. Разве это проклятие существования, это изобличение жизни во лжи суть следствия того, что у жизни нет смысла? Разве абсурдность жизни требует того, чтобы от нее бежали — к надежде или к самоубийству? Вот что нам необходимо выяснить... ведет ли абсурд к смерти? Эта проблема первая среди всех других, будь то методы мышления или бесстрастные игрища духа. Нюансы, противоречия, всеобъясняющая психология, умело привнесенная «духом объективности», — все это не имеет ничего общего с этим страстным исканием. Ему потребно неправильное, то есть логическое, мышление. Это нелегко дается. Всегда просто быть логичным, но почти невозможно быть логичным до самого конца. Столь же логичным, как самоубийцы, идущие до конца по пути своего чувства. Размышление по поводу самоубийства позволяет мне поставить единственную проблему, которая меня интересует: существует ли логика, приемлемая вплоть до самой смерти? Узнать это я смогу только с помощью рассуждения, свободного от хаоса страстей и исполненного светом очевидности. Так намечается начало рассуждения, которое я называю абсурдным. Многие начинали его, но я пока не знаю, шли ли они до конца...

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 24-28.

АБСУРДНЫЕ СТЕНЫ

Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость. Судя по всему, другой человек всегда остается для нас непознанным, в нем всегда есть нечто не сводимое к нашему познанию, ускользающее от него. Но *практически* я знаю людей и признаю их таковыми по поведению, совокупности их действий, по тем следствиям, которые порождаются в жизни их поступками. Все недоступные анализу иррациональные чувства также могут *практически*: определяться, *практически* оцениваться, объединяться по своим последствиям в порядке умпостижения. Я могу уловить и пометить все их лики, 'дать очертания вселенной каждого чувства... человек определяется разыгрываемыми им комедиями ничуть не меньше, чем искренними порывами души. Речь идет о чувствах, которые нам недоступны во всей своей глубине; но они частично отражаются в поступках, в установках сознания,

необходимых для того или иного чувства. Понятно, что тем самым я задаю метод. Но это — метод анализа, а не познания... Определяемый здесь метод передает чувство невозможности какого бы то ни было истинного познания. Он дает возможность перечислить видимости, прочувствовать душевный климат...

Родословная абсурдного мира восходит к нищенскому рождению. Ответ «ни о чем» на вопрос, о чем мы думаем, в некоторых ситуациях есть притворство... Но если ответ искренен, если он передает то состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий и сердце впустую ищет утерянное звено, то здесь как будто проступает первый знак абсурдности.

Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме — вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем»? Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки. «Начинается» — вот что важно. Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание. Скука пробуждает его и провоцирует дальнейшее: либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение. А за пробуждением рано или поздно идут следствия: либо самоубийство, либо восстановление хода жизни... Этого пока что достаточно для беглого обзора истоком абсурда. В самом начале лежит просто «забота».

...человек принадлежит времени и с ужасом осознает, что время - его злейший враг. Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд.

Стоит спуститься на одну ступень ниже - и мы попадаем в чуждый нам мир. Мы замечаем его «плотность», видим, насколько чуждым в своей независимости от нас является камень, с какой интенсивностью нас отрицает природа, самый обыкновенный пейзаж. Основанием любой красоты является нечто нечеловеческое... Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира. Он становится непостижимым, поскольку на протяжении веков мы понимали в нем лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали, а теперь у нас больше нет сил на эти ухищрения. Становясь самим собой, мир ускользает от нас... пока что у нас есть только эта плотность и эта чуждость мира - этот абсурд.

Люди также являются источником нечеловеческого. В немногие часы ясности ума механические действия людей, их лишенная смысла пантомима явственны во всей своей тупости... Отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека, пропасть, в которую мы низвергаемся, взглянув на самих себя, эта «тошнота»... - это тоже абсурд. Точно так же нас тревожит знакомый незнакомец, отразившийся на мгновение в зеркале или обнаруженный на нашей собственной фотографии, - это тоже абсурд...

...меня интересуют не столько проявления абсурда, сколько следствия. Если мы удостоверились в фактах, то какими должны быть следствия, куда нам идти? Добровольно умереть или же, несмотря ни на что, надеяться?

...Каким бы словесным играм и логической акробатике мы ни предавались, понять - значит прежде всего унифицировать. Даже в своих наиболее развитых формах разум соединяется с бессознательным чувством, желанием ясности... В стремлении понять реальность разум удовлетворен лишь в том случае, когда ему удастся свести ее к мышлению...

Пока разум молчит, погрузившись в недвижный мир надежд, все отражается и упорядочивается в единстве его ностальгии. Но при первом же движении этот мир дает трещину и распадается: познание остается перед бесконечным множеством блестящих осколков. Можно прийти в отчаяние, пытаясь собрать их заново, восстанавливая первоначальное единство, приносящее покой нашим сердцам. Столько

веков исследований, столько самоотречения мыслителей, а в итоге все наше познание оказывается тщетным. Кроме профессиональных рационалистов, все знают сегодня о том, что истинное познание безнадежно утрачено...

Шероховатость деревьев, вкус воды - все это тоже мне знакомо. Запах травы и звезды, иные ночи и вечера, от которых замирает сердце, - могу ли я отрицать этот мир, всемогущество которого я постоянно ощущаю? Но всем земным наукам не убедить меня; в том, что это - мой мир... с помощью науки можно улавливать и перечислять феномены, нисколько не приближаясь тем самым к пониманию мира. Мое знание мира не умножится, даже если мне удастся прощупать все его потаенные извилины...

По-своему интеллект также говорит мне об абсурдности мира. Его оппонент, каковым является слепой разум, может сколько угодно претендовать на полную ясность - я жду доказательств, и был бы рад получить их. Но, несмотря на вековечные претензии, несмотря на такое множество людей, красноречивых и готовых убедить меня в чем угодно, я знаю, что все доказательства ложны. Для меня нет счастья, если я о нем не знаю. Этот универсальный разум, практический или моральный, этот детерминизм, эти всеобъясняющие категории - тут есть над чем посмеяться честному человеку. Все это не имеет ничего общего с умом, отрицает его глубочайшую суть, состоящую в том, что он поработан миром. Судьба человека отныне обретает смысл в этой непостижимой и ограниченной вселенной. Над ним возвышается, его окружает иррациональное - итак до конца его дней. Но когда к нему возвращается ясность видения, чувство абсурда высвечивается.

Я говорил, что мир абсурден, но это сказано чересчур поспешно. Сам по себе мир просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и исступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека и от мира. Пока он - единственная связь между ними...

Атаки на разум, пожалуй, никогда не были столь яростными, как в настоящее время... и логическом и моральном плане целое семейство родственных в своей ностальгии умов, противостоящих друг другу по целям и методам, яростно преграждает царственный путь разума и пытается отыскать некий подлинный путь истины...

Как не почувствовать глубокое родство всех этих умов? Как не увидеть, что их притягивает одно и то же не всем доступное и горькое место, где больше нет надежды? Я хочу, чтобы мне либо объяснили все, либо ничего не объясняли. Разум бессилен перед криком сердца. Поиски пробужденного этим требованием ума ни к чему, кроме противоречия и неразумия, не приводят. То, что я не в силах понять, неразумно. Мир населен такими иррациональностями. Я не понимаю уникального смысла мира, а потому он для меня безмерно иррационален. Если бы можно было хоть единожды сказать: «это ясно», то все было бы спасено. Но эти мыслители с завидным упорством провозглашают, что нет ничего ясного, повсюду хаос, что человек способен видеть и познавать лишь окружающие его стены...

Дойдя до своих пределов, ум должен вынести приговор и выбрать последствия. Таковыми могут быть самоубийство и возражение... Человек сталкивается с иррациональностью мира. Он чувствует, что желает счастья и разумности. Абсурд рождается в этом столкновении между призывом человека и неразумном молчанием мира... Иррациональность, человеческая ностальгия и порожденный их встречей абсурд - вот три персонажа драмы, которую необходимо проследить от начала до конца со всей логикой, на какую способна экзистенция.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 28-38.

ФИЛОСОФСКОЕ САМОУБИЙСТВО

Чувство абсурда не равнозначно понятию абсурда. Чувство лежит в основании, это точка опоры. Оно не сводится к понятию, исключая то краткое мгновение, когда чувство выносит приговор вселенной. Затем чувство либо умирает, либо сохраняемся... Жить под этим удушающим небом - значит либо уйти, либо остаться. Необходимо знать, как уходят и почему остаются. Так определяется мною проблема самоубийства, и с этим связан мой интерес к выводам экзистенциальной философии...

...у меня есть все основания сказать, что чувство абсурдности рождается не из простого исследования факта или впечатления, но врывается вместе со сравнением фактического положения дел с какой-то реальностью, сравнением действия с лежащим за пределами этого действия миром. По существу, абсурд есть раскол. Его нет ни в одном из сравниваемых элементов. Он рождается в их столкновении.

Следовательно с точки зрения интеллекта я могу сказать, что абсурд не в человеке (если подобная метафора вообще имеет смысл) и не в мире, но в их совместном присутствии...

Помимо человеческого ума нет абсурда. Следовательно, вместе со смертью исчезает и абсурд, как и все остальное. Но абсурда нет и вне мира... Первым, и по сути дела, единственным условием моего исследования является сохранение того, что меня уничтожает, последовательное соблюдение того, что я считаю сущностью абсурда. Я определил бы ее как противостояние и непрерывную борьбу.

Проводя до конца абсурдную логику, я должен признать, что эта борьба предполагает полное отсутствие надежды (что не имеет ничего общего с отчаянием), неизменный отказ (его не нужно путать с отречением) и осознанную неудовлетворенность (которую не стоит уподоблять юношескому беспокойству). Все, что уничтожает, скрывает эти требования или идет вразрез с ними (прежде всего это уничтожающее раскол согласие), разрушает абсурд и обесценивает предполагаемую установку сознания. Абсурд имеет смысл, когда с ним не соглашаются...

Для (абсурдного ума) мир и не слишком рационален, и не так уж иррационален. Он просто неразумен... Абсурд -это ясный разум, осознающий свои пределы.

Под конец этого нелегкого пути абсурдный человек находит свои подлинные основания. Сравнивая свои глубинные требования с тем, что ему до сих пор предлагалось, он неожиданно ощущает, что смысл его требований был искажен... Грех не столько в знании (по этому счету весь мир невинен), сколько в желании знать. Таков единственный грех, относительно которого абсурдный человек чувствует себя виновным и невинным в одно и то же время. Ему предлагается разрешение всех былых противоречий, которые объявляются просто полемическими играми. Но абсурдный человек чувствует нечто совсем иное, ему необходимо сохранить истину этих противоречий. А она такова, что сохраняются и противоречия...

Предпринятое мною рассуждение хранит верность той очевидности, которая пробудила его к жизни. Этой очевидностью является абсурд,

раскол между полным желанием умом и обманчивым миром, между моей ностальгией по единству и рассыпающимся на бесчисленные осколки универсумом -противоречие, которое их объединяет... Необходимо знать, можно ли жить абсурдом, или эта логика требует смерти. Меня интересует не философское самоубийство, а самоубийство как таковое. Я намерен очистить этот акт от его эмоционального содержания, оценить его искренность и логику.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 38-40, 50-51.

АБСУРДНАЯ СВОБОДА

...В мире, который окружает, задевает, подталкивает меня, я могу отрицать все, кроме этого хаоса, этого царственного случая, этого божественного равновесия, рождающегося из анархии. Не знаю, есть ли у этого мира превосходящий его смысл. Знаю только, что он мне неизвестен, что в данный момент он для меня непостижим... Я способен к пониманию только в человеческих терминах. Мне понятно то, к чему я прирагиваюсь, что оказывает мне сопротивление. Понимаю я также две достоверности - мое желание абсолюта и единства, с одной стороны, и несводимость этого мира к рациональному и разумному принципу - с другой, И я знаю, что не могу примирить эти две противоположные достоверности...

Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего.

Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью. Ни с чем не сравнимо зрелище человеческой гордыни, тут ничего не могут поделывать все самоуничужения. Есть нечто неповторимо могущественное в дисциплине, которую продиктовал себе ум, в крепко выкованной воле, в этом противостоянии.

Мы видим теперь, насколько опыт абсурда далек от самоубийства. Ошибочно мнение, будто самоубийство следует за бунтом, является его логическим завершением. Самоубийство есть полная противоположность бунта, так как предполагает согласие. Подобно скачку, самоубийство - это согласие с собственными пределами. Все закончено, человек отдается предписанной ему истории; видя впереди ужасное будущее он низвергается в него. На свой лад самоубийство тоже разрешение абсурда, оно делает абсурдной даже саму смерть...

Сознание и бунт -обе эти формы отказа - противоположны отречению. Напротив, их переполняют все страсти человеческого сердца. Речь идет о смерти без отречения, а не о добровольном уходе из жизни. Самоубийство - ошибка. Абсурдный человек исчерпывает все и исчерпывается сам; абсурд есть предельное напряжение, поддерживаемое всеми его силами в полном одиночестве. Абсурдный человек знает, что сознание и каждодневный бунт -свидетельство той единственной истины, которой является брошенный им вызов...

Меня не интересует, свободен ли человек вообще, я могу ощутить лишь свою собственную свободу. У меня нет общих представлений о свободе, но есть лишь несколько отчетливых идей. Проблема «свободы вообще» не имеет смысла, ибо так или иначе связана с проблемой бога. Чтобы знать свободен ли человек, достаточно знать, есть ли у него господин. эту проблему делает особенно абсурдной то, что одно и то же понятие и ставит проблему свободы, и одновременно лишает ее всякого смысла, так как в присутствии бога это уже не столько проблема свободы, сколько проблема зла. Альтернатива известна: либо мы не свободны и ответ за зло лежит на всемогущем боге, либо мы

свободны и ответственны, а бог не всемогущ. Все тонкости различных школ ничего не прибавили к остроте этого парадокса.

...По поводу свободы у меня нет иных понятий, кроме тех, которыми располагает узник или современный индивид в лоне государства. Единственно доступная моему познанию свобода есть свобода ума и действия. Так что если абсурд и уничтожает шансы на вечную свободу, то он предоставляет мне свободу действия и даже увеличивает ее. Отсутствие свободы и будущего равнозначно росту наличных сил человека.

...абсурдный человек понимает, что к... постулату о свободе его привязывали иллюзии, которыми он жил. В известном смысле это ему мешало. Пока он грезил о цели жизни, он соотносился с требованиями, предлагаемыми поставленной целью, и был рабом собственной свободы. По сути дела я не могу действовать иначе, как в роли отца семейства (или инженера, вождя, внештатного сотрудника железной дороги), каковым я намерен стать. Я полагаю, что могу выбрать скорее одно, чем другое. Правда моя вера в это бессознательна. Но этот постулат подкрепляется и верованиями моего окружения, и предрассудками среды (медь другие так уверены в своей свободе, их оптимизм так заразителен!). Как бы мы ни отгораживались от всех моральных и социальных предрассудков, частично мы все же находимся под их влиянием и даже сообразуем свою жизнь с лучшими из них... Таким образом, абсурдный человек приходит к пониманию, что реально он не свободен...

Абсурд развеял мои иллюзии: завтрашнего дня нет. И отныне это стало основанием моей свободы... Пробуждение сознания, бегство от сновидений повседневности - таковы первые ступени абсурдной свободы...

Погрузиться в эту бездонную достоверность, почувствовать себя достаточно чуждым собственной жизни - чтобы возвеличить ее и идти по ней, избавившись от близорукости влюбленного, - такой принцип освобождения. Как и любая свобода действия, эта новая независимость конечна, у нее нет гарантии вечности. Но тогда свобода действия приходит на смену иллюзорной *свободе*, а иллюзии исчезают - перед лицом смерти. Принципами единственно разумной свободы становятся здесь божественная отрешенность приговоренного к смерти... невероятное равнодушие ко всему, кроме чистого пламени жизни, смерть и абсурд. Это принципы, которые доступны человеческому сердцу... Вселенная абсурдного человека - это вселенная льда и пламени, столь же прозрачная сколь и ограниченная, где нет ничего возможного, но все дано. В конце его ждет крушение и небытие...

Но что значит жить в такой вселенной? Ничего, кроме безразличия к будущему и желания исчерпать все; что дано. Вера в смысл жизни всегда предполагает шкалу ценностей, выбор, предпочтение. Вера в абсурд, по определению, учит нас прямо противоположному...

...Настоящее - таков идеал абсурдного человека: последовательное прохождение моментов настоящего перед взором Неустанно сознательной души...

Итак, я вывожу из абсурда три следствия, каковыми является мой бунт, моя свобода и моя страсть. Одной лишь игрой сознания я превращаю в правило жизни то, что было приглашением к смерти и отвергаю самоубийство...

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 51, 53-56, 58.

АБСУРДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Поле моей деятельности, - говорил Гёте, - это время». Вот вполне абсурдное речение. Что представляет собой абсурдный человек? Он ничего не предпринимает ради вечности и не отрицает этого. Не то чтобы ему вообще была

чужда ностальгия. Но он отдает предпочтение своему мужеству и своей способности суждения. Первое учит его вести не подлежащую обжалованию жизнь, довольствоваться тем, что есть; вторая дает ему представление о его пределах. Уверившись в конечности своей свободы, отсутствии будущности у его бунта и в бренности сознания, он готов продолжить свои деяния в том времени, которое ему отпущено жизнью. Здесь его поле, место его действий, освобожденное от любого суда, кроме его собственного...

Нам не до ученых рассуждений о морали. Дурные человеческие поступки сопровождаются изобилием моральных оправданий, и я каждый день замечаю, что честность не нуждается в правилах. Абсурдный человек готов признать, что есть лишь одна мораль, которая не отделяет от бога: это навязанная ему свыше мораль. Но абсурдный человек живет как раз без этого бога. Что до других моральных учений (включая и имморализм), то в них он видит только оправдания, тогда как самому не в чем оправдываться. Я исхожу здесь из принципа его невиновности...

Абсурд не есть дозволение каких угодно действий. «Все позволено» не означает, что ничто не запрещено. Абсурд показывает лишь равноценность последствий всех действий. Он не рекомендует совершать преступление... но выявляет бесполезность угрызений совести. Если все виды опыта равноценны, то опыт долга не более законен, чем другой.

Все моральные учения основываются на той идее, что действие оправдывается или перечеркивается своими последствиями. Для абсурдного ума эти следствия заслуживают лишь спокойного рассмотрения... для него существует ответственность, но не существует вины... он согласен, что прошлый опыт может быть основой для будущих действий. Время воодушевляет другое время, жизнь служит другой жизни. Но в самой жизни, в этом одновременно ограниченном и усеянном возможностями поле, все выходящее за пределы ясного видения кажется непрёдвиденным.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 60, 61.

МИФ О СИЗИФЕ

Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд...

...Сизиф - абсурдный герой. Таков он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему, несказанных мучений -- он вынужден бесцельно напрягать силы. Такова цена земных страстей. Нам неизвестны подробности пребывания Сизифа в преисподней... Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону... В результате долгих и размеренных усилий... цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновения камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз.

Сизиф интересует меня во время этой паузы... Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это

время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня.

Этот миф трагичен, поскольку его герой наделен сознанием. О какой каре могла бы идти речь, если бы на каждом шагу его поддерживала надежда на успех? Сегодняшний рабочий живет так всю свою жизнь, и его судьба не менее трагична. Но сам он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращается сознание. Сизиф, пролетарии богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает во время спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение. иногда спуск исполнен страданий, но он может проходить и в радости... сокрушающие нас истины отступают как только мы распознаем их. Так Эдип' сначала подчинился судьбе, не зная о ней. Трагедия начинается вместе с познанием. Но в то же мгновение слепой и отчаявшийся Эдип сознает, что единственной связью с миром остается для него нежная девичья рука. Тогда-то и раздается его высокомерная речь: «Несмотря на все невзгоды, преклонный возраст и величие души заставляют меня сказать, что все хорошо». Эдип у Софокла... дает нам формулу абсурдной победы...

...мир всего лишь один, счастье и абсурд являются порождением одной и той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно из абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья. «Я думаю, что все хорошо», — говорит Эдип, и эти слова священны... Они учат... что не все исчерпано. Они изгоняют из мира бога, вступившего в него вместе с неудовлетворенностью и тягой к бесцельным страданиям. Они превращают судьбу в дело рук человека, дело, которое должно решаться среди людей.

В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень его достояние. Точно так же абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идолов... Абсурдный человек говорит «да» — и его усилиям более нет конца. Если и есть личная судьба, то это отнюдь не предопределение свыше, либо, в крайнем случае, предопределение сводится к тому, как о нем судит сам человек: оно фатально и достойно презрения. В остальном он сознает себя властелином своих дней. В неумолимое мгновение, когда человек оборачивается и бросает взгляд на прожитую жизнь, Сизиф, вернувшись к камню, созерцает бессвязную последовательность действий, ставшую его судьбой. Она была сотворена им самим, соединена в одно целое его памятью и скреплена смертью...

Я оставляю Сизифа у подножия его горы!.. Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо... Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представить себе счастливым.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 90-92.

УБИЙСТВО И САМОУБИЙСТВО

...Когда пытаешься извлечь из чувства абсурда правила действия, обнаруживается, что благодаря этому чувству убийство воспринимается в этом случае безразличной и, следовательно, становятся допустимыми. Если ни во что не веришь, если ни в чем не видишь смысла и не можешь удержать какую-либо ценность, все дозволено и ничто не имеет значения. Нет доводов «за», нет доводов «против», и убийцу невозможно ни осудить, ни оправдать. Что сжигать людей в газовых печах, что посвящать свою жизнь уходу за прокаженными -никакой разницы. Добродетель и злой умысел становятся делом случая и каприза...

Но логика не может найти применения в установке, которая поочередно представляет убийство допустимым и недопустимым. И все-таки, признав убийство этически нейтральным, анализ абсурда приводит в конце концов к его осуждению, и это самый важный вывод. Последним итогом абсурдного рассуждения является отказ от самоубийства и участие в отчаянном противостоянии вопрошающего человека и безмолвной вселенной. Самоубийство означало бы конец этой конфронтации, в то время как абсурдное рассуждение видит в самоубийстве отрицание собственных предпосылок. Ведь самоубийство - это бегство от мира или избавление от него. А согласно этому рассуждению жизнь является единственным подлинно необходимым благом, благодаря которому только и возможна названная выше конфронтация. Вне человеческого существования пари абсурда немислимо: в таком случае отсутствует одна из необходимых для тяжбы сторон. Заявить, что жизнь абсурдна, способен только живой, обладающий сознанием человек. Каким же образом, не делая значительных уступок интеллектуальному комфорту, сохранить для себя единственное и своем роде преимущество подобного рассуждения? Признав, что жизнь, будучи благом для тебя, является таковым для всех других. Невозможно оправдать убийство, если отказываешь в оправдании самоубийству. Ум, усвоивший идею абсурда, безоговорочно допускает возможность рокового убийства, убийства по страсти, но не принимает убийства рассудочного. В контексте упомянутой выше конфронтации убийство, по сути дела, равноценно самоубийству. Принимая или отвергая одно из них, неизбежно примешь или отвергнешь другое.

Поэтому абсолютный нигилизм, считающий самоубийство вполне законным актом, с тем большей легкостью признает законным убийство. Наше столетие охотно допускает, что убийство может быть оправдано, и причина такого допущения кроется, в безразличии к жизни, свойственном нигилизму... В определенном смысле человек, обрекающий на смерть лишь себя, отрицает все ценности, кроме одной - права на жизнь, которым обладает другие люди... Всякое самоубийство в одиночку, если только оно совершается не в отместку, по-своему великодушно или же исполнено презрения. Но ведь презирают во имя чего-то. Если мир безразличен самоубийце, значит, он представляет, что для него небезразлично или же могло бы быть таковым. Самоубийца полагает, что он все разрушает и все уносит с собой в небытие, но сама его смерть утверждает некую ценность, которая, быть может, заслуживает, чтобы ради нее жили. Самоубийства недостаточно для абсолютного отрицания. Последнее означало бы абсолютное разрушение, уничтожение самого себя и всего существующего... Убийство и самоубийство -две стороны одной и той же медали - несчастного сознания, которое мукам ограниченности человеческого удела предпочитает темный восторг, в котором сливаются, уничтожаясь, и земля и небо.

Точно так же, если отрицаешь доводы в пользу самоубийства, не найдешь их и в пользу убийства. Нельзя быть нигилистом наполовину, Абсурдное рассуждение не может одновременно сохранять жизнь того, кто его проводит, и допускать принесение в жертву других. Стоит признать невозможность абсолютного отрицания, чтобы тем самым признать: первое, что не подлежит отрицанию, - это жизнь ближнего. Таким образом, ход рассуждений, приведший к мысли о безразличности убийства,

снимает затем доводы в его пользу. То есть мы вновь оказываемся в неимеющей оправдания ситуации, из которой пытались найти выход. На практике подобное рассуждение убеждает нас одновременно, что убивать можно и что убивать нельзя. Оно приводит нас к противоречию, не дав ни одного аргумента за или против легитимации убийства.

БУНТУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

...Абсурд в качестве методического сомнения представляет собой чистую доску. Он оставляет нас в тупике. Вместе с тем, будучи сомнением, он способен, обращаясь к собственной сути, направлять нас на новые поиски. Рассуждение продолжается тогда уже известным образом. Я кричу о том, что ни во что не верю что все бессмысленно, но я не могу сомневаться и собственном крике и должен верить хотя бы в собственный протест. Первая и единственная очевидность, которая дается мне таким образом в опыте абсурда, это бунт. Лишенный всякого знания, вынужденный убивать или мириться с убийством, я располагаю только этой очевидностью, углубляемой внутренним раздором, в котором я обретаюсь. Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятого и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса, жаждет цельности в самой сердцевине того, что ускользает и исчезает. Бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось и наконец-то запечатлелись слова, которые безостановочно пишутся вилами по Воде. Цель бунта -преображение. Но преобразовывать значит действовать, а действие уже завтра может означать убийство, поскольку бунт не знает, законно оно или не законно. И бунт порождает как раз такие действия, которые он должен узаконить. Следовательно, необходимо, чтобы бунт искал свои основания в самом себе, поскольку ни в чём ином он их не может найти. Бунт должен сам себя исследовать, без чего он не будет знать, как правильно ему действовать...

Что же представляет собой бунтующий человек? Это человек говорящий «Нет». Но отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да». Раб, всю жизнь повиновавшийся господским распоряжениям, неожиданно считает последнее из них неприемлемым. Каково же содержание его «нет»?

...порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нетерпимое, и в смутной убежденности бунтаря и своей доброй воле, а вернее, его впечатлении, что он «вправе делать то-то и то-то». Бунт не происходит, если нет такого чувства правоты. Вот почему взбунтовавшийся раб говорит разом и «да» и «Нет»... Он упрямо доказывает, что в нем есть нечто «стоящее», которое нуждается в защите. Режиму, угнетающему его индивидуальность, он противопоставляет своего рода право терпеть угнетение только до того предела, какой он сам устанавливает.

Вместе с отталкиванием чужеродного и любом бунте происходит полное и произвольное отождествление человека с определенной стороной его собственного существа. Здесь скрытым образом вступает в игру ценностное суждение, и притом столь спонтанное, что оно помогает бунтарю выстоять среди опасностей. До сих пор он по крайней мере молчал, погрузившись в отчаяние, вынужденный терпеть любые условия, даже если считал их глубоко несправедливыми. Поскольку угнетаемый молчит, люди полагают, что он не рассуждает и ничего не хочет, а в некоторых случаях он и вправду ничего уже не желает. А ведь отчаяние, так же как абсурд,

судит и желает всего вообще и ничего в частности. Его хорошо передает молчание. Но как только угнетаемый заговорит, пусть даже произнося «нет», это значит, что он хочет и сучит. Бунтарь делает крутой поворот. Он шел, погоняемый кнутам хозяина. А теперь встает перед ним лицом к лицу. Бунтовщик противопоставляет все, что ценно для него, всему, что таковым не является. Не всякая ценность обуславливает бунт, но всякое бунтарское движение молчаливо предполагает некую ценность. О ценности ли в данном случае идет речь?

...Бунтарь хочет быть или «всем», целиком и полностью отождествляя себя с тем благом, которое он неожиданно осознал, и требуя, чтобы в его лице люди признавали и приветствовали это благо, или «ничем», то есть полностью лишиться всяких прав, повинувшись превосходящей силе. Идя до конца, восставший готов к последнему бесправию, каковым является смерть, если будет лишек того единственного священного дара, каким, например, может стать для него свобода. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

...Вопреки ходячему мнению о бунте, возникновение лозунга «Всё или ничего» доказывает, что бунт, даже зародившийся в недрах: сугубо индивидуального, ставит под сомнение само понятие индивида. Если индивид действительно готов умереть и в определенных обстоятельствах принимает смерть в своем бунтарском порыве, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, которое, по его мнению, значит больше его собственной судьбы. Если бунтовщик готов погибнуть, лишь бы не лишится защищаемого им права, то это означает, что он ценит свое право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, равно присуща как ему, так и всем другим. Очевидно, утверждение, присущее любому мятежному действию, простирается на нечто, превосходящее индивида в той мере, в какой это нечто избавляет его от предполагаемого одиночества и дает ему основание действовать... следует отметить, что по своей сути бунтарский порыв не является эгоистическим душевным движением. Споры нет, он может быть обусловлен эгоистическими причинами. Но люди восстают равно и против лжи и против угнетения. Более того, поначалу движимый этими причинами, бунтовщик в самой глубине души ничем не дорожит, поскольку ставит на карту все. Конечно, восставший требует к себе уважения, но в той мере, в какой он отождествляет себя с естественном человеческим сообществом. Отметим еще, что бунтовщиком становится отнюдь не только сам угнетенный. Бунт может поднять и тот, кто потрясен зрелищем угнетения, жертвой которого стал другой. В таком случае происходит отождествление с этим угнетенным... Пример этого благороднейшего движения человеческой души - самоубийства из протеста, на которые решались русские террористы на каторге, увидев, как секут их товарищей по борьбе. Дело здесь не только в общности интересов. Действительно, мы можем счесть возмутительной несправедливость по отношению к нашим противникам. Есть только отождествление судеб и принятого решения. Таким образом, для себя самого индивид вовсе не является той ценностью, которую он хочет защищать. Для создания этой ценности нужны все люди. В бунте, выходя за свои пределы, человек сближается с другим, и с этой точки зрения человеческая солидарность является метафизической. Речь идет... о солидарности, рождающейся в оковах...

...бунт полностью преодолевает озлобленность... я всячески настаиваю на страстном созидательном порыве бунта, который отличает его от озлобленности. По своей видимости негативный, поскольку ничего не создает, бунт в действительности глубоко позитивен, потому что он открывает в человеке то, за что всегда стоит бороться.

Но не являются ли относительными и бунт, и ценность, которую он несет в себе? Похоже, что причины бунта менялись вместе с эпохами и цивилизациями... В обществе бунтарский, мух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства. А это

означает, что проблема бунта имеет смысл только в нашем западном обществе. В таком случае трудно было бы удержаться от соблазна утверждать, что эта проблема связана, с развитием индивидуализма, если бы предыдущие размышления не насторожили нас против такого вывода.

...В сакрализованном мире нет проблемы бунта, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда: Здесь место метафизики занимает миф. Нет никаких вопрошаний, есть только ответы и бесконечные комментарии к ним, которые могут быть и метафизическими. Но человек есть вопрошание и бунт - пока он не вошел и сферу священного и тогда, когда он вышел из нее, хотя вопрошает и бунтует ради того, чтобы войти туда или выйти оттуда. Человек бунтующий есть человек, живущий до или после священного, требующий человеческого порядка, при котором и ответы будут человеческими, то есть разумно сформулированными. С этого момента всякий вопрос, всякое слово является бунтом, тогда как в сакрализованном мире всякое слово есть акт благодати. Можно было бы таким образом показать, что для человеческого духа доступны только два универсума - универсум священного... и универсум бунта. Исчезновение одного означает возникновение второго, хотя это возникновение может происходить в озадачивающих формах... Мы живем в десакрализованной истории. Конечно, человек не сводится к восстанию. Но сегодняшняя история с ее распрями вынуждает нас признать, что бунт - это одно из существенных измерений человека. Он является нашей исторической реальностью...

...Солидарность людей обуславливается бунтарским порывом, а он, в свой черед, находит себе оправдание только в их соучастии. Следовательно мы вправе заявить, что любой бунт, позволяющий себе отрицать или разрушать человеческую солидарность, перестает в силу этого быть бунтом и в реальности совпадает с мертвящим соглашательством. Точно так же лишенная святости человеческая солидарность обретает жизнь лишь на уровне бунта. Тем самым заявляет о себе подлинная драма бунтарской мысли. Для того чтобы жить, человек должен бунтовать, но его бунт обязан уважать границы, открытые бунтарем в самом себе, границы, за которыми люди, объединившись, начинают свое подлинное бытие. Бунтарская мысль не может обойтись без памяти, ей присуща постоянная напряженность. Следуя за ней в своих произведениях и действиях, мы всякий раз должны спрашивать, остается ли эта мысль верной своему первоначальному благородству или, наоборот, забыла о нем - то ли по причине усталости и безумия, то ли во хмелю тирании и раболепия.

...В опыте абсурда страдание индивидуально. В бунтарском порыве оно приобретает характер коллективного существования... Первое движение ума, скованного отчужденностью, заключается в том, что он разделяет эту отчужденность со всеми людьми, и в том, что человеческая реальность страдает в своей целостности от обособленности, отчужденности по отношению к самой себе и к миру. Зло, испытанное одним человеком, становится чумой, заразившей всех. В наших повседневных испытаниях бунт играет такую же роль, какую играет «*cogito*» в порядке мышления: бунт является первой очевидностью. Но эта очевидность извлекает индивида из его одиночества, она является тем общим, что лежит в основе первой ценности для всех людей. Я бунтую, следовательно, мы существуем.